

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «История науки и техники»

Л. С. СЕМЕНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Издательство «Наука»

Москва 1980

Семенов Л. С. **Путешествие Афанасия Никитина.**— М.: Наука, 1980.—144 с., ил.— (Серия «История науки и техники»).

Записки выдающегося русского путешественника Афанасия Никитина, пять столетий назад посетившего Индию, переведены на многие языки мира и издавна привлекают внимание писателей и ученых. Автору, работавшему в Индии, удалось по-новому интерпретировать замечательный памятник древнерусской культуры. Сопоставляя русские летописи и индийские хроники с записками Афанасия Никитина, автор устанавливает новые хронологические рамки «Хожения за три моря», уточняет маршрут путешествия.

Леонид Сергеевич Семенов ПУТЕШЕСТВИЕ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Приходько
Художественный редактор И. В. Разина
Технический редактор Л. Н. Золотухина

Корректоры О. В. Лаврова, В. А. Шварцер
ИВ № 15310

Сдано в набор 26.09.79. Подписано и печати 29.12.79. Т-16392. Формат 84 X1081/3г. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 150 000 (1-ый завод 1—100 000 экз.) Тип. зак. 2342. Цена 30 коп.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90 2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

© Издательство «Наука», 1980 г.

Ответственный редактор доктор исторических наук Р. Г. СКРЫННИКОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
За год до Казанского похода	8
Первое море — Каспийское	28
Второе море — Индийское	58
Семь враг Бидара	75
Третье море — Черное	109
Заключение	132
Примечание	134
Литература	138
Список сокращений	138
Указатель имен	139
Указатель географических названий	141

ВВЕДЕНИЕ

В середине XV в. Европа стояла на пороге великих географических открытий в поисках прямого морского пути в Индию. Корабли Васко да Гамы, проведенные через Аравийское море Ибн Маджидом, «мавром из Гуджарата», открыли в 90-е годы эпоху завоевания Индостана. Современники, впрочем, полагали, что первыми достигли берегов Индии каравеллы Колумба. И долго еще на картах мира значились две Индии — Вест-Индия и Ост-Индия.

Не одна лишь жажда завоевания толкала в неведомые земли. Росла потребность в достоверных сведениях об обычаях, нравах, правлении, общественном устройстве, ресурсах и точном географическом положении стран, о самом существовании которых знали лишь понаслышке. Именно об этом свидетельствуют рассказы о посещении Индии, появившиеся еще до периода великих географических открытий. Это — «Топография» византийского купца Козьмы Индикоплова, «Книга» венецианского купца Марко Поло и повесть русского купца Афанасия Никитина «Хождение за три моря». Первое из названных сочинений относится к VI в., раннему средневековью, второе — к XIII в., средневековью эпохи расцвета, последнее — к XV в. Каждое описание по содержанию было богаче предыдущего, ибо отвечало более сложным потребностям последующей эпохи.

Для науки путешествия Афанасия Никитина открыл Н. М. Карамзин. Разбирая архив Троице-Сергиева монастыря, он нашел глубоко поразившие его записки русского путешественника: «Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии»¹.

Карамзин был знаком не только с путешествиями XVII в. по Индии и Персии. В его переводе русский читатель впервые познакомился со сценами из драмы «Шакунтала» великого индийского писателя Калидасы. Примерно в то же время на русском языке появилось еще одно произведение древнеиндийской литературы — отрывок из «Махабхараты», изданный Н. И. Новиковым. Им были напечатаны также наиболее ранние известия о русско-индийских связях, которые удалось разыскать тогда среди дел Посольского приказа².

Читая о каком-либо научном открытии, мы порой забываем, что оно имело свою предысторию. Нам кажется, что до раскопок немецкого археолога Г. Шлимана на Гиссар-Лыкском холме никто не знал, где именно находилась древняя Троя. Но откройте русские «Хождения» эпохи Афанасия Никитина. «Тут бяше устье вышло на море, еже зовется Белое, — читаем в записках Зосимы, плывшего в 1420 г. из Черного в Средиземное море, — и тут стоит град Трояда»³. А следовавший позднее этим же путем московский купец Трифон Корабейников уточняет: «Той град разорен, и то место стоит пусто»⁴.

Первым, кто обратился к выяснению обстоятельств жизни Афанасия Никитина, был его современник. Им, как полагают, был дьяк митрополита Геронтия — Родион Кожух. С его именем связывают целый ряд известий, включенных в летописный свод, ставший основой для Львовской и Софийской II летописей, списки которых содержат «Хождение» Никитина⁵. Летописец выступает здесь не только как повествователь дел давно минувших, но и как историк своего времени.

«Того же году, — говорится в Львовской летописи под 6983 (1474/1475) г., — обретох написание Офонаса тверитина купца, что был в Ындее 4 годы, а ходил, сказывает, с Василием Папиным. Аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаши ми, за год до казанского похода пришел из Орды; коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лето пошел или в кое лето пришел из Ындеи, умер, а сказывают, что деи Смоленска не дошед, умер. А писание то своею рукою написал, иже его руки те тетради привезли гости к Мамыреву Василью, к диаку великого князя на Москву»⁶.

И в тех тетрадях — «Хождение за три моря», как назвал описание своего путешествия Афанасий Никитин.

Откроем Львовскую (названную так по фамилии издателя) летопись, дошедшую до нас в списке XVI в. Черные, будто тушью нанесенные буквы. «Се нанисах свое грешное хождение за три моря, — начинаем различать почти нерасчлененные в строке слова с отдельными, вынесенными над строкой буквами, — 1-е море Дербеньское, дория Хвалитьскаа; 2-е море Индейское, дория Гундустанскаа; 3-е море Черное, дория Стембольская»⁷.

Имя автора в летописном тексте «Хождения» названо только один раз, в самом конце, при описании отъезда из Индии: «Ту же окаянный аз, рабище Афонасей бога выш-няго, творца небу и земли ... устремихся умом поитти на Русь и внидох [в таву] и сговорих о налоне корабленем, а от своа главы два златых до Гурмыза града дойти» (49). Имени отца путешественника в летописи нет. Его сохранил Троицкий список, обнаруженный Карамзиным. Этот список вообще полнее, чем летописные, он сохранил не только начальную фразу, раскрывающую имя отца Афанасия («сын Никитин»), но и целых две страницы рукописи, которые отсутствуют в летописи. В то же время в Троицком списке текст Никитина по сравнению с летописным подвергнут настолько значительной неавторской обработке, что его выделяют как самостоятельную редакцию «Хождения». Впрочем, отдельные слова и фразы, которые пропущены или искажены в Троицкой редакции, донесли до нас летопись и — наоборот. Так, в приведенном отрывке по летописи вместо «о налоне» написано «от колена», «в таву» пропущено, «дойти» вместо «дати». Слова эти правильно читаются в Троицком списке, но там написано «аканный», а вместо «умом» — «ум» (29). В XVII в. возникла третья редакция — сокращенный вариант Троицкого списка. Зато здесь яснее некоторые места,

оказавшиеся более понятными составителю, чем людям следующих поколений. И мы должны поэтому привлечь все варианты, чтобы восстановить первоначальный текст тетрадей Афанасия Никитина, которые спутники путешественника передали после его смерти дьяку Ивана III.

История текста «Хожения за три моря» представлялась исследователям по-разному. Высказывалась догадка, что Никитин оставил несколько авторских вариантов записок. Признаки этого один из ранних комментаторов «Хожения» И. И. Срезневский видел в разночтениях дошедших до нас списков. По его мнению, Никитин, переписывая свой дневник, вносил исправления⁸. Одна редакция досталась Мамыреву и перешла в летопись, а другой воспользовался составитель Троицкого списка. Советские исследователи пришли к выводу, что Никитин, придав литературную форму своим заметкам, начатым в Индии, оставил один вариант своего произведения. Текстологическое исследование показало, что «Хожение за три моря» нельзя назвать дневником в полном смысле слова — изложение здесь ведется не по дням, но основная часть, бесспорно, написана в Индии. Создателями же различных редакций «Хожения» явились переписчики памятника.

Мы не знаем, кто был редактором списка, хранившегося в Троице-Сергиевом монастыре. Был ли им Василий Мамырев, располагавший оригиналом записок Никитина, или Василий Ермолин, крупный подрядчик, известный книголюб. Ему, Ермолину, принадлежала летопись, находящаяся в составе Троицкого сборника вместе с «Хожением» Никитина. Одно можно сказать наверное: Мамырев не мог завещать этот список Троице-Сергиеву монастырю, так как умер в 1490 г., а бумага списка носит филигрань 1497 г.⁹ В XVII в. появилось новое название — «О индийском хождении»¹⁰. Из сохранившихся списков этой редакции один принадлежал Арсению Суханову, который в 1650-х годах побывал на Балканах и оставил описание поездки по Египту. Не ему ли обязаны мы новым названием и самой редакцией? Во всяком случае он настолько заинтересовался «хождением» Никитина в Индию, что включил его записки в составляемый для себя сборник.

Записки Афанасия Никитина, насколько можно судить по дошедшим до нас спискам, не были датированы. В них идет речь об исторических лицах, с которыми путешественник встречался. Но время их жизни и деятельности выходит, как правило, за рамки тех лет, на протяжении которых протекало путешествие. Никитин называет целый ряд событий второй половины XV в., происходивших в разных странах: на Кавказе, в Персии, Индии, Турции. Однако стоит только приступить к сопоставлению описания Никитина с тем, что нам известно об этих событиях по другим историческим документам, как немедленно возникает вопрос: явились ли записки путешественника результатом расспросов, или сделаны под непосредственным впечатлением происходившего у него на глазах? Вот почему важно не только получить общее представление об эпохе, в условиях которой сформировалась личность путешественника и совершено само путешествие. Нужно еще знать, в какие именно годы это произошло. Ведь если «сдвинуть» в известных пределах биографическую канву, общий социально-экономический и культурный фон сохранится, но историческое лицо, нас интересующее, окажется среди иных политических событий. А от этого зависит и понимание мотивов его поведения, и определение характера сообщаемых им сведений.

Когда Афанасий Никитин побывал в Индии? Очевидно, не позднее 1475 г., поскольку рукопись к этому времени была уже у летописца. Все путешествие, как видно из собственного рассказа путешественника, продолжалось около семи лет. Но, какие это годы, в записках Никитина не указано. Если путешествие закончилось в 1475 г., его начало должно отнести к 1468 г. Однако оно могло начаться и закончиться раньше, так как не известно, велик ли разрыв во времени между смертью путешественника и тем моментом, когда записки получил летописец. Редактор XVII в., не знакомый, по-видимому, с летописным вариантом, поместил «Хожение», известное ему по Троицкому списку, под 6969 (1461) г.¹¹ Этому году соответствует начало княжения Михаила Тверского, названного Никитиным, но составитель не учел, что княжение Ивана III, тут же упомянутого, началось лишь в следующем, 6970 (1462) г.

Родион Кожух на основании «Хожения» счел, что пребывание Афанасия Никитина в Индии длилось четыре года. Фактически же путешественник жил в стране около трех лет, хотя этот период и охватывает четыре календарных года. Летописец выяснил, что посольство, к которому присоединился путешественник, состоялось за год до похода на Казань князя Юрия. Узнал о примерном месте смерти Афанасия. Однако не смог установить ни возраст путешественника, ни когда именно Никитин ходил в Индию. Не названы по имени и «гости», что привезли рукопись в Москву.

Попытаемся ответить если не на все, то хотя бы на некоторые вопросы, оставленные нераскрытыми летописцем.

ЗА ГОД ДО КАЗАНСКОГО ПОХОДА

Во второй половине XV в. Русское государство выходило на мировую арену. Наряду с развитием отношений с Западной Европой Русь налаживала дипломатические и торговые контакты с государствами Востока. При Иване III были направлены посольства в Герат в 1464—1465 гг., Шемаху в 1468 г., Тебриз в 1475 г. Накануне падения Золотой орды завязываются также политические отношения с Крымом. Отсюда становится понятным, что не одни лишь личные обстоятельства вызвали «индийское хождение» Афанасия Никитина.

Главная цель — воссоединение русских земель — определила основное направление борьбы против Орды и ханств, закрывавших Волжско-Каспийский путь. Перед русской дипломатией встала

двудеиная задача приобрести союзника и не допустить образование враждебной коалиции.

Золотая орда дробилась, и в лице Ахмед-хана (Ахмат русских летописей) в последний раз появляется власть, претендовавшая на все владения Джучиева улуса. Это использует Казимир IV Ягеллончик, король польский и литовский. Укрепившись после Торунского договора 1466 г. с Тевтонским орденом, он не раз побуждает золотоордын-ского хана выступить против Ивана III. В 1472 г. конница Ахмед-хана совершает набег на Русь, дойдя до Алексина на Оке. Нападение было отбито, однако союз хана с Казимиром продолжал представлять серьезную опасность. Тем более что король привлек на свою сторону крымского хана Хаджи Гирея. На Москве решают разбить эту дипломатическую комбинацию. Союз с Менгли Гиреем, утвердившимся в 1468 г. на «крымском юрте», позволил бы Ивану III сдержать и Казимира и Ахмед-хана. Однако процесс собирания сил против Золотой орды неожиданно осложнился вмешательством венецианской дипломатии.

Сенат Венеции решил привлечь Ахмед-хана в качестве союзника против Османской империи, война с которой, начатая в 1463 г., затягивалась. С этой миссией в Москву был направлен Джан Батиста Тривизан, которому надлежало тайно установить связь с ханом Золотой орды. Узнав об этом, Иван III задержал посла и обратился к венецианской синьории за разъяснениями¹.

Нападение Ахмед-хана, «подговоренного», по словам летописи, королем Казимиром, и действия Венеции ускорили начало переговоров с Менгли Гиреем. Однако, соглашаясь на союз против Золотой орды, он отказывался разорвать союзнические отношения с Казимиром, сложившиеся еще при отце.

Потерпев неудачу, венецианские дипломаты нашли, казалось, выход из положения, решив вовлечь в войну и великого князя московского. Сенат оправдывал миссию Три-визана тем, что сближение с Золотой ордой отвлечет ее от Руси и направит в сторону Черного моря. Последнее создало бы новую угрозу Руси, но, учитывая позицию Менгли Гирея, Иван III идет на временное сближение с Золотой ордой. На Волгу был направлен Никифор Басенков, и ответное посольство во главе с Кара Кючуком оказалось едва ли не самым многочисленным за всю историю русско-ордынских отношений. Великий князь пропускает Триви-зана в Орду в сопровождении своего посла Дмитрия Лазарева, после чего венецианский дипломат возвращается на родину вместе с русским послом Семеном Толбузиным.

Одновременно в Крым вместе с послом Менгли Гирея отправляется Никита Беклемишев. Он уже не раз выполнял дипломатические поручения. В 1471 г. ему удалось привлечь на службу Ивана III сына казанского хана Мур-таза; позднее он был приставлен к Тривизану во время пребывания последнего в Москве. Так что союз с Менгли Гиреем заключить на этот раз не удалось не по вине посла. Крымский хан пока что не менял своего отношения к Казимиру, хотя и не отказывался от продолжения переговоров. Осенью 1474 г. в Москву с Беклемишевым выехал крымский посол².

Такова общая картина деятельности русской дипломатии на рубеже 60—70-х годов XV в., как она предстает со страниц летописных сводов и архивных дел Посольского приказа. Мемуары венецианских дипломатов позволяют внести в нее ряд любопытных подробностей.

Амброджо Контарини, следовавший в Персию через Крым, рассказывает о случайной встрече в Киеве весной 1474 г. с послом Казимира, ехавшим в Кырк-иер — резиденцию крымского хана³. Так неожиданно записки венецианского посла проливают свет на причины неудачного исхода русского посольства — королю удалось нейтрализовать действия Беклемишева. Новый посол Ивана III в Крыму Алексей Старков уже не застал Менгли Гирея на — его свергнул («сыгна») ставленник Ахмед-хана. Контарини рассказывает также о встрече в следующем, 1475 г. в Тебризе с русским послом Марком; возвращаясь в Венецию, он совершил с ним путь до Москвы⁴. Контарини не говорит о целях посольства Ивана III. Однако, зная, что Персию, как и Россию, Венеция стремилась привлечь на свою сторону, мы можем заключить, что данное посольство было вызвано сближением с Венецией. Здесь, как и в Крыму, сошлись оба направления — восточное и западное — внешней политики Русского государства.

Рассматривая волжские ханства как возможных союзников Золотой орды, Иван III стремился не допускать их объединения. С этой целью в 1467—1469 гг. были совершены походы на Казань.

Борьба с Казанским ханством, первейшая задача в цепи внешнеполитических событий 60-х годов XV в., нашла подробное освещение в русских летописях. Несколько раз предпринимал Иван III походы против этого, по выражению К. Маркса, опасного соседа Руси⁵.

Казанское ханство, одним из первых отделившееся от Золотой орды, само раздиралось внутренними противоречиями. Одна из соперничавших феодальных группировок пригласила в 1467 г., после смерти хана, царевича Касима как старшего в роде. Он еще ранее перешел на службу великого князя, получив в управление Мещерский городок. Касим обратился к Ивану III, и с ним был послан отряд Ивана Васильевича Оболенского Стриги. Но в Казани к моменту их прибытия произошел дворцовый переворот. К власти пришел ставленник другой феодальной группы⁶ ровки, Ибрагим, который взял в жены ханскую вдову. Предупрежденный о движении войска, Ибрагим со всеми силами блокировал переправу через Волгу. Поход был предпринят глубокой осенью, и рать возвращалась, терпя холод, теряя от бескормицы лошадей и питаясь кониной. Мясо ели в постные дни, с сокрушением отмечает летописец. В ответ хан Ибрагим напал на Галич, но потерпел неудачу. Горожане «сели в осаду», а из Москвы к Галичу и другим городам были высланы сильные заставы.

В начале следующего года рать Ивана III, которого сопровождал Юрий и другие братья,

сосредоточилась во Владимире. По ханству был нанесен обходный удар. По зимнему пути в «черемисскую землю» был послан отряд Семена Романовича Верейского, который дошел почти до ханской столицы. «За один день не доходили до Казани», — пишет летописец⁶. Одновременно по обе стороны Волги действовали ополчения Муромы и Нижнего Новгорода. Высланный Ибрагимом отряд сжег Кичменгу. Послав заставу «перехватить» участников набега, Иван III «с всеми людьми» вернулся в Москву. Второй обходный удар по владениям казанского хана был нанесен весной. Рать Ивана Дмитриевича Руно разбила в Прикамье отряд, вышедший из Казани. Тем временем московская застава Федора Хрипуна из Нижнего Новгорода «идоша на Волгу и побита татар казанских двор царев много добрых»⁷. Один из ханских военачальников был убит, другой взят в плен. Однако после ухода Руно Вятка была окружена и вынуждена заключить с Ибрагимом соглашение. «Изневолил нас царь, — писали вятчане Ивану III, — и право свое дали есмя ему, что нам не помогать ни царю на великого князя, ни князю великому на царя»⁸.

Неудача первых двух походов побудила увеличить военные силы, направленные под Казань. Весной 1469 г. к Нижнему Новгороду двинулась судовая рать. Дворянским ополчением, посаженным на суда, начальствовал Константин Александрович Беззубцев, городским — Петр Васильевич Оболенский Нагой. К Вятке, также на судах, был направлен Данила Васильевич Ярославский. Но теперь, когда цель была близка, феодальные неурядицы грозили сорвать поход. Старший воевода, князь Беззубцев, получив грамоту от Ивана III, разрешил тем, кто пожелает, начать действия против Казанского ханства, но к самой Казани отнюдь не ходить. Начались разногласия. В результате войско покинуло Нижний Новгород, оставив старшего воеводу в городе.

Для общего командования избрали Руно, уже известного своими военными успехами. Иван Руно решил внезапным ударом захватить столицу ханства. 21 мая, в необычно короткие сроки преодолев путь по реке, войско неожиданно, на заре, появилось под стенами Казани. Руно «пожег» посад, но вынужден был отойти к Волге. Узнав о приближении Ибрагима, Руно разделил свои силы. Большие суда с молодыми воинами были отосланы к о. Ирыхов, остальные остались у о. Коровнича. Казанская судовая рать была отбита, и отряды Руно соединились у о. Ирыхов. Во время этих событий опять проявилась недисциплинированность в войске. Посланные с большими судами нарушили запрет выходить на «узкое место» и подверглись нападению. Новый речной бой разыгрался у о. Звенич. Войско Ибрагима действовало на судах и с берега: татарская конница прикрывала свои корабли. Бой шел в течение целого дня и прекратился лишь с наступлением ночи. «И разошлись кийждой на свои берег ночевати»⁹.

Несмотря на все усилия Беззубцева (его гонцы были перехвачены), совместных действий с отрядом, отправленным к Вятке, достигнуть не удалось. Данила Ярославский, получив ложные вести о том, что будто бы Беззубцев заключил мир с Ибрагимом, отошел от Вятки. Спускаясь к Волге по р. Каме, отряд попал в засаду у Казани и лишь с большими потерями прорвался к Нижнему Новгороду.

Осенний поход 1469 г., завершивший «казанскую войну», непосредственно связан с предыдущим походом, хотя в летописях они и оказались разобщенными. 1 сентября под Казанью появилась конная рать под начальством братьев Ивана III, Юрия и Андрея Большого, воевод Василия Михайловича Верейского и Ивана Юрьевича Патрикеева. Передовым полком командовал Данила Дмитриевич Холмский. Быстрота, с которой было собрано новое войско (если считать, что Беззубцев возвратился в Москву и только после этого начались сборы), и то, что изложение перебивается в одной из летописей повторением рассказа о действиях Руно, смущали многих историков. Непонятно было, почему в одной из летописей сказано, что Руно «поторовил» осажденным. Между тем именно возвращение летописца к рассказу о результатах действий Руно позволяет устранить возникшие недоумения. Дело в том, что конная рать с братьями Ивана III вышла до того, как закончились действия рати Беззубцева. «Судовая рать, — читаем в летописи, — наперед пришла к Казани» (21 мая), а братья великого князя «не успеха прийти вместе»¹⁰. Теперь понятен смысл грамоты Ивана III, присланной Беззубцеву: не начинать решительных действий до прихода из Москвы главных сил. Составитель Воскресенской летописи, как позднее и автор «Казанского летописца», обвиняет Руно, но не в измене, а в том, что он пошел на Казань «не заждався з береговыми людьми», т. е. с конной ратью, которая следовала по берегу. Только к началу сентября обе рати, судовая и конная, действительно объединились. «Пришли обои рати вместе к Казани. Братья... поидоша ко граду на конях, а судовая рать, вышед из судов, поидоша пеши...»¹¹. Вылазка из крепости была отбита. Началась осада. Войско «сташа под градом и отьяша у них воду». Видя себя «в велицей беде», осажденный Ибрагим согласился на переговоры. Мир был заключен князем Юрием «на всей воле великого князя».

По договору, как сообщает Устюжский летописный свод, хан возвращал «полон» за 40 лет, т. е. за все время существования Казанского ханства¹². Записки Иосафата Барбаро позволяют выяснить еще одно условие мирного договора: была отменена дань, которую казанские ханы взымали с русских судов, ходивших по Волге¹³.

Опыт казанских походов показал острую необходимость реорганизации старой военной системы, при которой, по выражению В. И. Ленина, «бояре ходили на войну со своими полками»¹⁴. В то же время победа под Казанью почти на 20 лет устранила опасность набегов и лишила союзника Золотую орду. Тем самым Казанский мир 1469 г. готовил окончательную ликвидацию чужеземного ига.

По отношению к Астраханскому ханству Иван III придерживался иной тактики. Венецианский дипломат, находившийся в Астрахани летом 1476 г., пишет, что здесь к русскому посольству,

возвращающемуся из Персии, присоединился астраханский посол. «Правитель Астрахани по имени Касим-хан, — пишет Контарини, — посылает ежегодно своего посла в Россию к московскому великому князю, скорее для получения какого-либо подарка, чем для чего-либо иного. Вместе с послом следуют многие татарские купцы»¹⁵.

Контарини рассказывает также о дербентских купцах, которые ездят в Астрахань для торговли с русскими купцами. То, что последние постоянно приезжают в Астрахань, подтверждает Иосафат Барбаро, в то время находившийся в Персии. Свидетельства эти рисуют вполне сложившуюся систему трехсторонних торговых связей. Купцов Контарини видел собственными глазами, как и астраханского посла, которого он называет Анхиоли. Но у нас есть основания усомниться в том, что посольства из Астрахани носили в эти годы регулярный характер. Русские летописи вообще не сообщают о послах астраханского хана, да и сам Контарини указывает на особые обстоятельства, которые, вероятно, объясняют и действительные цели данного посольства. Он пишет, что Касим-султан находился в состоянии войны с ханом Золотой орды, своим дядей: Касим считал, что он сам должен быть главным ханом... и потому между ними шла большая война»¹⁶. И именно в то время, когда Иван III прекратил отправку «ордынского выхода», показав, что идет на полный разрыв с Золотой ордой. Хотя впоследствии Касим-султан напал на Русь вместе с Ахмед-ханом, эпизод с посольством свидетельствует о попытке сближения между Москвой и Астраханью.

Вскоре в Крыму сложилась благоприятная обстановка. Менгли Гирей, став вновь крымским ханом, заключил союз с Иваном III как против Казимира, так и против Ахмед-хана, буквально накануне открытия военных действий Золотой ордой.

1480 год был на исходе, когда конница Ахмед-хана появилась на Оке и ее притоке р. Угре. Это последнее выступление золотоордынского хана против Русского государства было предпринято в тот момент, когда ливонские рыцари ворвались во владения Пскова, шведские феодалы напали на Новгород, а король Казимир выжидал выступления Ахмед-хана. Примирившись с братьями, которые «отступили от великого князя», требуя расширения своих уделов, Иван III противопоставил Золотой орде соединенное войско русских земель, а союзу Казимира и Ахмеда — союз с Менгли Гиреем. Золотоордынский хан, свергая Менгли Гирея, рассчитывал на одобрение Мухаммеда II, но султан после некоторого колебания поддержал прежнего хана. Крымская конница вторглась во владения Казимира, принудя его отказаться от похода на Русь. Совместное выступление с Ахмед-ханом не удалось, как и в 1472 г., когда король был занят войной в Венгрии.

Ахмед-хан так и не смог перейти Угру, за которой стояли рати Ивана III. Совершив набег на земли своего союзника, Ахмед-хан отступил к Сараю. Однако войско не дошло до столицы когда-то могущественной Золотой орды, а самого хана постигла судьба Мамая. Он был убит в собственной ставке, окруженный ногаями Большой орды, которые, соединившись с сибирскими татарами Шибанской орды, переправились на правый берег Волги. Современники расходятся лишь в том, кто убил хана, войдя на рассвете в его шатер, мурза Ямгурчей или хан Айбек? Позднее, в 1502 г., на Дону под Девичьими горами у устья Тихой сосны соединенными силами Ивана III и Менгли Гирея был разбит последний ордынский правитель, сын Ахмеда, Ших Ахмед-хан. Так наступил конец Золотой орды.

Укрепление Русского государства и события на Угре позволили перейти к борьбе за Балтику и возвращение русских городов по западной границе. Иван III вступает в сношения с германским императором, заключает союз с Данией, договоры о перемирии с Ливонским орденом, которому наносит ряд поражений, мирные договоры с Польско-Литовским государством, развивает связи с итальянскими государствами, устанавливает дипломатические отношения с Турцией, поддерживает Молдавию и Венгрию.

«Измученная Европа, — писал К. Маркс, характеризуя международное положение Руси на рубеже XV—XVI вв., — была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи»¹⁷.

В чем же заключались причины столь значительных внешнеполитических успехов?

Прежде всего — это общий экономический подъем в результате изменений в системе земледелия, восстановления старых и развития новых отраслей ремесленного производства. С ростом товарно-денежных отношений стали складываться условия для более тесных экономических связей отдельных «национальных областей» в границах централизованного государства, необходимость которого порождалась самими этими экономическими условиями¹⁸. В XVI в. уже отчетливо выделяются районы хлебопроизводящие (Рязанская земля, Опопынина, Заволочье, а позднее и Поволжье), производства и обработки льна (Новгород-ско-Псковская земля, Ярославский край, а после воссоединения и Смоленщина), железодельного производства (Серпуховско-Тульский, Тихвинский, Устюжна Железно-польский), солеварения (Солигалич, Старая Русса, Пермская земля). Значительное развитие получает кожевенное производство.

Для общественной жизни Руси XV—XVI вв. характерен рост городов и дальнейшее развитие ремесла. Ширятся слободы древних русских центров — в связи с общим подъемом экономики сюда стекается торгово-ремесленное население. Появляются новые села, торжки, слободы. Москва, политический и культурный центр Русского государства, становится средоточием ширящихся экономических связей. Сюда везут хлеб, мясо, сало, кожи из Ярославля, Костромы, Нижегородского края; лен и коноплю — из новгородских и псковских земель; пушнину, рыбу и соль — из Двинской земли, Пермского края, Вятки. Население северных районов покупало хлеб в Москве и везло его по

ярославской и угличской дорогам. Важное значение получают водные пути, используемые не только в период навигации, но и зимой для движения санных обозов. Развитие производства и обмена в процессе создания централизованного государства обусловило возобновление в конце XIV — начале XV в. чеканки монеты в Москве, Новгороде, Твери, Пскове и других городах.

Воссоединение древних русских земель в едином государстве шло, по образному выражению Ф. Энгельса, рука об руку с окончательной ликвидацией зависимости от Золотой орды¹⁹. Оба эти взаимообусловленных процесса определили характерные черты эпохи, в которую сложилось мировоззрение Афанасия Никитина и с которой неразрывными нитями связано его путешествие.

Именно в первые десятилетия княжения Ивана III (1462—1505 гг.), когда было подготовлено окончательное освобождение от влияния Золотой орды, происходит ликвидация феодальной обособленности Твери и Новгорода, которую использовали западные соседи и внутренние противники централизации. В Новгороде шла ожесточенная борьба между боярско-купеческой верхушкой и посадскими низами. «Молодые» люди надеялись найти управу на бояр у Ивана III, «старшие» искали пути, как удержать власть и обширные владения. При этом часть бояр ориентировалась на московского великого князя, другая же, более влиятельная, группировка устремляла взоры за «литовский рубеж», надеясь на вмешательство короля Казимира. Отмена вечевых порядков в Новгороде относится к 1478 г., но решающий к этому шаг был сделан еще в 1471 г., в результате битвы на р. Шелони, когда войско, выставленное сепаратистски настроенными боярами, потерпело поражение, встретившись с ратью Ивана III. Второе новгородское войско, действовавшее на Северной Двине, также было разбито. Новгород не только подтвердил условия мира 1456 г., но и потерял право внешних сношений.

Феодальная обособленность Твери была ликвидирована в 1485 г., однако поворот к усилению связей с Московским княжеством произошел более чем за 20 лет до того. Договор между Тверью и Москвой, заключенный после смерти князя Бориса в 1461 г., сохранял формально прежние отношения²⁰, но положение изменилось, так как новым епископом, фактическим правителем при малолетнем князе, стал выходец из московской боярской среды. В отличие от Новгорода значительная часть тверского боярства поддерживала политику Ивана III, участвуя и в походах против новгородских бояр и в составе войск, выступивших против Ахмед-хана.

Значительные изменения произошли в социальной структуре государства.

Наряду с крупными вотчинами князей и бояр, обширными владениями монастырей появляется поместное землевладение. Рост последнего идет за счет захвата феодалами крестьянских земель, а также перехода в руки дворян части земель бояр и бывших удельных князей. При этом если крупные землевладельцы были заинтересованы в замене натуральных повинностей денежными, то владельцы поместий стремились к усилению барщины. И прежде всего в их интересах Судебник 1497 г. ограничил право р. перехода крестьян от одного владельца к другому (Юрьев день).

Однако опасение крестьянских выступлений не позволило полностью прикрепить крестьян к земле. Кроме того, великокняжеская власть должна была считаться и с заинтересованностью боярства в притоке крепостных. К московским великим князьям в процессе централизации переходят от удельных князей многие старые города. Превращая их в свои посады и ограничивая феодальные привилегии путем пересмотра жалованных грамот, великокняжеская власть выступает временным союзником черных посадских людей в борьбе против феодальных собственников в городе. Оказывая поддержку горожанам, она стремилась прежде всего ослабить земельную аристократию и увеличить круг плательщиков налогов. Горожане добились введения при наместниках своего представительства из старост и «лучших людей», а также особого «уложения о слободах». В дальнейшем благодаря классовой борьбе посадских низов вопрос о городской земле также был решен в пользу городской общины, но сопровождалось это припиской горожан к посаду, без права выхода под угрозой казни (Уложение 1649 г.),

На эти социальные силы — растущее дворянство и посад — и опиралась великокняжеская власть, проводя цент-рализаторскую политику. Часть крупных землевладельцев, как мы видели, также поддерживала центральную власть. В этом отношении характерен состав войска Ивана III в походах 60—70-х годов. Так, в походе на Казань в 1469 г. конную рать под начальством князя Юрия, брата Ивана III, составили бояре с выставленными ими отрядами. Кроме того, была отправлена рать на судах под начальством двух воевод. С князем Безубцевым Иван III отправил «многие дети боярские, двор свой; так же и от своея земли всея дети боярские изо всех градов своих и изо всех отчин братьев своих»²¹. А под начальством князя Оболенского Нагого «послал сурожан и суконников и купеческих детей и прочих всех москвич, коих пригоже по своей силе»²². Здесь как дворянское войско, так и городское ополчение. Мы видим также и отдельные рати,двигающиеся к Вятке, в составе которых — «дети боярские» и ополчение из посадских людей, пополнявшееся в Вологде, Великом Устюге и других городах.

Складывается аппарат централизованного государства. Боярская дума превращается в постоянный государственный орган, позже, отражая возросшее значение дворянства и бюрократии, в ее составе появляются, хотя и в небольшом числе, думные дворяне и думные дьяки. Зарождается система центральных административно-судебных учреждений — приказов, которые ведали по преимуществу отдельными отраслями управления (финансы, военное дело, внешние сношения). Власть на местах сосредоточивалась в руках наместников великого князя и правителей волостей.

Впрочем, центральные учреждения еще только формировались и дьяки великого князя, каковым

был Василий Мамырев, получивший рукопись Никитина, еще не входили в Думу. Да и термин «приказы» еще не закрепился, хотя его происхождение мы видим в формулировке Судебника Ивана III: «А которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати»²³. Мы встречаем дьяков «с разрядом» (ропись ратных людей по полкам), посольских, ямских (ведавших конным транспортом для дипломатических и административных нужд), участвовавших в разрешении спорных земельных дел помещиками и вотчинниками, дворцовых. Но раньше даже, чем встречаются первые в сохранившихся документах упоминания об этих дьяках, уже известны книги, получившие позднее название приказных. Так, в 1470-х годах соответственно четырем направлениям внешней политики были заведены четыре книги посольских дел. Старшая сохранившихся — книга «крымских дел», начатая в 1474 г. «Книги ветхи,— читаем мы в описи Посольского Приказа 1614 г. о записях сношений с Крымом,— иные тетради пороспались, с лета 6982-го по 7023-й, при великом князе Иване всея Руси...»²⁴ Эта первая из известных посольских книг открывает нам дипломатический и торговый мир того времени, живые связи Руси с Востоком. Листая эти документы, мы узнаем, как протекала деятельность послов, знакомимся с купцами, наблюдаем отношения, которые складывались внутри каравана, условия торговли со странами, куда ездили русские торговые люди, можем даже перечислить товары, которые лежали свернутыми в сумах и выюках.

Несмотря на то что Русь XV в. была отрезана от морей, внешняя торговля развивалась как с Западом, так и с Востоком. При этом путь из Москвы через Смоленск и Ригу приобретает первостепенное значение, прежний же — через Тверь и Новгород — отходит на второй план; тем более что закрытие ганзейского двора в Новгороде подрывает монопольное положение Ганзы — главного западного торгового партнера Руси. Другим направлением торговли был Волжско-Каспийский путь. Этот путь, на котором лежали Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, проходил далее через владения Казанского ханства, Золотой (Большой) орды и Астраханского ханства, что серьезно осложняло условия торговли. Тем не менее хозяйственное развитие русских земель обусловило оживление древнего торгового пути. Он связывал Москву со Средней Азией, Кавказом и Персией.

Важную роль играла торговля с Крымом — новая ветвь еще одного древнего пути — «из варяг в греки». Мы располагаем прямыми свидетельствами о русских связях с крымским портом Сурожем начиная с XIII в. По словам Ибн ал-Биби, кроме византийцев, армян, аланов, хазар, в Суроже жили и русские купцы. Разорение Тимуром Сарая нанесло страшный удар торговле Золотой орды, Сурож перестал быть главным рынком Крыма, и торговая жизнь Северного Причерноморья сосредоточивается в Кафе, генуэзской колонии, основанной на месте Феодосии. Южная торговля русских купцов не ограничивается Крымом, отсюда они отправляются в «Заморье» — Константинополь и города Малой Азии, а русские паломники — в Аравию и Египет.

Основными предметами вывоза на Запад служили меха, кожи, сало, шерсть, воск, мед; привозили же различные ремесленные изделия, сукна, оружие, предметы роскоши. В страны Востока также вывозили русские меха, но в отличие от торговли с Западом сюда шли и произведения русского ремесленного производства, моржовый клык, используемый для украшения в оружейном производстве. Из стран Востока везли шелковые и шитые золотом ткани, шелк-сырец, жемчуг, драгоценные камни, пряности.

Мы ничего не знаем о жизни Афанасия Никитина до путешествия, которому посвящены его записки, а значит, и о том, какие торговые пути могли быть ему известны. Но в этом путешествии за три моря мы встречаем Никитина на путях, связывающих Русь с Востоком и через Кавказ и через Крым. Простое перечисление им городов Персии и Турции говорит о том, что они были известны на Руси, Летописец называет не только Тебриз, Исфахан, Шираз, но и Эрзерум, Сивас²⁵ на пути в Константинополь. Поездки русских купцов в эти места зафиксированы не только посольскими документами 70—90-х годов XV в. Русский «гость» Василий оставил свои записи о городах Малой Азии, которые посетил в 1465—1466 гг. за несколько лет до путешествия Афанасия Никитина²⁶.

Во времена Афанасия Никитина Русь выходила из удельной раздробленности, однако последняя еще живо напоминала о себе таможенными барьерами, различием меры и веса, отсутствием единой общегосударственной денежной системы. Какие же монеты тогда были в ходу? Это прежде всего серебряная денга, а также медные пулы. До денежной реформы 1534 г., создавшей единую монетную систему, наиболее мощными были две системы: московская и новгородская. «Московская монета не круглая,— пишет современник-иностранец, побывавший на Руси в начале XVI в.,— а продолговатая и почти овальной формы, называется денгой»²⁷. Двести таких серебряных монет составляли рубль, 100 — полтину, 20 — гривну, 6 — алтын. Денга была монетой, рубль же — счетной единицей, как гривна и алтын. Новгородский рубль содержал в себз 222 денги, а новгородская гривна — 14, при этом новгородская денга была вдвое тяжелее московской. Кроме денги, в Москве чеканили серебряную полуденгу (полушка), И Новгороде — четверть денги (четверица). По сведениям Герберштейна, 60 медных пул составляли московскую денгу.

В присоединенных к Русскому централизованному государству городах чеканка прекращалась не сразу; на местных монетах имена московских князей лишь сменяли имена прежних владельцев. На монетах Ивана III, как и Василия II, встречаем надпись «денга московская». К весовой группе московских денег примыкают монеты тверской чеканки, опознаваемые по монограмме из букв «Т» и «Ф» («Тферь»).

Возобновление чеканки монеты в период образования Русского централизованного государства непосредственно затрагивает вопрос об активном балансе русской внешней торговли.

На территории средневековой Руси не было разработок серебра. Источником пополнения запасов металла для изготовления монеты и предметов роскоши служило привозное серебро. Существуют две гипотезы, объясняющие возможность возобновления чеканки монеты, как и длительной уплаты «ордынского выхода» (до 10 тыс. рублей в год). Согласно одной, серебро ввозилось из стран Европы, согласно другой, запасы серебра были уже накоплены на Руси благодаря торговле с Востоком в течение нескольких столетий и лишь пополнялись на западной границе. Однако именно с конца XIV до конца XV в. возникают препятствия для широкого ввоза серебра с Запада. Падает его добыча, а Ганзейский союз начинает издавать запреты на ввоз серебра в русские земли с 1373 г., т. е. именно в то время, когда на Руси должен был повыситься спрос на металл в связи с возобновлением чеканки монеты в Московском княжестве. Мера эта, помимо общих причин — упадка горнорудного промысла, а также развития товарно-денежных отношений в Европе, — имела и политический характер. Когда вскоре после запрета Тевтонский орден, располагавший запасами серебра, попытался было получить разрешение на его экспорт в Новгород, Ганза ответила отказом. Некоторое время приказчики Ордена все-таки ввозили серебро в Новгород, но уже в 1427 г. вынуждены были от этого отказаться. Во второй половине XV в. открытие новых рудников и совершенствование технологии приводят к увеличению добычи серебра в Европе²⁸. Но вплоть до 90-х годов, когда разыгрался конфликт с Ганзой в связи с закрытием ее торгового двора в Новгороде, привоз серебра не пользовался той популярностью у купцов, какую имел в середине XIV в. Рост товарно-денежных отношений на Руси XV в. при сокращении подвоза монетного металла с Запада и продолжавшейся до 1470-х годов выплате дани в Орду («ордынский выход») свидетельствует о расширении русской внешней торговли со странами Востока.

В самом деле, если одна изложенная выше гипотеза признает активный баланс торговли с Западом, то вторая фактически исходит из той же предпосылки, ибо ограничивает интенсивную торговлю с Востоком предшествующим периодом. Между тем восточная торговля Руси XV в. вовсе не носила лишь менового характера. Деньги в торговых операциях с Русью также хорошо известны в Крыму и в Поволжье, как и русские слитки серебра в Азове и Сараях. Рассказ Сигизмунда Герберштейна, относящийся к самому началу XVI в., дает отчетливую картину поступления на Русь в качестве средства платежа монеты с Востока. «Пограничные татары, — пишет он, — выручив сколько-нибудь денег от продажи своих произведений, покупают на них в Московии одежды и другие жизненные потребности»²⁹. Торговля эта велась на ярмарках: около Казани, на «острове купцов», и около Углича, в Холопьем городке. Едут с деньгами в Москву купцы из Астрахани и Крыма.

Развитие связей Руси по Волжско-Каспийскому пути привело к тому, что вес ордынской денги был приравнен к весу денги московской, и во второй половине XV в. русская монета заняла господствующее положение на рынках Поволжья. Именно этим, как подчеркивает советский исследователь И. Г. Спасский, а не данническими отношениями объясняется хождение двуязычных монет Москвы и некоторых русских княжеств³⁰.

Образование Русского централизованного государства и борьба за его независимость обусловили подъем культуры, который В. И. Ленин характеризовал как «национальное пробуждение»³¹. Творческая мысль русских людей обращается к эпохе независимости Руси до Багтырва нашествия. В городах бережно восстанавливают первоначальный облик памятников архитектуры, обновляют старинную живопись. Реставрируется Успенский собор во Владимире. В 1408 г. его древним росписям дают новую жизнь Андрей Рублев и Даниил Черный. Реставрационные работы ведутся в Ростове и Твери. Новые соборы Москвы возрождают традиции Древней Руси. В этих традициях строят Троицкий собор Троице-Сергиева Монастыря (1423 г.). Складываются богатырский и купеческий циклы, оживляется интерес к героическим событиям прошлого — победам Александра Невского и Дмитрия Донского. Наряду с литературой, канонизированной церковью, развивалась литература, которую церковь не одобряла или запрещала. Распространяются данные средневековой науки о Земле и природе, множатся описания путешествий, сочинения, содержащие математические и естественнонаучные сведения³².

Авторы древнерусских произведений, подчеркивает Д. С. Лихачев, свое писательское дело воспринимали как служение Родине³³. Чем были выше их идеалы, тем труднее им было примириться с недостатками окружавшей их действительности. Обличителями «княжеской неправды» выступают летописец XI в. Никон, некий Василий, составивший в XII в. «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского», авторы «Слова о полку Игореве», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Повести о нашествии Едигея».

Читая строки записок Афанасия Никитина, мы не можем не ощутить той острой классовой борьбы, которая наложила свой отпечаток на всю жизнь русского средневекового города и деревни.

Тверской купец, вышедший из посадской среды, энергичный, деловитый, остроумный, знакомый и с воинским делом, и с княжеской администрацией, и с книжной культурой, Афанасий Никитин видит общество в социальном разрезе. Ключевым для суждения о его социально-политических взглядах является высказывание о «бегляках» Русской земли. Оно записано при помощи русского алфавита по-тюркски и по-персидски. «Русская земля, — писал Никитин, — да будет богом хранима; боже, сохрани! На этом свете пет страны, подобной ей, хотя бегляри Русской земли несправедливы. Да будет Русская земля благоустроена, ибо справедливости мало в ней» (235).

Слово о Русской земле Афанасия Никитина выражало пламенную любовь к Родине и

одновременно критическое отношение к высшему слою феодального общества. Последнее обстоятельство и побудило изложить свою мысль, используя знание восточных языков. Тюркский термин «бей» (араб, «эмир») обозначал представителя военно-феодальной знати. Комментаторы полагали, что Никитин пользуется созвучием слов: русского — «бояре» («боляре») и тюркского — «бегляри» («бейляри»). Поэтому в переводе Н. С. Чаева читаем: «вельможи (бояре) Русской земли» (85).

Употребляя в зашифрованной фразе термин «бегляри», Никитин, по всей видимости, говорит в первую очередь о княжеских наместниках, получавших области в «кормление». Это отвечает и более узкому толкованию термина «бейлербеи» — наместники.

Высказывание Афанасия Никитина о несправедливости русских эмиров перекликается с другим его суждением — о неравенстве положения индийских «бояр» и крестьян (17), свидетельствуя об устойчивости его политических взглядов.

Летописи времен Никитина отразили различное отношение к боярству в связи с борьбой за объединение Руси. Летописный свод, связанный с митрополитом Геронтием, который не одобрял централизаторской деятельности Ивана III, выражал сочувствие «потерпевшим» новгородским и тверским боярам. Великокняжеская же летопись осуждает бояр за сепаратизм и медлительность, когда в случае приближающейся опасности нужно было встать под знамена великого князя. Высказывания Никитина отразили отношение к боярам широких слоев населения. Ему, представителю торговых городских слоев, достаточно хорошо были знакомы порядки, которые поддерживали бояре-«кормленщики». Они не только управляли, но и буквально кормились за счет населения, собирая на свое содержание львиную долю доходов.

Уничтожение наместничества такого типа явилось, как известно, одной из реформ при Иване IV. Судебник 1550 г. еще знает этот политический институт, хотя вопрос о преобразовании местного управления поставлен уже на Земском соборе 1549 г. Настоятельность отмены системы кормлений ощущалась и при Василии III, и позднее, при проведении реформы, начатой в 30-е годы XVI в. Последняя ограничила власть наместника, назначаемого из крупных бояр-вотчинников, выборными от дворян. Впрочем, не одно поместное дворянство ратовало за реформу. В более близком ко времени Афанасия Никитина законодательном памятнике — Судебнике 1497 г., как и в ряде предшествующих грамот, мы находим статью об обязательном присутствии на суде у наместника выборных от посадского населения. Выразителем интересов этой социальной среды и выступает Афанасий Никитин.

Исторические события, очевидцем или современником которых был Афанасий Никитин, позволяют определить время путешествия «за три моря». Начнем с летописного указания на казанский поход. За год до этого события Василий Папин вернулся в Москву из посольства в Ширван. Путешественник, как мы узнаем из его записок, намеревался присоединиться к этому посольству в Нижнем Новгороде. Разминувшись с послом Ивана III, Никитин со спутниками нагнал его в Дербенте. Так что все, что связано с этим посольством, имеет прямое отношение к определению начальной даты путешествия Никитина.

Вернемся к свидетельству летописца: «Аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до казанского похода пришел из Орды; коли князь Юрь под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили» (33). Как это понимать? Папин вернулся из посольства в Шемахе и отправился с новым посольством в Сарай, столицу Золотой орды, откуда возвратился за год до похода на Казань, в котором войсками предводительствовал князь Юрий? Или для информатора летописца возвращение Папина из Шемахи и было возвращением «из Орды»? Надо полагать последнее. Ведь летописец расспрашивал именно об этом посольстве — когда Василий Папин «с кречаты» ходил. Но какой из походов имел в виду собеседник летописца? К 1475 г. оба должны были знать, какие были совершены походы на Казань при Иване III, поэтому и назван князь Юрий. Единственный из князей с таким именем, участвовавший в этих походах, — Юрий Васильевич (Юрий Меньшой), брат великого князя. Значит, бывший посол, недавно («за год») совершивший путь через Казань, был взят в поход, где начальствовал князь Юрий, и он, Василий Папин, в том походе под Казанью встретил смерть от вражеской стрелы. Стало быть, расспрашивать человека, с которым был связан Никитин в начале своего путешествия, было уже невозможно. Предположение, что речь идет о гибели Юрия, отпадает: летопись свидетельствует о более поздней смерти брата Ивана III.

Русские войска в 1460-е годы были под Казанью, как известно, дважды: во время третьего и четвертого походов. Юрий Меньшой также участвовал в двух походах: во втором, когда рать до Казани не доходила, и в четвертом. Летописец, следовательно, говорит о последнем походе, когда Юрий заключил мирный договор с Казанским ханством.

Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев датировали мир с Казанью 1469-м годом, А. Ф. Малиновский и И. И. Срезневский — 1470-м годом. Поэтому Карамзин, опираясь на косвенное указание летописи, начало путешествия Афанасия Никитина предположительно относил к 1468 г. («...за год до казанского похода. Следовательно, в 1468 г.?»), а Малиновский — к следующему, 1469 г. В чем же причина расхождений в датах одного и того же исторического события?

Дело в том, что среди ученых шли споры, какого календарного стиля придерживались в конце XV в. русские летописцы. Одни исходили из того, что летописный год (от «сотворения мира») начинался 1 сентября, другие считали, что смена календарного стиля еще не произошла и начало

года в летописях XV в., во всяком случае до 1492 (7000) г., приходилось на 1 марта.

Летописец сообщает, что войска братьев Ивана III пришли под Казань 1 сентября 6978 г. Если стиль сентябрьский, то это еще 1469 г., если мартовский, то шел уже 1470 г. Отсюда ясно, что, датируя свою сводку, А. Ф. Малиновский исходил из мартовского стиля: «Известие об отправлении в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приезде в Россию индийцев с 1469 по 1751 г.»³⁴

Троицкая редакция «Хожения за три моря», которую читал Карамзин, не содержит каких-либо сведений от летописца. Имя Ивана III названо в «Хожении», но, что русский путешественник побывал в Индии «около 1470г.», историк смог добавить только благодаря обнаруженному П. И. Строевым Воскресенскому списку «Хожения». Собственно, это были лишь начальные строки летописного вступления — до слов «за год до казанского похода пришел...», после чего текст обрывался. Но этого уже (было достаточно, чтобы высказать смелую догадку о времени первого известного русского путешествия в Индию. Историк пользовался также летописью, изданной Н. А. Львовым, но он и не подозревал, что издатель исключил из нее весь текст «Хожения» вместе с вступлением летописца³⁵.

Советский историк Н. Г. Бережков предпринял проверку дат русских летописей, используя для этого различные хронологические признаки, включая указания на астрономические явления. Однако этот огромный труд, прерванный смертью исследователя, доведен лишь до конца XIV в.³⁶, так что мы не можем воспользоваться готовым решением. Обратимся к простым, но вполне надежным способам проверки календарного стиля.

Во-первых, летописную дату можно проверить, если число, на которое приходится событие, упомянуто с указанием дня недели или переходящих дат церковного календаря. Последние на протяжении цикла в 532 года только раз приходятся на одни и те же числа данного месяца. Во-вторых, следует обратить внимание, когда по ходу изложения летописец выставляет цифру нового года: после марта или после сентября. Проверим обоими способами интересующую нас дату.

Следя за месяцами, которые летописец называет в связи с описываемыми событиями, мы видим, что новый, 6978 год появляется в тексте после событий, происходивших в мае (движение рати Руно на Казань), и непосредственно в связи с событиями в сентябре (появление Юрия с конной ратью). Это признак того, что стиль — сентябрьский, но есть и прямое подтверждение. В летописи сказано, что судовая рать с воеводой Руно прибыла под Казань 21 мая, в воскресенье, на троицын день³⁷. Оба признака — переходящий праздник и день недели указывают на 1469 г. Осенний поход относится к сентябрю того же года, значит, возвращение Василия Папина из Ширвана состоялось не в 1469, а в 1468 г.

И. И. Срезневский полагал, что ширванское посольство, в ответ на которое в Шемаху был направлен русский посол, связано с началом княжения Ивана III и прихода к власти ширваншаха Фаррух Ясара (1462 г.). Подсчеты ученого дали 1466 г. как начальную дату путешествия «за три моря». Однако, датируя возвращение Папина в Москву 1469-м годом, И. И. Срезневский не обратил внимания, что в таком случае посольство весьма натянuloсь — почти на три года.

Коль скоро выясняется, что Василий Папин выехал из Москвы в 1468 г., то и приезд ширванского посла состоялся, вероятно, в том же году, а не ранее 1466 г., как полагал И. И. Срезневский. В таком случае цель посольств Хасан-бека и Василия Папина не ограничивалась установлением взаимных дипломатических контактов: речь шла о политическом союзе.

Дело в том, что в конце 1467 г. власть в Персии перешла к Узуну Хасану, одержавшему победу над Джаханшахом. Правитель Ширвана выступал в этой борьбе союзником Узуну Хасана. Так что посольство ширваншаха к Ивану III можно рассматривать как дипломатический зондаж. Дальнейшие события — вторжение в Ширван войск султана Абу Сайда — усилили стремление к укреплению отношений с Москвой. Поэтому не удивительно, что вскоре посла Ивана III принимают в Шемахе и Тебризе. Предполагаемая на основе летописной статьи начальная дата путешествия Афанасия Никитина (1468 г.) согласуется с датами политических событий, свидетелем которых путешественник стал в странах Востока, но это нам еще предстоит увидеть. (Васко да Гама, достигший Индии со стороны Западной Европы, родился в год похода на Казань, накануне которого началось путешествие Афанасия Никитина.)

ПЕРВОЕ МОРЕ — КАСПИЙСКОЕ

Плавание Афанасия Никитина «на низ Волгою» началось от Твери. Тверские купцы, узнав о московском посольстве в Закавказье, также решили отправиться с ним. Предприятие охотно поддержали епископ тверской Геннадий и воевода Бороздин. «Поидох от Спаса святого златоверхаго и с его милостью, — пишет Никитин, — от государя своего, от великого князя Михаила Борисовича тверскаго и от владыки Генадья тверскаго и Бориса Захарьича» (33): Никитин «с товарищи» на своем судне намеревался дойти до Дербента, а оттуда, переложив товары во выюки, следовать в Шемаху — столицу ширваншаха Фаррух Ясара.

В середине XV в. Тверь (политически и экономически) была тесно связана с Москвой. Тверское княжество занимало важное транзитное положение между Новгородом и «низовыми» русскими землями. Еще во времена удельной раздробленности лежащая на западной окраине северорусских княжеств и сообщавшаяся по Волге с Востоком Тверь сумела установить обширные торговые

контакты.

Тверской князь Борис поддерживал Василия II во время феодальной войны с князьями, выступившими на стороне Дмитрия Шемяки. Фактические правители Твери при малолетнем князе Михаиле — владыка Геннадий, по происхождению московский боярин, и «сильнейший и крепчайший воевода» Борис Захарович Бороздин, отправлявшие Никитина в дорогу, — поддерживали политику Ивана III. Союз Москвы с Тверью скрепляли и династические узы. Междукняжеские договоры устанавливали благоприятный таможенный режим на границах между Москвой и Тверью — пошлины «по старине». Тверская монета по ценности была равна московской, что облегчало торговые отношения.

Старинный русский город Тверь впервые упомянут в летописи под 1181 г. Город возник на левом берегу Волги, или, как тогда говорили, на луговой стороне. В XIII в. город был перенесен на «нагорную сторону» — правый, высокий берег Волги.

«Город Тверь, при знаменитой реке Волге, или Ра, весьма обширен», — писал итальянец Альберт Кампензе (ок. 1524 г.). В его «Письме» о Русском государстве¹ использованы сведения соотечественников, торговавших на Руси. Об обширности города говорит и Сигизмунд Герберштейн, имперский посол, побывавший здесь примерно в те же годы. «На другом берегу, — рассказывает он, — со стороны Москвы, стоит крепость, — напротив которой изливается в Волгу река Тверца. По этой реке я прибыл на судне в Тверь и на другой день поплыл по реке Волге»².

Постройки Твери были большей частью деревянными, и до нас дошли лишь немногие их изображения или описания. Город не раз охватывали пожары. Во время одного из них выгорела половина кремля, весь княжеский двор и 20 церквей. Город вновь отстраивался, рос, закладывались новые каменные церкви. Самой крупной постройкой XII в. был соборный храм «Спас златоверхий» (так его называет Никитин). Он простоял до XVII в., уступив затем место првому собору. (Как Псков называли по имени главного храма — постоять за «дом святой Троицы», так и Тверскую землю нередко именовали «домом святого Спаса».) Храм славился росписью стен, мраморным полом, золочеными куполами. На Волге и ее притоках тверичи строили суда, ходившие по многим рекам Руси, а пушкарские мастера отливали пушки. Летопись особо отмечает наличие пушек в войске князя Бориса.

С ростом города многолюдный посад был разделен на четыре части: Загородную, Затмацкую (посад за речкой Тьмакой), Заволжскую и Затверецкую. Отдельные слободы носили названия Рыбачей, Ямской и др. В Затмацкой части находился «татарский двор». Сюда при князе Борисе приезжали с «камками драгими» и «атласами чюдными» послы из Шавруковой орды, т. е. владений сына Тимура султана Шахруха (1401—1447 гг.). Султан правил в Герате, но практически его владения образовывали два государства. Вторым главным городом был Самарканд, где правил Улугбек, сын Шахруха, знаменитый астроном и ученый. Согласно описанию историка — современника Абдарразака Самарканди, это были крупные культурные центры Востока.

Родной город Никитина был славен и собственным летописанием, и предприимчивым купечеством. Так что тверитину-купцу Афанасию было у кого поучиться книжной грамоте, познакомиться с историей, узнать о далеких странах, послушать бывалых людей.

Тверские купцы торговали с Литвой, Новгородом, Крымом. С возвышением Москвы тверичи втягивались в круг московской торговли, хотя связи с Крымом поддерживали более через Смоленск, входивший с 1404 г. в состав великого княжества Литовского.

«Как само Московское государство в языке дипломатических документов состояло из отдельных земель, так и общая масса купечества делилась на гостей Московской, Тверской, Новгородской и Псковской земель»³. В актах конца XV — начала XVI в. часто упоминаются тверичи. Однако из этого нельзя, конечно, заключить, что они преобладали в южной торговле, ибо при имени купца в документах нередко нет никаких пояснений. Тем не менее такие данные в какой-то мере отражают торговое значение города, подтверждаемое и другими источниками.

Никитин и его спутники ступили на борт корабля не ранее апреля, когда в верховьях Волги обычно вскрывается лед. Путь от Твери пролегал через Калязин, Углич и Кострому на Нижний Новгород. Здесь должна была произойти встреча с послом Ивана III Василием Папиным, выехавшим в Шемаху из Москвы.

Первые остановки на Волге корабль тверичей сделал в небольших городах — Калязине и Угличе. В Калязине Никитин посетил новый Троицкий монастырь, где встретился с известным в то время Макарием, основателем монастыря. Кроме встречи «у игумна Макария и у святых братья», Никитин, упоминает церковь Бориса и Глеба, весьма почитавшихся на Руси, особенно как покровителей ремесленников-кожевников. День этих святых отмечали 2 мая, что, возможно, указывает на время, когда Никитин находился в Калязине. Это отвечает предположению, что тверичи вышли с началом навигации. С развитием пути от Москвы через Дмитров на верховья Волги значение Калязина возросло. В Дмитрове товары из Москвы перегружали с лодок на большие речные суда, чтобы везти их как на север, вплоть до Печоры, так и «вниз Волгою».

Полагали, что в Угличе — центре бывшего удельного княжества — Никитин не останавливался, однако если в Троицком списке «Хожения» лишь упоминается Углич, то более развернутый летописный текст не оставляет никаких сомнений относительно захода тверского корабля: «И с Колязина поидох на Углич, с Углича отпустили мя добровольно и оттуда поидох, с Углича, и приехал есми на Кострому» (33). В Угличе живо помнили пребывание здесь ослепленного во время междоусобной войны отца Ивана III, Василия Темного. Рассказывали, как люди князя Дмитрия,

прозванного Шемякой, двоюродного брата великого князя, захватили его хитростью. Василий укрылся в Троице-Сергиевом монастыре, разместил там гарнизон и повсюду расставил стражу. Шемяка под видом купеческого обоза послал к монастырю вооруженных воинов с князем Можайским. Обоз расположился на ночлег около стражи. Глухой ночью воины внезапно выскочили из крытых саней и напали на караульных. Василий был захвачен, ослеплен и сослан в Углич вместе с женой. События этой кровавой феодальной войны были хорошо известны и в Твери, поскольку тверские воеводы Бороздины — Борис Захарович и его брат Семен, посланные князем Борисом, оказали активную помощь в возвращении Василия II в Москву в качестве великого князя. Князь не остался в долгу: навечно прикрепил крестьян к земле в угличских монастырских селах.

Впрочем, Углич был известен не только как место великокняжеской ссылки. К северу от города, в районе Холопьевого города, устраивалась ярмарка, по словам Гербер-штейна наиболее посещаемая во всем владении московского великого князя. Сюда, кроме шведских, литовских и русских купцов, собирались купцы и из восточных стран. Кострома и Нижний Новгород, расположенные на оживленном водном пути, были важными политическими и торговыми центрами. «Город с крепостью» называет Гер-берштейн Кострому. В лихую годину татарских нашествий здесь собирали рати московские князья: Дмитрий Донской для изгнания преемника хана Мамаю — Тахтамышу, прорвавшегося в 1382 г. к Москве, Василий Дмитриевич в 1409 г. — при вторжении Едигея.

Значение Костромы усиливалось связями с Двинской и Печорской землями. Двинские купцы были освобождены от подсудности местным властям в Устюге Великом, Вологде и Костроме. Условия Двинской грамоты напоминают не только о привилегиях, но и о такой характерной черте средневековой регламентации, как ограничение торговли определенными пунктами. «Торговати им, всем,— читаем в уставной Белоозерской Грамоте 1488 г. о приезжих,— на Белоозере в городе житом и всяким товаром, а за озеро им всем торговати не ездити...»⁴. Только бело-озерским посадским людям разрешено было за озеро ездить и торговать «по старине». Разрешение торговать в строго определенных местах, «а не по селам и не по деревням» хорошо мотивирует одна более поздняя грамота: чтобы «в том нашей пошлине истери не было»⁵.

Так средневековая регламентация сдерживала развитие экономических связей между феодальным городом и деревней.

На Печору и Пермь, конкурируя с новгородцами, шли «ватажки» великокняжеских промышленников добывать драгоценные меха да кречетов для княжеской охоты. С севера по р. Костроме шла соль из Солигалича, а с р. Шексны — «красна рыба — золото перо»: белуга, севрюга, осетр, стерлядь, белорыбца. Через Кострому и Солигалич вела также кратчайшая дорога к Вятке, но она была трудна и опасна, поэтому купцы предпочитали кружной путь через Вологду и Устюг Великий.

Обживали русские люди берега великой реки, росли города-крепости, давая защиту ремесленному люду, тянулись от города к городу караваны судов в летнюю пору и ранние обозы зимой, сплывались недавно раздробленные русские земли. Во времена Куликовской битвы волжский Гуть был разрезан владениями не одного княжества. Теперь, за редким исключением, путь этот до самого Нижнего Новгорода входил в состав единого государства.

«С Углича на Кострому»,— говорил Никитин о пути корабля тверичей. Ярославль, крупный приволжский город, центр княжества, Никитиным не назван. Это вызвало удивление исследователей: почему корабль тверичей прошел мимо? Однако тому есть объяснение. Ярославское княжество не было, как считалось, присоединено к Московскому в 1463 г., т. е. непосредственно перед путешествием Никитина. В великокняжеских документах Ярославская земля упоминается лишь с 1475 г.

Расположенная на левом, низком берегу Волги Кострома в 1416 г. была обнесена крепкими стенами и окружена рвом. Далеко с реки видно было каменное здание городского собора.

Обстоятельства визита в Кострому вызвали немало толков среди историков. Здесь Афанасий Никитин побывал у князя Александра, московского наместника, и был пропущен через территорию великого княжества Московского. В самом деле, согласно Троицкому списку «Хожения», Никитин пришел «ко князю Александру с ыною грамотою. И князь велики отпустил мя всея Руси доброволно» (11). Слова «всея Руси» в более позднем списке XVII в. помещены, казалось бы, на свое место: «...и князь великий всея России отпустил мя доброволно» (53). Однако почему речь идет об Иване III? В Костроме его не было, это мы знаем вполне определенно, коль скоро великокняжеский летописный свод 1485 г. фиксирует каждое передвижение князя. Поэтому напрашивается вывод — согласие на проезд дано наместником от имени великого князя. Значит, чтобы проехать в чужие страны через Московское княжество, тверской грамоты было недостаточно, она послужила лишь основанием для выдачи новой грамоты и та, которую привез Никитин, поэтому названа «ыной»? Однако в летописном варианте записок Никитина это место выглядит иначе.

«Приехал есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя. И отпустили мя доброволно» (33). Выходит, у Никитина уже была проезжая грамота, выданная от имени Ивана III, так что наместнику в Костроме, как и в Нижнем Новгороде, оставалось лишь беспрепятственно пропустить тверское судно.

Древнейшие сведения о грамотах купцам, едущим в чужие страны, содержатся в договоре 944

г. с Византией. До этого русские купцы предъявляли серебряные печати, а послы — золотые. Грамота удостоверяла, что купец идет от князя, и указывала число кораблей. Более поздние грамоты содержали имя купца и перечень товаров. Согласно Уложению 1649 г., проезжие грамоты в иные государства выдавались в Москве и городскими воеводами, сменившими наместников. «А буде кому случится,— гласит VI глава,— ехать из Московского государства для торгового промысла или инаго какого своего дела в иное государство, с Московским государством мирное, и тому на Москве бить челом государю, а в городах воеводам о проезжей грамоте, а без проезжей грамоты не ездить; а в городах воеводам давать им проезжие грамоты без всякого задержания»⁶.

Грамоты в отличие от книг писали на отдельном листе, и письмо, как правило, наносили с одной стороны; рукопись сворачивали в трубочку текстом внутрь и ривеши-> вали печать. С такой грамотой и появился Афанасий Никитин перед наместником Костромы. Но чью же грамоту держал Никитин, явившись к наместнику? При сопоставлении обеих редакций «Хожения» Никитина возникают и другие вопросы: был ли титул Ивана III упомянут в рукописи самим автором, но опущен в летописном тексте (в ряде случаев Троицкая редакция полнее летописной), а если это позднейшая вставка, то не позволит ли она уточнить время возникновения Троицкого списка, самого старшего из сохранившихся? По филиграммам бумажных листов эта часть Троицкого сборника относится к концу XV в.

Принято считать, что титул «великий князь всея Руси» был принят Иваном III после присоединения Твери в 1485 г. Поэтому многие акты этого времени датируют «ра-нее 1485 г.» и «после 1485 г.». В таком случае Троицкий список «Хожения» возник не ранее этого года. Однако, обращаясь к договорным и жалованным грамотам, а также дипломатической переписке, мы видим, как постепенно, еще до названной даты, входил в употребление новый великокняжеский титул.

Видный русский историк В. О. Ключевский полагал, что в международных сношениях Руси титул впервые упомянут в договоре 1494 г. с княжеством Литовским. Однако титул этот употреблен уже в грамоте турецкому султану Баязиду II в 1492 г., а в жалованных грамотах монастырям и переписке с русскими послами — в 70-е годы XV в. На монетах же титул «государь всея Руси» появился значительно раньше. Если его употребил Никитин до 1475 г., то, быть может, перед нами одно из самых ранних упоминаний титула в письменном источнике?

Как бы там ни было, можно сказать твердо: в тетрадях Никитина этого титула не было и не потому, что он еще не вошел в широкий обиход, а потому что имелся в виду другой великий князь: «поидох ... от государя своего, от великого князя Михаила Борисовича Тверскаго». Иван III упомянут Никитиным далее в связи с посольством Василия Папина, который был отправлен «от великого князя Ивана» (в Архивском списке—«Иоанна»). Следовательно, Никитин обратился к наместнику Костромы, придя к нему с «ыною грамотою», выданной в Твери. Редактор Троицкого списка не только, не поняв автора, изменил ситуацию, введя Ивана III вместо Михаила Борисовича, он удалил и слова «от государя своего». Такого рода правка показывает, что составитель утверждал «единодержавие» Ивана III, а не просто опустил ряд «тверских деталей». Значит, сама Троицкая редакция возникла под свежим впечатлением присоединения Твери.

После Костромы до самого Нижнего Новгорода Никитин называет лишь Плес, небольшой и сравнительно молодой городок, возникший в 1409 г. («И на Плесо приехал есмь доброволно»).

Достигнув Нижнего Новгорода, Афанасий Никитин явился к наместнику Михаилу Киселеву и пошленнику Ивану Сараеву. Все формальности были соблюдены («пропустили доброволно»), и корабль тверичей мог бы продолжать свой путь, да пришлось на две недели стать в Нижнем Новгороде. Дело в том, что московское посольство во главе с Василием Папиным уже миновало Нижний. То ли Папин выехал раньше намеченного, то ли Хасан-бек, возвращавшийся из Москвы, задержался, но Никитину со спутниками пришлось ждать ширванское посольство. «А Василей Папин,— говорится в летописной редакции «Хожения», - проехал мимо город дв недели, и яз ждал в Новгороде в Нижнем две недели почсла Тарского ширваншина Асанбега» (33-34).

Практика отправления купеческого каравана за рубеж вместе с посольством была обычной. Купцам это обеспечивало большую безопасность, а также давало возможность провезти часть товаров беспошлинно под видом посольского имущества, что, впрочем, не раз приводило к конфликтам. Да и посол извлекал некоторые выгоды, принимая купца под свое покровительство. Расспросы торговых людей служили важным источником информации.

Иностранцам, за отдельными исключениями, торговать можно было только в определенных городах. «Когда же отправляются в Московию, посланник и полномочные послы, - писал Герберштейн, дважды побывавший в Москве в качестве посла, - тогда все купцы, откуда бы они ни были, если только они приняты под их защиту и покровительство, могут свободно и беспошлинно ехать в Москву, это и вошло у них в обычай»⁷.

Возникает вопрос: мог ли любой русский купец присоединиться к посольству? Известны случаи, когда послам было разрешено взять только тех торговых людей, которых отпустил с ними великий князь, и запрещено брать тех, которые захотят пристать по дороге. Это напоминает только что приведенные слова Герберштейна: «...если только они приняты под их защиту и покровительство...». С Хасан-беком ехали московские купцы, а также купцы, возможно приехавшие с тем же посольством и возвращавшиеся теперь из Москвы. Никитин называет их «тезики», т. е. употребляет наименование, которое прилагалось и к среднеазиатским (отсюда в комментариях «Хожения» - таджикские купцы), и к персидским купцам. Скорее это были персидские торговцы,

возвращавшиеся через Ширван, с которым они поддерживали тесные связи. Позднее в русских документах тезиками называли частных купцов, приезжавших из Персии, в отличие от тех, кто торговал шахской «казной».

Тверские купцы, как видно из записок Афанасия Никитина, ожидали встретить в Нижнем Новгороде посла Ивана III. Следовательно, они были осведомлены не только о возвращении Хасан-бека, вероятно уже проезжавшего через Нижний Новгород в Москву, но и о сроках отправления ответного посольства. Проезжая грамота дала основание для присоединения к посольскому каравану. Нижний Новгород, где Никитин и его спутники проведут две недели, был самой восточной из пограничных крепостей Русского государства. Сюда из Москвы посылали «заставы» для отражения набегов; здесь не раз соединялись конные и судовые рати для движения на Казань.

Современники говорят о Нижнем Новгороде как об обширном деревянном городе. Каменный кремль, который можно видеть в наши дни, был построен позже, при Василии III. Он стал четвертой мощной крепостью после завершения работ по укреплению Москвы, реконструкции кремля в Новгороде и строительства Ивангорода на р. Нарове. Есть, впрочем, свидетельства XIV в. о работах по сооружению каменной крепости в Нижнем. В 1368 г., согласно летописи, князь Борис Константинович «повеле копать, где быть каменной городской стене и башням», а в 1374 г. при князе Дмитрие Константиновиче, который рариказал строить каменную стену, «зачаты делать» Дмитриевские ворота.

До присоединения к Москве в 1451 г. город был столицей Нижегородского княжества. Здесь была составлена знаменитая Лаврентьевская летопись, древнейшая рукопись из дошедших до нас русских хроник. Сохранилось изображение каменной церкви Благовещенского монастыря, а также резные камни от стоявшего во времена Никитина Спасского собора. Собор, как полагают, расписывал замечательный живописец Феофан Грек.

Нижегородские земли славились высокими сборами меда и воска. Неподалеку от города стояли окруженные многочисленными постройками солеварни, которые не раз подвергались набегам из-за Волги. «Здесь предел христианской религии с этой стороны»,—добавлял для иностранного читателя Герберштейн в своей книге о Русском государстве. Город вел большую торговлю. Сюда приезжали восточные купцы из Казанского и Астраханского ханств, Золотой орды, Средней Азии, Кавказа, Персии.

Никитин, естественно, не рассказывает об условиях жизни приезжего в чужой город купца, но это известно по другим источникам. Торговые склады соседствовали с собственно гостиницей. В каждом «амбаре» для приезжающих было две «избы», соединенные с сенями. С помещения в целом в неделю «за тепло и за стрепню, и за соль, и за капусту, и за скатерь, и за квас, и за утиральники» взималась плата в 4 денги. Это было недешево. Оброк с лавки городского жителя не превышал полтины, а иногда и всего 20 денег в год. Городским жителям принимать приезжих с товарами запрещалось. Распоряжение это выполнялось плохо, и не раз посадские жаловались, что приезжие «мимо гостиных дворов от себя врозь всяким людям продавали...». Охраняя интересы казны и верхушки местного купечества, Уложение 1649 г. закрепляло гостиное право, господствующее в середине века, запрещаая приезжим «городовым всяким торговым и тягловым людям» иные формы торговли: «И тем людям впредь с товары своими приезжати на гостиин двор и торговати на гостиин дворе, а в рядах лавок не наймовати».

Гостиное право требовало уплаты сборов, от которых местные жители были освобождены, или уплаты их в повышенном размере (сборы проездные, рыночные, привратные). За исключением ярмарок и рыночных дней, приезжий не мог продавать товар в розницу. Приезжему запрещалось торговать с другим приезжим купцом: он обязан был предварительно предложить товар жителям города.

С прибытием Хасан-бека (в Нижний Новгород из Москвы плыли по Оке и Клязьме) Афанасий Никитин и тверские купцы присоединились к послу, и караван из двух судов — посольского и купеческого — двинулся к Астрахани.

Никитин весьма лаконично описывает эту часть своего пути. «И поехали есмь с ним на низ Волгою»,— читаем мы в Троицком списке «Хожения».— И Казань, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезаны проехали есмь добровольно». В летописном тексте Услан и Берекезаны опущены, зато есть примечательная фраза, отсутствующая в Троицкой редакции: «И Казань есмь проехали добровольно, не видали никого» (34).

Расположенная на высокой горе, Казань была хорошо видна со стороны Волги. Под городом протекала р. Казанка. Над городом подымались очень высокие минареты мечетей и ханский дворец.

На первый взгляд, все выглядит спокойно, и, если не знать времени путешествия, можно подумать, что караван Хасан-бека и русских купцов просто не останавливался около столицы ханства. «Мимо Казани караван пробрался благополучно,— писал К. И. Кунин, комментируя «Хожение».— В середине XV в. между быстро возвышавшейся сквой и терявшей свое былое значение Казанью установилось перемирие, базировавшееся на временном равновесии сил». С такой характеристикой согласиться можно, если относить путешествие к 1466 г. Но мы уже знаем, что действие происходит двумя годами позже, после походов Казань ратей Ивана III в 1467—1468 гг. Следовательно, слов Никитина ясно, что посольство и ехавшие с ним купцы ждали нападения.

Сношения через ханства, закрывавшие Руси выход к аспийскому морю, и через Крымское ханство, отрезавшее выход к Черному морю, были подвержены влиянию двух тенденций. Ханства, лежащие на важных международных путях, были заинтересованы в расширении товарооборота, нуждались в привозных изделиях и сбыте собственных роизведений, а ханская казна

пополнялась торговыми Сборами. Развитие торговых путей способствовало ослаблению политических противоречий. Изменение же политического курса нередко вело к санкциям, препятствующим торговым отношениям, что еще более накаляло обстановку.

При проезде через территорию Крымского ханства пошлины формально не брали, а хану и правителю Перекопа требовалось поднести «проводное». Об этих пошлинах «из старины» дает представление доклад московских купцов 1500 г.: «...а со всего каравана хозяин несет царю поминок — камку, куфтерь кафинскую да зуфь, да ковер, да тясьму, а князю несет то же; а не уговорясь с проводником приедет в Орду, ино с него возьмут со всего каравана тысячу алтын»⁹. В Кафе с русских купцов взимали 5% от стоимости товаров. Когда в 1492 г. по приказу Ивана III г был задержан отъезд московских купцов в Крым, кафинские власти оценили убыток для себя в 160 тыс. алтын, т. е. 4800 руб.

Постоянство сношений и заинтересованность местных властей в их поддержании не ограждали караваны от ограбления. Грабили купцов и «в поле», и на реках, и на перевозах и переволоках. Так, при нападении на шедших «полем» к Азову русских купцов было захвачено товаров на 1500 руб., на Дону, на Усть-Воронеже — на 1080 руб. Грамота, составленная в связи с ограблением каравана на Таванском перевозе, называет сумму потерь товаров на 2455 руб. и 4 гривны. Нападали и на посольские караваны. У купцов, шедших степью с князем Кубенским, посланным в Крым, было захвачено товаров на 3325 руб., а у шедших с послом Кутузовым — на 1413 руб. Названные суммы потерь позволяют предположить суммы товарооборота русских купцов в конце XV — начале XVI в.

«Старые» казанские посольские книги в отличие от крымских дел не сохранились, однако из других источников, в том числе из свидетельств иностранцев, видно, что волжский путь использовался достаточно широко. В Астрахань в летнюю пору русские суда шли за солью и рыбой. Купцы Поволжья вместе с золотоордынскими посольствами ходили в Москву, а русские купцы с посланцами великого князя отправлялись в Орду. Ордынские посольства в Москву обычно бывали многолюдны, но, вероятно, самым большим было посольство от Ахмед-хана летом 1474 г., когда в Москву приехало свыше тысячи торговцев с товарами и было пригнано на продажу 40 тыс. коней.

Тем не менее ехавшие через территорию Золотой Орды все время находились под угрозой нападения. Венецианский дипломат Амброджо Контарини, следовавший из Персии в Москву вместе с русским и астраханским посольствами летом 1476 г., рассказывает, что их караван насчитывал 300 человек и вел с собой 200 запасных лошадей. Каждую ночь, пока они ехали степью от Астрахани, они ограждали караван повозками, устанавливая их четырехугольником, и выставляли караулы. Особо опасным считалось место, где Волга ближе всего подходит к Дону, знаменитый Переволок, от которого примерно в трех-пяти днях пути лежала столица Золотой орды. Засевшим на Переволоке в засаду было легко напасть как на тех, кто плыл Волгой в Астрахань, так и на тех, кто по Дону плыл в Азов и Кафу. Здесь был захвачен один из богатейших московских купцов Копыл, ехавший с товарами в Азов.

Как ни скромен был караван Хасан-бека и русских купцов, состоящий из двух судов, здесь было чем поживиться. Посол вез кречетов в дар от Ивана III ширванша-ху. «А ехал с кречаты от великого князя Ивана,— пишет Никитин,—а кречетов у него девяносто» (34). Всадника с ловчей птицей можно видеть на московских монетах, на новгородских печатях. Соколиная охота была придворной потехой, а лов охотничьих птиц контролировали князья и бояре. Кража сокола из перемета каралась по Русской Правде, как угон княжеского коня или морской ладьи.

Соколов вывозили в Европу, в Константинополь, в Крым, в Персию, в Среднюю Азию. Охотничьи птицы с севера считались желанным подарком для восточных владетелей, предававшихся охоте со специально обученными соколами, кречетами, ястребами. На персидских и индийских миниатюрах мы видим представителей мусульманской знати, мужчин и женщин с ловчей птицей на руке. Каждый крупный феодал, подражая двору, держал сокольника — начальника охоты.

Из Пермского края кречетов, самых крупных из соколов, везли в повозках. На юг везли их чаще на судах, но нередко привезенный в Крым кречет умирал «с дорожной истомы». Известен случай, когда специальный кречатник за тысячи верст спешно вез замену заболевшей в пути ловчей птице. Обычно везли охотничьих птиц небольшим числом, например, «десять кречетов да ястреб белый», а при них три кречатника. Так что 90 таких птиц — дар совершенно исключительный. Посольские документы рассказывают и о рации «государевых птиц». Корму в пути положено было на кречета «по гнезду голубей или по ку-ряти». Брали корм в городах — «имали б естя у посадских людей или у кого пригоже», а льду — «сколько надобно». Перед выходом в море брали живой корм про запас «счетчи на месяц» или на два. Сохранилась инструкция посольству, следовавшему Волжско-Каспийским путем, которая предусматривала случай перехвата посольства неприятелем. Предписано было посольские бумаги, «изготовя с камнем, тайно, безав крепко во что, да вкинути в воду, чтоб никому неприметно не было», подарки назвать «своею рухлядью, что везут на продажу», а про кречетов сказать, что купец «покупал собою, дорогою ценою, у охочих бояр и у боярских детей; а нарядные клубочки и обножи, и сильца в воду вкинути, а будет мочно, и лутчие кречаты порозпущать...»¹⁰.

Прежде чем выйти в Каспийское море, Никитину и его спутникам предстояло еще пройти через территорию Золотой орды и Астраханского ханства. Путь от Москвы до Астрахани занимал до трех месяцев, примерно столько же времени, сколько до Крыма; от Казани — около месяца. Купец Федот Котов, выехавший 6 мая 1623 г. из Москвы с «государевой казной», прибыл в Астрахань 8 августа.

Английский посланник Антон Дженкинсон, выехавший 23 апреля 1558 г. из Москвы, был в Казани 13 июня, а 14 июля прибыл в Астрахань. Осенью навигация на реке обычно заканчивалась. Известен случай, когда посольский корабль вмерз в лед в низовьях Волги в сентябре. Так что при следовании на судах выезжать из Москвы нужно было не позднее июня, как, например, в 1629 г. выехало русское посольство Плещеева и Талызина. Если Никитин отплыл из Твери в апреле, две недели провел в Нижнем Новгороде, то в районе Астрахани он появился в самый разгар лета.

Дипломаты и путешественники, приезжавшие на Русь в XIII—XV вв., часто описывали внешний вид, обычаи, верования кочевников Приволжья. Однако места прикаспийские представлялись в средневековой Европе смутно. Люди, в Астрахани не бывшие, спорили, расположена ли она на самом берегу Каспийского моря или поодаль и откуда берутся несметные запасы соли. Некоторые полагали, что жители добывают ее из моря. Сказочные богатства двух крупнейших самосадочных озер Эльтон и Баскунчак породили легенду о двух горах, сверкающих, как хрусталь. Стоят эти горы под Астраханью. Они способны прокормить солью чуть не весь свет, и чем больше их рубят, тем выше они растут...

Те немногие строки, которые передают этот отрезок пути, вплоть до Астрахани, представляют собой простой перечень пройденных пунктов. Причем не ясно, останавливался ли караван в местах, упомянутых Афанасием Никитиным после Казани. Однако два из них — Орда и Сарай — требуют некоторых пояснений.

Название «орда» (тюрк, «орду») означало собственно ставку какого-либо восточного владельца, кочевавшего со всеми своими людьми. Афанасий Никитин употребляет это слово и позднее, имея в виду ставку ширваншаха Фаррух Ясара, а также шаха Персии Узуна Хасана, которого он посетил. На Руси название это применялось к восточным и южным соседям. Выражение «ходить в Орду» мы встречаем в актах и дипломатической переписке как по отношению к Золотой и Ногайской орде, так и Крымскому ханству. «Вернулся из Орды», — записал летописец о Василии Панине, побывавшем в Ширване. У Никитина, очевидно, речь идет о летней стоянке золотоордынского Ахмед-хана, что косвенно указывает на время года.

Сарай, надо полагать Новый Сарай, или Сарай Берке, располагался на р. Ахтубе, куда при хане Узбеке была перенесена столица Золотой орды. Русский купец Федот Котов называет так и сам город: «...тут по той реки, по Ахтубе, стоит Золотая орда. Царский двор и платы, и дворы и мечети — все каменные...»¹¹. В летописях такого названия не встречается, но оно есть в «Книге Большому чертежу», законченной в годы, к которым относится поездка Котова¹².

Город процветал до нашествия Тимура. Караванные пути связывали его со Средней Азией, Индией и Персией. Русские купцы привозили кожи, полотно, деревянную посуду, уздечки, ножи и другие изделия русского ремесла, а вывозили краски, доставленные из Персии, восточные ткани и другие товары. Из Золотой орды табунами перегоняли лошадей в Индию через Персию и в русские земли. Купцы, приезжающие сюда из многих стран, жили в отведенных им кварталах. Ибн Батута называет среди них русских и византийцев, добавляя «там и базары их»¹³. Были здесь купцы из «обоих Ираков» (Ирака Арабского и Ирака Аджми в Персии), из Египта, Сирии и других мест. Город был тесно застроен, без садов, с рынками, банями, мечетями. Дворец служил зимней резиденцией хана. Мухаммед ибн Батута, арабский путешественник и писатель, побывавший здесь на пути из Крыма в Индию, видел Сарай в 1333 г.

Войска Тимура в 1395 г. опустошили город. В XV в. Сарай Берке отчасти восстановил свое торговое значение, и сюда вновь стали приезжать купцы из Руси и Персии, а также различных областей Средней Азии¹⁴. Однако общее ослабление Золотой орды и подрыв торговли Сарая побудил русских купцов расширять свои торговые операции в сторону Азербайджана и Персии. Русские появляются в Дербенте, Шемахе и крупнейшем центре караванной торговли — Тебризе. Ведущая роль посредника в торговле Русского государства с прикаспийскими странами стала переходить к Астрахани — центру нового ханства, в 1459—1460 гг. отделившегося от Золотой орды.

Крепость старой Астрахани, до взятия ее войсками Ивана IV, находилась на правом берегу Волги. Богатый город, большой татарский рынок — такой предстает Астрахань в начале XVI в., после падения Золотой орды. Такой она была и до нашествия Тимура. Как и Сарай, Астрахань поддерживала связи с Азовом, до которого было семь-восемь дней караванного пути. И ежегодно только из Венеции в Азов посылали шесть-семь больших кораблей, чтобы забрать пряности и шелк, поступавший через Астрахань¹⁵. От Азова корабли шли к Сурожу, 12 дней караванного пути отделяли Азов от Шемахи. Так в тугой узел завязывались транзитные пути Черного и Каспийского морей. Тимур перерубил этот узел, что привело к падению торговой роли Сарая, Астрахани, Сурожа и Азова. В Северном Причерноморье возросло значение Кафы, а Астрахань стала ориентироваться на торговлю с Русью.

Переход от Астрахани до открытого моря по многочисленным протокам устья Волги был во многих местах затруднен и занимал несколько дней. Федот Котов рассказывает, что в устье Волги и под Астрахань бусы, как русские люди называли торговые суда, приходившие из Персии, «не ходят, стоят на море, с устья едва видеть. А товары возят з бус в Астрахань и из Астрахани сандалы и павоски, и отьтут ходят за море на бусах»¹⁶. Сандалы, о которых пишет Котов, — одномачтовые суда, ходившие и вдоль каспийских берегов. Название «павоски» часто встречается в летописях и актах, применительно к речным судам; Котов переносит его на местные лодки.

Под Астраханью караван Хасан-бека и русских купцов подвергся нападению султана Касима, второго по времени правления хана из местной ветви династии Джучидов.

«И въехали есмь в Бузан»,—начинает Афанасий Никитин рассказ о бедствиях, обрушившихся на караван перед самым выходом в Каспийское море. Значит, посольство, опасаясь враждебных действий, решило обойти Астрахань по Бузани, в низовьях Волги, у Красного Яра, впадающей в Ахтубу. Река служила естественной границей с большой Ногайской ордой. Вероятно, этим обходным путем следовал Василий Папин, которому беспрепятственно удалось выйти в море. Во всяком случае нападающие предусмотрели возможность такого обхода — на Бузани караван Хасан-бека ждали дозорные султана Касима. «И сказали нам лживые вести: Каисым салтан стережет гостей в Бузани» (34). В первый момент появление трех всадников показалось счастливым случаем, благодаря которому караван сможет благополучно миновать засаду. Поэтому посол Хасан-бек распорядился выдать вестникам «по однорядке и по полотну». Кафтан-однорядка, пошитый из европейского сукна, постоянно встречается среди купеческих товаров, вывозимых через Русь на Восток; в Крыму однорядку брали и как таможенную пошлину. Вестники взялись провести караван иным путем — мимо Астрахани, т. е. там, где как раз и засели ханские люди. Ложные вести стоили едущим имущества, а иным — свободы и жизни.

Сцена нападения в Троицком списке «Хожения» изложена смутно («Азытархань по месяцу ночи парусом»), зато летописный текст отчетливо рисует драматическую картину ночного боя. Ярко светила луна, ветер был попутным, и суда споро скользили мимо спящего, как казалось, города. Зато стоявшим в засаде корабли были видны, как на ладони. «Поехали есмь мимо Хазтарахань,— пишет Никитин.— А месяц светит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: „качма — не бегайте!“ А мы того не слыхали ничего. А бежали есмь парусом» (34).

Началась погоня. Вероятно, часть преследователей была на судах, остальные скакали с обеих сторон по берегам, гикая и стреляя из луков. «По нашим грехам,— вздыхает рассказчик,— царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богуне и учили нас стреляти, у нас застрелили человека, а у них дву... застрелили» (34).

Схватка под Астраханью заставляет нас вернуться к вопросу о составе каравана Хасан-бека и русских купцов. Первоначально из записок Никитина мы узнаем лишь то, что Хасан-бек вез 90 кречетов в дар ширваншаху от Ивана III. О купцах, сопровождавших посла из Москвы, говорится позднее; сколько же судов вместе пошло от Нижнего Новгорода, Никитин не фиксирует.

Дорогие ловчие птицы да купцы с товарами привлекли султана Касима, который в разных местах расставил своих людей для встречи «гостей». Обычно в летнее время астраханские ханы откочевывали к берегам Черного моря. Возможно, известие о необычном караване, следующем к устью Волги, побудило хана вернуться ранее обычного. Во всяком случае оно опередило караван.

Что касается числа судов, входивших в караван, и их дальнейшей судьбы, то сведения, содержащиеся в записках Никитина, получили различное толкование комментаторов. Одни исходят из того, что судов было два, одно принадлежало послу, другое — тверским купцам. Далее мнения расходятся: то ли оба судна были разграблены, то ли отобраны, так что потерпевшим пришлось приобрести новые суда. Согласно другой версии, тверичи на свои средства снарядили два судна, которые и пострадали под Астраханью; корабль же посла благополучно миновал засаду.

Действительно, фраза «и пошли есмь к Дербенти две-ма суды: в одном судне посол Асамбег да тезики, да русаков нас 10 головами; а в другом судне 6 москвич да 6 тверич» (34) как бы говорит, что до Астрахани состав каравана был иным. Так ли это?

Сличение обеих редакций записок Никитина показывает, что нападение под Астраханью описано в них по-разному. Обе редакции сообщают, что перед тем, как пройти город, Афанасий Никитин перешел на посольский корабль («И яз свое судно покинул да полез есмь на судно на послово и с товарищи своими») и что после ограбления кораблей потерпевшим не разрешили вернуться, чтобы они не известили русские власти о случившемся («вверх нас не пропустили вести деля»).

Далее в летописной редакции «Хожения» сказано, что «судно наше стало на езу, и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мелкая рухлядь вся в меньшем судне» (34). Выходит, корабль посла, на котором находился Никитин, застрял у заграждения для рыбной ловли и был разграблен («нас взяли»), тогда как товары Никитина, находившиеся на другом судне, разграблены не были. Последующий текст не только не проясняет обстановку, но и еще более затрудняет понимание: «В большом судне есмь дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, а они нас туто взяли, да судно есмь взад велели тянутый вверх по езу» (в Троицком списке точнее — «до езу»). Значит, посольское судно, уже ограбленное, но отпущенное, застряло на одной из мелей в извилистом устье и было захвачено вторично? При чем теперь и второе судно также было разграблено: «И тут судно наше меньшее пограбили и четыре головы взяли русские, а нас отпустили голыми головами за море» (34).

Разгадку дает обращение к Троицкому списку «Хожения» Никитина. После сообщения о перестрелке, содержащемся и в летописном тексте, читаем: «И судно наше меньшее стало на езу, и оны его взяли часа того да разграбили, а моя рухлядь вся в меньшем судне». Значит, первым пострадало меньшее, тверское («наше») судно, где находились и товары Никитина; посольский корабль после перестрелки пробился. Далее сообщения обеих редакций совпадают: посольский корабль сел на мель, и преследователи заставили потерпевших тянуть его вверх по реке до того места, где было задержано первое судно. «И тут судно наше большее взяли, и 4 головы взяли русские...». Теперь понятно, какое судно было ограблено на этот раз и с какого корабля взяли пленных. Это было судно посла Хасан-бека. Слово «взяли» говорит об ограблении, а не о том, что

сами суда были отобраны: «...и оны его взяли часа того и розграбили...». Фраза же о том, что в море вышли на двух судах, уточняет, как разместились московские, тверские и прочие купцы, после того как они лишились большей части своих товаров.

Попробуем восстановить место нападений под Астраханью. «Ез», о котором пишет Никитин, находился, вероятно, там, где позднее разместились рыбные тони астраханского монастыря. Речные берега тут пологи, по правому берегу протянулись песчаные и бесплодные равнины, на левом — отмели с зарослями камыша. К этому-то рыболовному заколу («учуг», как называли его местные жители) потерпевшим пришлось тащить бичевой корабль против весьма быстрого здесь течения. Путешественники не раз отмечали изменение уровня Волги в устье после того, как вода прибывала в июне, наблюдая резкое понижение к концу июля, т. е. в то время, когда там, по-видимому, и находился Никитин. До выхода в открытое море добирались дня четыре, а при низкой воде и ветре — целую неделю.

Никитин не перечисляет товары, которые везли его спутники, но по упоминанию об однорядке и полотне мы можем догадаться, что состав товаров был типичен для торговли Руси с Востоком. У Никитина была «мелкая рухлядь». Термин этот мы также встречаем в перечнях товаров, которые русские купцы везли в Крым. «У Михаля у толмача у белочника взяли рухляди: шуб белых и однорядок лунских и новогонских, и горностаев и мелкие рухляди...»¹⁸.

Вместе с тем летописный текст записок Никитина сохранил деталь, опущенную в Троицком списке: на меньшем судне, где разместились 12 купцов, находились и запасы продовольствия: «да коровы, да корм наш». По рассказу Олеария, посольство, которое он сопровождал в Персию в 1636 г., перед выходом в море взяло 20 быков, несколько бочек соленой рыбы и 200 судаков «толщиною в локоть». Что не все было отобрано при нападении на караван Ха-сан-бека, говорит и ходатайство Никитина о возвращении товаров, выброшенных на берег при крушении тверского судна под Тарками.

Первое плавание Афанасия Никитина по Каспийскому морю совершалось от Астрахани до Дербента. Судя по тому, что Василий Папин ожидал караван в Дербенте, встреча была назначена заранее. Тем же путем, вероятно, купцы собирались вернуться обратно. Однако нападение под Астраханью и дальнейшие события перевернули все планы, а для Никитина послужили толчком ко второму плаванью через Каспийское море — от Баку до Мазендерана.

По выходе судов из устья Волги их ожидала другая беда — разбушевалась морская стихия. «А встала фуртовина на море,— пишет Никитин, употребляя словечко, вошедшее в морской жаргон со времен Крестовых походов,— да судно меньшее разбило о берег» (34).

Никитин называет Каспийское море привычным, хорошо известным по летописям именем — Хвалынское, а также одним из местных названий — Дербентским. Однако наряду с этим в ходу были и другие наименования, образованные от мест, лежащих на побережье: Гилянское, Хорасан-ское и др. В Европе оно было известно как Бакинское (значение Баку как морского порта росло). Персидские море-«ходы называли море Кульзумским. На ошибочность этого названия обращал в XIV в. внимание персидский ученый Хамдаллах Казвини. Географы, писал он, называют этим именем Красное море. Но местные мореходы не читали Хамдаллаха Казвини.

Из-за бурь на Каспии корабли теряли курс или разбивались о скалы. Дженкинсон, вышедший из Астрахани 15 июля, был встречен у берегов Ширвана бурей, которая! продолжалась семь дней. «И носило бусу на море 8, а в 9 день, июня в 26 день, опять погодем принесло... на бусово пристанище»,— говорится в русском статейном списке XVI в. «И пошли с волского устья на море августа в 4 день,— читаем в другом статейном списке того же времени,— и носило бусу морем меж Баки и Дербени и туркменсково пристанища и Асторохани и гилянские земли семь недель и к Баке и к Дербени приносило блиско»¹⁸.

Тверское судно разбилося под Тарками, почти у самых владений ширваншаха Фаррух Ясара, и потерпевшие кораблекрушение попали, что называется, из огня да в полымя. «Ход в малых судех нужен [опасен] там,— писал еще столетие спустя Федот Котов,— где погодою прибует к берегу струг, ино емлют с них, с торговых людей, в Дербени и в Тарках великие пошрины, а к пустому месту прибует, ино усминского князя да кайдатского (люди) торговых людей побивают и животы емлют...»¹⁹ Тарки стояли у подножия гор, от моря с версту.

«А тут есть городок Тархи,— читаем в записках Никитина,— а люди вышли на берег, и пришли кайтаки да лю-, дей поймали всех» (34). Люди кайтакского удмия (у Никитина — князя) действовали по древнему береговому праву, когда вынесенная бурей на берег считалась собственностью владельца побережья. Никитин встретился с потерпевшими спустя некоторое время и мог услышать их рассказ, но возможно, он и сам видел, как все произошло, с посольского судна, которое не смогло подойти к берегу. «И пришли есмя в Дербенть»,— пишет Никитин. Чтобы проделать путь от Дербента до Астрахани, Контарини, также попавшему в бурю, понадобилось 24 дня.

Дербент, прозванный «Железные ворота» (Темир-ка-пы), так как прикрывал проход между морем и Кавказскими горами, в XV в. находился в упадке. По образному описанию Котова, город «стоит одним концом на горы, а другим концом в море. А длиною в горы болпш трех верст, а поперег города сажень с триста, и поперег города перегорожен каменными стенами в дву местах, ино станет три городы»²⁰. Город, писал Контарини, был окружен крепкими стенами, но в нем так немного людей, что едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горою по направлению к цитадели, заселена; со стороны же моря все здания почти разрушены²¹. Таким был Дербент, когда

туда пристал Никитин. Местные владетели оказались не в состоянии поддерживать укрепления города и порта, и купеческие корабли стали предпочитать более удобную естественную гавань Баку. Положение не изменилось и к началу XVII в. «А Дербень,—передает свое общее впечатление Федот Котов,— город каменной, белой, бывал крепок, токо нелюден»²².

В Дербенте, входившем во владения Фаррух Ясара (1462—1500 гг.), произошла наконец встреча с московским посольством. Выяснилось, что Василий Папин благополучно прошел Волгой и Каспием. Здесь, в Дербенте, он ожидал Хасан-бека, чтобы вместе с ним следовать ко двору ширваншаха.

«И ту Василей поздорову пришел, а мы пограблены»,— записал Никитин. Поэтому он тут же обратился к обовойи послам, что «есмя с ними пришли, чтобы ся печаловал о людях, что их поймали по Тархи кайтаки» (34). Против берегового права Никитин использовал посольское право: раз московские и тверские купцы следовали в караванъ посла, значит, можно требовать освобождения обращенных в рабство пленников и возвращения товаров. Надо сказать, что русское право уже в X—XIII вв. предусматривало по договорам помощь иностранным купцам во время несчастных случаев на море и наказание за преступление, совершенное по отношению к потерпевшим кораблекрушение. Ширванский посол нанес визит правителю Дербента. «И Асанбег печаловался,— пишет Никитин,— и ездил на гору к Булат бегу», т. е. в ту самую цитадель, о которой упоминает Контарини («замком на горе» называет его Барбаро). Правитель города Булатбек не мог сам обратиться к главе соседнего владения и потому отправил скорохода к Фаррух Ясару с известием, что «судно русское розбило под Тархи, и кайтаки, пришел, людей поймали, а товар их розграбили». Фаррух Ясар, инициатор посольства в Москву, внял ходатайству и немедленно обратился к кайтацкому уцмию, своему родственнику, с просьбой освободить пленных, вернуть товары и пропустить их в Ширван, так как следовали они к нему, ширваншаху. При этом Фаррух Ясар обещал оказать любую дружескую услугу своему соседу.

«Того же часа,— пишет Никитин о ширваншахе,— послал посла к шурина своему Алильбегу, кайтачевскому князю...» Далее путешественник передает содержание послания Фаррух Ясара уцмию Халил-беку, проявляя хорошее знание русских дипломатических грамот, в стиле которых и дает свой перевод: «...Судно ся розбило под Тархи, и твои люди, прижгед, лтодей поймали, а товар их пограбили; и ты, чтобы меня деля люди ко мне прислал и товар их собрал, занже те люди посланы на мое имя; а что будет тебе надобе у меня, и ты ко мне пришли, и яз тебе, своему брату, не борону, а те люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мне до!роволно меня деля» (35). В Троицком списке «Хожения» вслед за словами «своему брату» следует «за то не стою», т. е. ни перед чем не постою. Кроме того, здесь сказано: «судно ся мое». Даже если это добавление редактора списка, из контекста видно, что ширваншах рассматривал судьбу всего каравана как затрагивающую его суверенитет.

Получив послание Фаррух Ясара о русском корабле, уцмий распорядился отпустить пленных из Тарков, но товары не вернул. «И Алильбег того часа отослал людей всех в Дербент доброволно,— пишет Никитин,— а из Дербенту послали их к ширванши в орду его, коитул» (12). Тюркское «койтул» — то же, что «орду», т. е. ставка правителя. Путешественник наряду с известным читателю передает и местный термин. Все это время Никитин ждал потерпевших кораблекрушение; и только когда выяснилось, что правитель города ничем больше им помочь не может, отправился вместе с московскими и тверскими купцами в ставку Фаррух Ясара.

Дважды ограбленные, потерявшие корабль, купцы надеялись на поддержку ширваншаха. Окрыленный первой победой — возвращением своих товарищей из рабства, Никитин вновь выступает ходатаем перед местной властью, но терпит неудачу.

Описание поездки к Фаррух Ясару, как и всего пребывания в Персии, вплоть до приезда Никитина в Ормуз, сохранилось только в Троицком списке «Хожения». «А мы поехали к ширванше во и коитул и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловал, чем дойти до Руси. И он нам не дал ничего, ано нас много» (12). Выказывалось предположение, что богатые дары Ивана III пропали под Астраханью, и в виду этого посольство Папина успеха не имело. Потеря кречетов, которых вез Хасан-бек, конечно, могла быть чувствительна для Фаррух Ясара, однако, надо полагать, Василий Папин тоже приехал не без дипломатических подношений. Во всяком случае мы вскоре видим в Ширване нового посла Ивана III Марко Россо. Широкий круг его знакомых в Шемахе и хороший прием отмечен Контарини, ехавшим с этим посольством в Москву. Но была и другая причина для отказа в предоставлении средств Никитину и его спутникам. Купеческий караван, прибывший из Руси в 1468 г., попал в самый разгар крупных политических событий в Закавказье, в перерыв между двумя войнами, которые вел Узун Хасан Ак-Коюнлу.

Первая из них завершилась полной победой главы «бе-лобаранных» туркмен Хасан-бека, по прозвищу Узун Хасан (Длинный Хасан), овладевшего территорией Персии и частью Малой Азии. В ноябре 1467 г. произошло решающее сражение, в котором на Мушской равнине, в Армении, был убит Джаханшах Кара-Коюнлу, глава «чернобаранных» туркмен.

Вторая война связана с вторжением в Азербайджан союзника побежденного шаха, тимуридского султана Абу-Саида, которому в свое время Джаханшах вынужден был уступить Хорасан. Абу-Саид выступил под предлогом помощи сыновьям погибшего Джаханшаха. Однако войско Абу-Саида было окружено в Муганской степи армиями Узун Хасана и его союзника Фаррух Ясара. Плененный Абу-Саид был обезглавлен в феврале 1469 г. по приказу своего соперника Мухаммед Ядигара, которому он был выдан победителями.

«Везде булгак встал,— гласит летописный текст рассказа Никитина,— князей везде выбил. Яншу

мырзу [Джахан-шах, в просторечии — Янша] убил Узосан бег [Узун Хасан-бек], а Султамусиятя [султан Абу-Саид] окормили, а Узу-осан бек на Ширазе сел и земля не скрепила, а Едигерь Махмет [Мухаммед Ядигар], а тот к нему не едет, блондется...» (46).

Как видим, Афанасий Никитин рассказывает об обеих войнах, а также о трудностях, с которыми столкнулся Узун Хасан после победы над Джеханшахом и Абу-Саидом. Но так как считалось, что путешественник появился в При-» каспии в 1466 г., то выходило, что он узнал о них, уже находясь в Индии. В действительности, в 1468 г. он находился в Азербайджане, а в 1469 г. — в Мазендеране, на южном берегу Каспийского моря, к востоку от Гиляна. Здесь он и услышал версию о том, что Абу-Саид был «окормлен», т. е. отравлен. Значит, когда Василий Папин и Хасан-бек прибыли в Шемаху, ширваншах выступил в поход против вторгнувшегося Абу-Саида. Вот почему Фаррух Ясар находился в военном лагере (койтул), куда и вызваны были русские купцы.

Потерпевшие «розошлись, по словам Никитина, кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли, а иные остались в Шамахе, а иные пошли роботать к Баке» (12—13). Никитин вернулся, было, в Дербент, но затем пошел в Баку и оттуда морем отплыл в Мазендеран.

Какова же была цель путешествия Афанасия Никитина, когда он покидал Тверь? Собирался он только в Азербайджан или это было началом путешествия в Индию? Первоначальной целью торговой поездки Афанасия Никитина было, по-видимому, Закавказье. Сюда направляются рфа — московское и ширванское — посольства, к которым присоединились тверские купцы во главе с Никитиным. И именно здесь, после двух катастроф, когда Никитин потерял все свое имущество, он принял решение ехать в далекую Индию.

«Аз же от многыя беды поидох до Индеи,— записал Никитин,— занже ми на Русь пойти не с чем, не осталося товару ничево» (23). Признание это содержится в тексте при описании пребывания путешественника в Индии. Оно важно и в другом отношении. Исследователи были твердо убеждены, что Никитин вез товары, взятые в долг. Они исходили из того места записок, где путешественник говорит о пребывании в Закавказье: «у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли... А аз пошел к Дербента...». Так Никитин попал в категорию разоренного должника, над которым нависла угроза закабаления, если бы он не смог по возвращении оплатить стоимость взятых в долг товаров.

Законодательство той эпохи свидетельствует о широком распространении кредита как в денежной, так и в товарной форме. Судебник 1497 г. в статье «О займех», восходящей к нормам Русской Правды, предусматривает случай, когда купец берет чужой товар или деньги, отправляясь в торговое путешествие. Согласно Русской Правде (статья: «Аще который купец истопиться»), решение, как поступить с купцом, по вине которого пропали деньги или товар, зависело от кредитора: «...како любо тем, чии то товар, ждуд ли ему, а своя им воля (т. е. дадут ли возможность выплачивать долг постепенно.— Л. С.) продать ли, а своп Им воля»²³. Если же товар погиб в результате кораблекрушения («истопится»), военных действий или пожара («любо рать возметь, ли огонь»), должник уплачивал кредитору стоимость товара или возвращал без процента взятые деньги. Год работы в пользу кредитора засчитывался за полгивны.

Судебник 1497 г. отменял решение вопроса о виновности купца кредиторами, требуя боярского расследования. В положительном случае дьяк великого князя выдавал полетную грамоту, дающую право платить «от лета», т. е. погодно, в рассрочку; купец, признанный виноватым, подлежал продаже «головою»²⁴. Были ли оба изменения новой нормой или закрепляли уже сложившуюся практику, одно оставалось неизменным — долг должен был быть возмещен. Никитин сообщает, что среди его спутников были и такие, кто подпадал под последнюю категорию («кой должен»), но сам он к ним отнесен быть не может. «Занже ми на Русь пойти не с чем, не осталося товару ничево»,— пишет Никитин. Ему «не с чем» возвращаться сразу на Русь, это верно, однако не потому, что он взял товар в долг, а потому что вложил в это торговое предприятие и потерял все свое имущество.

Если исключить верхушку купечества — гостей (некоторые из них имели земельные владения, что сближало их с феодальной знатью), то нам известны такие категории, как купец и торговые люди. Гости, крупные купцы выступали кредиторами князей, давали товары в долг другим купцам; из них выходили дьяки. Афанасий Никитин не пишется с «вичем», хотя и добавляет имя отца, но он и не употребляет уменьшительной формы своего имени, обычной для мелкого купечества. Летописец, проводивший расспросы, называет Никитина именно «купцом» в отличие от «гостей», которые привели записки путешественника.

Мы знаем, что Никитин мог позволить себе приобрести книги, а они стоили немалые деньги; возможно, он еще и совладелец приобретенного в Твери судна. Так что путешественник был не лицом, взявшим товар в долг, а из купцов средней руки. В Персии он приобретает коня, который с перевозом и содержанием в течение года обошелся ему в 100 руб.

Его материальное положение, а также знание восточных языков объясняют, почему он оказался старшим среди тверских купцов («яз с товарищи»). Об этом свидетельствует и вся его деятельность на территории Русского государства и во владениях ширваншаха. Именно он является к наместникам в Костроме и в Нижнем Новгороде; он ходатайствует за попавших в плен перед послами в Дербенте и перед ширваншахом по прибытии в его ставку. Все это говорит об обоснованности предположения, что Афанасий Никитин действовал в качестве «головы» купеческого каравана, обязанного представлять перед местными властями.

Фигура «головы» купеческого каравана хорошо известна по русской дипломатической переписке. Во главе торговых караванов, направлявшихся в Крым из Москвы, мы видим крупных купцов, «гостей великого князя». Но и караваны вти, присоединявшиеся к очередному посольству, были значительными по своей численности: в них входили десятки, а иногда и более 100 купцов. Общая стоимость товаров составляла не менее 1,5—3 тыс. руб. В караване, следовавшем в Шемаху, насчитывалось не более двух десятков русских купцов, поэтому не удивительно, что возглавляет его «купец», а не «гость».

Посольские дела открывают нам структуру купеческого каравана, а это позволяет найти объяснение одной любопытной загадке. Исследователи не раз обращали внимание на никитинское выражение о купцах, находившихся на меньшем судне после выхода в Каспийское море: «б моск-: вичь да б тверичь». Пытались рассматривать эту формулу и с политической и с литературной точек зрения: то ли Никитин указал на паритетный характер представительства купцов, то ли дал символический образ совместного предприятия.

Можно было бы предположить, что речь идет о торговых товариществах, в которых участвовали как родственники, так и чужие друг другу люди. «Складничество», хорошо известное в торговле Руси с Крымом, проходя через века, находит отражение в Уложении 1649 г. Но товарищества эти были невелики; как видно из нормативных актов и дипломатической переписки — два — четыре человека. Между тем из переписки мы узнаем и об обычной организационной единице, составлявшей купеческий кара-Ван. Эта более мелкая единица, получившая название «котел», сохранялась и по приезде купцов на место, когда самый караван уже распался: «...а как в Кафу придут, будет русаков 5—6 в одном котле»²⁵. Это число фигурирует в посольских делах постоянно.

Итак, часть купцов, «у кого что есть на Руси», отправилась в обратный путь, вероятно, с Василием Папиным. Никитин не говорит о времени и способе их отправки, но долго в Ширване они задержаться не могли, так как до конца того же года Папин уже вернулся в Москву.

Последним городом Азербайджана, который посетил Афанасий Никитин перед поездкой в Персию, был Баку. В связи с развитием Волжско-Каспийского пути значение Баку сильно возросло, город стал главным портом Каспийского моря. Подробное описание крепости и города времен Афанасия Никитина находим у географа Абдаррашид ал-Бакуви, писавшего на арабском языке и жившего в Баку, о чем говорит заключительная часть его имени. Море доходило до стен и башен крепости, невдалеке находилась соборная мечеть. Вокруг города лежала бесплодная земля; фруктовые сады располагались на северном берегу Апшеронского полуострова. До 200 харваров нефти — для освещения и военных целей — вывозилось из Баку морем. Вывозили соль, добываемую из озер Апшерона. Торговал город и привозными товарами, преимущественно шелком. Неподалеку от города, в армянском селении было налажено производство извести. От времени Халил-Улле I, предшественника Фаррух Ясара, сохранились до наших дней дворец, диван-ханэ — судилище, окруженный террасой двор ниже уровня земли, где производились казни, мечеть и мавзолей ширваншахов.

Никитин пишет о наиболее поразившем его явлении — горящих над землей нефтяных факелах: «огнь горить не-угосимы» (13). Пламя выходящего из недр природного газа было, говорят, видно далеко до подхода к городу. Но это не единственное, как полагают, что записал Никитин о Баку. «Сильно вар... в Баке», — замечает Никитин, сравнивая позднее жару этих мест со зноем в Ормузе; «да в Шамахе пар лих» (24). Испытать на себе эти особенности здешнего климата Никитин мог в августе — сентябре, что соответствует примерному определению времени его путешествия по Волге. На переписку властей и возвращение пленных ушел приблизительно месяц, так что в октябре Никитин мог быть уже в Мазендеране.

Во времена Никитина Баку был одной из резиденций ширваншахов, столицей Ширванской земли была Шемаха. «Кругом города ров и ворота железом обиты, а посад и ряды, и карамсарай [караван-сарай] стоят за городом», — писал Федот Котов²⁶.

Согласно венецианцу Иосафату Барбаро, современнику Никитина, в городе было от 4 до 5 тыс. домов, т. е. около 20 тыс. жителей. «А товары, — писал Котов, — в Шемахе всякие, и шолков много крашеного и сырцу, а шолк в Шамахе красят, а сырой шолк родитца около Шамахи по деревьям»²⁷. Вывоз шелка в Европу, о чем пишет Контарини, известен был уже за два столетия до того.

Исследователи расходятся во мнениях, побывал ли Никитин в Шемахе или только в ставке Фаррух Ясара. Судя по фразе «остались в Шамахе», часть купцов, включая Никитина, в Шемахе побывала. Последующая фраза «а яз пошел к Дербенти, а из Дербенти к Баке...» говорит лишь о том, что Никитин в отличие от своих спутников не остался в Шемахе, но и не сразу направился в Баку, как те, которые туда «пошли роботать». Он вернулся в Дербент. Путь от Дербента до Шамахи обычно занимал шесть дней езды на верблюдах или лошадях. Дорога шла между горами и берегом моря: три дня до Шабрана степью и три дня — высоко в горах. Вторичное посещение Дербента не отмечено на картах путешествия Никитина, между тем оно свидетельствует о какой-то цели, прямо им не названной. Мы знаем, что из Азербайджана Никитин отправился в Персию морем. Может быть, для того чтобы пересечь Каспий, Никитин и решил вернуться в Дербент? Город был ему уже несколько знаком, да и о русских купцах, принятых под защиту ширваншаха, знал правитель Булатбек. Однако близился срок окончания навигации, прежде всего в северной части Каспия. Поэтому не удивительно, что попытка оказалась неудачной и путешественник церебрален в более южный и более крупный порт, где возможность отплытия в сторону Мазендерана была большей. Контарини, очутившись в Дербенте в ноябре, вынужден был остаться зимовать и смог выйти в море только в

апреле. Как ни краток Никитин в этой части своих записок, останься он в Ширване до весны, он отметил бы столь долгую остановку, как сделал это при описании своего пути до Персии.

Перед Никитиным была возможность идти проторенными путями, но он отверг эту возможность. Он мог остаться вести торговые дела в более знакомых областях Персии или Турции, а он отправляется через Индийский океан. Чем дальше в глубь средневекового Востока, тем выше была прибыль купца, но тем выше был и риск. Что же толкнуло Никитина в неизвестные дальние страны — жажда прибыли или любознательность? Да и возможно ли заглянуть в душу человека, жившего пять столетий назад? Сам факт появления его записок и их содержание подсказывают нам, что не одно только желание приобрести дорогой товар руководило Никитиным.

Караванные пути от Шемахи вели на юг, в глубь Персии, на Исфахан, а через Ардебиль и Тебриз — в Турцию на Константинополь. Придя в Ардебиль, Афанасий Ники- тин мог продолжить путешествие вплоть до Персидского залива, а мог повернуть в сторону Черного моря. Никитин выбрал Персию, потому что решил идти в Индию. Не удобнее ли было ехать дальше сухим путем, чем морем? Но путь из Шемахи в Ардебиль лежал через Муганскую степь, куда, как мы уже знаем, направлялись три армии — Абу-Саида, Узуна Хасана и Фаррух Ясара. Теперь понятно, почему Никитин, направляясь в Персию, предпочел морской путь сухопутному.

Кончилось путешествие в Закавказье. Начался персидский этап путешествия, который привел Афанасия Никитина к Индийскому океану.

ВТОРОЕ МОРЕ - ИНДИЙСКОЕ

Путешествию по Персии в записках Афанасия Никитина отведено 12 строк, но несмотря на это, а вернее, именно поэтому они вызывают так много вопросов. В каких городах побывал путешественник и в какой последовательности, сколько времени провел в стране? Ответы на эти вопросы могли бы прояснить замыслы Никитина, причины, по которым он избрал тот или иной маршрут, лучше представить условия путешествия и связь с политическими событиями, происходившими в стране.

На первый взгляд, ответы никаких затруднений не представляют. Как будто автор все сказал сам: «Из Баки пошел есми за море к Чебокару, да тут есми жил в Чебокаре 6 месяц, да и в Саре жил дсесяць в Маздраньской земли. А оттуды ко Амили, и тут жил есми месяц. А оттуды к Ди-мованту, а из Димованту ко Рею... А из Дрея к Кашени, и тут есми был месяц. А из Кашени к Наину, а из Наина ко Ездеи и тут жил есми месяц. А из Диес к Сырчану, а из Сырчана к Тарому... А из Торома в Лару, а из Лара к Бендерю. И тут есть пристанище Гурмызское, и тут есть море Индейское» (13).

Разночтения в названиях пройденных городов, таких, как Рей, Йезд, Тарой, объясняются перепиской рукописей в XV—XVII вв. Однако что за город, в который Афанасий Никитин приехал из Баку?

Если Чапакур в Мазендеране, то в этой прикаспийской области, лежащей к востоку от Гиляна, русский путешественник провел восемь месяцев: полгода жил в Чапакуре и по месяцу в Сари и в Амоли. А если слова «в Маздраньской земли» относятся только к Сари и «за море в Чебокару да тут есми жил в Чебокаре 6 месяц» означает поездку в Среднюю Азию? Один из первых комментаторов «Хожения» не сомневался, что Никитин побывал в Бухаре, после чего приехал на юг Каспийского моря. Однако такое предположение отпадает при более внимательном прочтении записок. В другом месте Никитин прямо указывает: «в Чебокару в Маздраньской земле» (44). Более восьми месяцев путешественник проводит в Мазендеране, отделенном от Внутренней Персии горным хребтом Эльбурс. Климат тут влажный, с обильными осадками, склоны гор покрыты лесными чащами. Жители разводили шелк, возделывали хлопок и пшеницу. Область была раздроблена на ряд феодальных владений, плативших дань Узуну Ха-сану. В Амоли и Сари производили шелковые ткани и ковры, а о садах Амоля ходили легенды. Если бы город был осажден, поясняет Хамдаллах Казвини, он мог бы обойтись без подвоза продовольствия. Персидский географ писал эти строки в 1340 г. Если бы он застал нашествие Тимура, он увидел бы, что сады не спасли Амоль. В 1392 г. войска Тимура беспощадно расправились с населением Ма-зендерана, поднявшим восстание как против завоевателей, так и против местных феодалов.

Основной причиной продолжительного пребывания Никитина в Мазендеране, вероятно, была необходимость заняться торговыми делами, чтобы вернуть потерянное. Но с какой целью: чтобы сразу вернуться на Русь или продолжать путешествие? После длительного пребывания в При-каспии Афанасий Никитин направляется в Кашан. На своем пути он называет Демавенд и Рей. На склонах снежного Демавенда добывалась лучшая в стране сера. У подножия горы находилось одноименное селение и свинцовый рудник. Миновав Демавенд, Никитин попал в Рей. Расположенный в окрестностях современного Тегерана, город был знаменит под именем Раги в Древней Мидии, а позднее как один из крупнейших центров Передней Азии по производству шелковых тканей и «рейской» керамики, известной и на Руси. Подвергнутый страшному разрушению в начале XIII в., Рей так и остался в развалинах, символизируя судьбу города, уничтоженного жестоким завоевателем. Кла-вихо,

кастильский посланник ко двору Тимура, проезжал здесь в 1404 г. Город был разрушен и необитаем; центром округа стал Верамин. Мертвый город поразил Никитина. По преданию, распространенному среди мусульман-шиитов, с которыми общался путешественник, богатый Рей с зависимыми городами и областью был обещан полководцу Омару за выступление против имама Хусейна. В результате сын халифа Али и внук Мухаммеда Хусейн был убит в 680 г. в г. Кербела в Ираке. Но во времена Никитина шииты, почитавшие Хусейна, видели в разрушении Рея и соседних городов кару за гибель имама. Отражение этой легенды мы находим в записках Никитина. «А ты убили Шаусеня Алеевых детей и внучат Махметевых, и он их проклинал, ино 70 городов ся розвали-ло», — замечает путешественник, побывав в Рее и невольно связывая его с местом гибели Хусейна (13).

Катан был первым большим городом Персии, который посетил Никитин. Лежавший на перекрестке торговых путей, город славился трудом умелых мастеров-ремесленников. По словам Иосафата Барбаро, приехавшего в Кашан вскоре после русского путешественника, шелковые ткани и бумагу здесь изготовляли в таком количестве, что пожелавший купить тканей на 10 тыс. дукатов мог бы совершить эту покупку в один день. Большим спросом пользовались кашанские полосатые и клетчатые ткани, делали здесь также бархат и парчу — камку, как называли ее на Руси. По всей Персии расходилась фаянсовая посуда, покрытая глазурью, глазурованные плитки для облицовки зданий («каши»), изделия из прозрачной бирюзовой глазури, фаянсы с росписью эмалью. Благодаря залежам каолина, расположенным неподалеку от Кашана, город превратился в центр по изготовлению художественной керамики. Особенно популярной была роспись люстром различных оттенков с золотистым отблеском. Рецепт его изготовления донесла до нас «Книга о камнях и благовониях» Абдул-Касима Абдаллаха Кашани, жителя города. Кашан имел около 4 миль в окружности и был густо населен. Здесь Никитин, ведя торговые дела, провел месяц.

Из Кашана купеческие караваны обычно шли западным путем к Исфахану, до которого было несколько дней, и далее — на Йезд. Никитин двигался к Йезду другим, восточным путем. В г. Наин, не доходя до Йезда, Афанасий Никитин отметил вторую годовщину своего путешествия. Описывая пребывание в Индии, путешественник вспоминает о том, где встречал праздник пасхи в первые четыре года по отъезде из Твери: «Первый же велик день взял есми в Каине, а другой велик день в Чебокару в Маздраньской земле, третьей велик день в Гурмызе, четвертый велик день взял есми в Ындее з бесермены в Бедере» (44).

В маршруте Никитина такого пункта, как Каин, нет вообще. Если это Наин, названный им на пути из Кашана, то первый праздник Никитин встретить там никак не мог, так как побывал здесь после Чапакура. А что если Каин в списках «Хожения» — персидский город Кайен? Последний лежит далеко от известного нам маршрута Никитина, в сторону Средней Азии. Тогда выходит, что путешественник, переплыв Каспийское море, пошел через Кайен в Бухару, возможно, пытался сухим путем, через горы, достигнуть Индии. Дошел до Кайена (кстати, Марко Поло шел в Среднюю Азию через Кайен), отметил здесь первый год путешествия, добрался до Бухары, провел здесь шесть месяцев и отметил второй праздник пасхи. И только после этого пришел в Сари. Однако мы уже выяснили, что Чебокара в списках «Хожения» — это Чапакур в Мазенде-ране, и все восемь месяцев после отплытия из Баку Никитин провел в этой прикаспийской провинции. Значит, Кайену места на карте путешествия Никитина нет. На юг Каспия, а не в Чагатайскую землю, которая не раз упомянута в записках Никитина, отправился он после Кавказа, и не было попытки проникнуть в Индию через горные перевалы.

Теперь мы можем с уверенностью сказать: первый «велик день» Афанасий Никитин встречал в Мазендеране. Следовательно, ошибка относительно Чапакура — ошибка памяти. И так как второй раз путешественник отметил праздник в Наине, а третий в Ормузе, то в общей сложности он провел в Персии не год с небольшим, а более двух лет.

Йезд, расположенный в оазисе посреди пустыни, поражал своими урожаями шелка-сырца, которые были здесь в несколько раз выше, нежели в других местностях Персии. Да и большая часть жителей города состояла из ткачей. По сведениям Барбаро, мастера Йезда поставляли ежедневно до 20 тыс. выюков шелковых тканей. Город снабжал тканями весь Ближний Восток. Они встречаются среди товаров русских купцов и имущества русских князей и бояр. Дома в Йезде, как и почти во всей безлесной Восточной Персии, были глинобитные, без деревянных перекрытий. Город окружал вал около 5 миль в окружности. Никитин провел здесь, как и в Кашане, около месяца.

Две караванные магистрали сходились в Йезде; одна вела из северо-западной части страны в область Керман, к порту Ормуз, другая связывала Хорасан с областью Фарс, главным городом которой являлся Шираз. Из Шираза через Лар из области Керман было попасть к Ормузу, но Никитин отклоняется к зостоку и приходит в Лар из области Керман со стороны Тарома. Почему Никитин избрал именно этот из возможных караванных путей? Возможно, причиной явилось беспокойное положение в Ширазе: Узун Хасан, писал Никитин, «на Ширязе сел и земля не окрепила» (46). Но была и другая причина — Никитину нужен был отменный конь, и это привело его на юго-восток Персии.

Никитин искал новый путь торговли для Руси. О том, что в Индии есть «товар на Русь», он был наслышан от купцов-мусульман. Но, прежде чем познакомиться с условиями рынка и приобрести товар из первых рук, нужны были средства. И Никитин, торгуя, надолго задерживается в Персии. У него нет состояния, которое позволило бы отправиться в отдаленную страну в качестве путешественника. Он едет как купец. Самым выгодным товаром, который в Индии ценился много

дороже, чем в Персии или Аравии, были кони. И Никитин приобретает персидского жеребца. О том, что он привез в Индию через океан дорогого коня, говорит сумма, в которую обошлась вся эта торговая операция: «И яз грешный привезл жеребца в Индейскую землю, и дошел есми до Чонеря бог дал по-здорову, а стал ми во сто рублей» (14). О стране, где был куплен конь, путешественник прямо не говорит, но, определив по запискам Никитина, когда это происходило, мы можем установить и место купли.

Полагали, что Афанасий Никитин приобрел коня в Ормузе. Но путешественник рассказывает, как бродил по конским ярмаркам в Индии и как продал наконец коня «о рожестве», т. е. в декабре первого года пребывания в Индии. «А кормил есми его год» (17), — добавляет Никитин. За год до этого Никитина в Ормузе еще не было. Значит, он приобрел коня южнее Наина, где был весной, скорее всего в Тароме или около этих мест. Именно здесь Никитин обращает внимание на стоимость фиников, входивших в рацион коня: «а фуники кормят животину, батман [мера веса] по 4 алтына» (13).

Из Йезда Никитин направился в Сирджан. Бывшая столица Кермана была расположена в оазисе, где собирали большие урожаи пшеницы, хлопка и фиников, но войска Тимура превратили город в груды развалин. От Сирджана Никитин двинулся к Тарому, где дешевы финики, и к Лару, главному городу области Ларистан. Во времена Никитина в Ларе насчитывалось около 2 тыс. домов (до 9 тыс. жителей). Преимущественно он был городом купцов, связанных с морской торговлей. Из Лара Никитин пришел наконец к Старому Ормузу. «И тут есть пристанище Гурмызское, и тут есть море Индейское, а парьсейским языком Гондустанская дория, и оттуды ити морем до Гурмыза 4 мили» (13).

Неподалеку от побережья Персидского залива, у входа в Индийский океан, лежит скалистый остров. Сюда в конце XIV в., за 100 лет до описываемых событий, был перенесен город Ормуз (у арабов Хормуз). Остров Дже-раун, где поднялся новый Ормуз, расплывлен был на пересечении важных торговых путей. Здесь сходились караванные пути из Персии и Багдада и морские из Индии. Другой путь, связывающий Ближний Восток и Западную Европу с Индией, проходил через Красное море и Египет. Власть ормузского мелика распространялась на Маскат в Аравии и на Бахрейнские острова, знаменитые добычей жемчуга. «Гурмызскими зернами» называли на Руси в отличие от своего речного жемчуга драгоценности, привозимые из Ормуза. На доходы от торговли я ловли жемчуга мелик содержал наемное войско и военную флотилию. Они-то и принесли Ормузу эпитет «Дар-аль-аман» — обитель безопасности. Посол Шахруха, правившего в Герате, нашел здесь в 1442 г. купцов из Ирана и Аравии, Египта и Сирии, Малой Азии, Ирака Арабского, Золотой орды, Средней Азии, Китая и различных областей Индии: Малабара, Виджаянагара, Бенгалии¹.

В 1471 г. на острове Джераун появился русский купец Афанасий Никитин. «А Гурмыз есть на острове», — пишет Никитин, называя новый город Гурмызград, а старый, на берегу, Бендерь — пристанище Гурмызское (бендер по-персидски «пристань»), Средневековый Ормуз как центр посреднической торговли сравнивали с Венецией. На этом сходство и заканчивалось.

Палящий жар стоял над городом. «Силно вар в Гурмызе, — пишет Никитин, — да в Катобаграиме, где ся жемчуг родить... да в Жидде, да в Баке» (24). На Бахрейнских островах (Катобаграим) и в Джидде Никитин не был, но жар Ормуза, как и Баку, он испытывал на себе. «А в Гурмызе, — замечает он, проведя здесь более месяца, — есть варное солнце, человека съжжет» (13). Как видно из пометок на рукописи «Хожения», слова эти в XVIII в. вызвали у одного из читателей записок Никитина недоверие (185—186). Если бы этот скептик раскрыл «Книгу» Марко Поло, дважды побывавшего в тех местах, он прочел бы: «Живут тут сарацины, Мухаммеду молятся. Жара тут сильная, и потому-то здешний народ устроил свои дома со сквозняками, чтобы ветер дул; и все потому, что жара сильная, невтерпеж»².

О городе на острове Никитин пишет, что «всего света люди в нем бывают, и всякий товар в нем есть, что на всем свете родится, то в Гурмызе есть все» (41). И тут же отмечает преграду, которую мелик ставил европейским купцам: «тамга же велика, десятое с всего емлют». Действительно, пошлина для немусульман была равна десятой части стоимости товара, тогда как купцы-мусульмане, державшие в своих руках всю торговлю, платили в четыре раза меньше — два с половиной процента.

Пряности, ткани, краска индиго были главными предметами ввоза из Индии, основной же статьей вывоза через Ормуз были кони. Верховых лошадей для путешествий и быстрой езды в Индию ввозили из Аравии и южных районов Персии, боевых коней, которых покрывали кольчугой, доставляли из золотоордынских степей. Купцы покупали степных лошадей по 8—10 динаров и гнали караванными путями к Ормузу. Нередко перегоняли табуны до 6 тыс. коней, где на каждого купца приходилось по 100—200 коней. Степных коней продавали за морем по 100 динаров, на лучших коней цена доходила до 500 динаров и выше. Известны случаи, когда привозной конь стоил в Индии до 1000 золотых монет (206). По-разному объясняли в средние века причины, по которым в Индии не было коневодства: и тяжестью климата, и трудностями обеспечения подходящим кормом. Однако были и иные препятствия. «Ежегодно, — рассказывает Марко Поло об одном из индийских владетелей, — царь покупает тысячи две коней и побольше; столько же покупают братья; а к концу года нет и ста лошадей, все околевают»³.

Поставка лошадей для армий различных индийских государств велась в течение столетий. Об этом писали Марко Поло, византийский купец Козьма, побывавший в Индии в VI в. Рассказывает об этом и Афанасий Никитин. Коней, пишет он, привозят из Мисра (Египет), из Аравии, из

Хорасана и Средней Азии. И привозят их, добавляет путешественник, все в тавах — индийской земли кораблях. Описывая по прибытии в Индию войско Бахманидского государства, Никитин отмечал, что знать вся «на конех да в доспесех, и кони, и сами» (16). Кормили коней в Индии моченым горохом «да варят кичи-рис с сахаром да кормят кони,— говорит Никитин о рационе коня,— да с маслом, порану же дают им шешни» (36). Шешни, которые давали коням поутру, это рисовые лепешки. Кхичри также приготавливали из риса, но с маслом и приправами. Этим блюдом кормили и боевых слонов. Сварив кхичри, выливали из котла, посыпали солью и, подмешав свежего сахара, давали слонам.

«А из Гурмыза,— пишет Афанасий Никитин,— пошел есми за море Индейское, по велице дни в фомину неделю, в таву, с коньми» (13). Фомина неделя — вторая после пасхи. Самая ранняя ее дата, учитывая подвижность праздника, с 29 марта по 4 апреля, самая поздняя — с 2 по 8 мая (счет дней недели в древнерусском календаре после пасхи начинался в воскресенье). Текст, приведенный выше, взят из Троицкого списка «Хожения». Летописная редакция дает более точную дату: «по велице дни в радуницу» (35). Названный праздник приходится на вторник Фоминой недели. Такой способ датирования весьма распространен в русских летописях, и, когда известен год, подобное указание равносильно приведению числа и месяца. И — наоборот. У Никитина год не указан, поэтому определено лишь то, что самым ранним днем отплытия могло быть 31 марта, самым поздним — 4 мая. Опираясь на сведения о времени плавания и дальнейшем пути Никитина, отмеченным другим праздником с постоянным непереходным днем, была сделана попытка установить дату отплытия Никитина из Ормуза и прибытия его в Индию. Однако выясним прежде, каков был маршрут, сколько длилось плавание, на каком корабле совершил его русский путешественник.

Когда венецианцы братья Поло совершили «великий спуск» к городу Ормузу, что находился на берегу Персидского залива, они увидели суда, готовящиеся к отплытию в Индию. Вид настолько подействовал на купцов из Венеции, что они отказались от плавания через океан и предпочли пустыни и горы Центральной Азии. «Суда у них плохие,— писал позднее Марко Поло,— и немало их погибает, потому что сколочены они не железными гвоздями, а шиты веревками из коры индийских орехов... У судов одна мачта, один парус и одно весло... Нагрузят суда и сверху товары прикроют кожею, а на это поставят лошадей, которых везут на продажу в Индию»⁴. По словам Поло, болты корабля делали из дерева, потому что железа для гвоздей в здешних местах нет. «Плывать в таких судах,— заключает Поло,— опасно; бури в Индийском море часты, и много их гибнет»⁵. На таком судне, как полагают комментаторы, и плыл Никитин. Особенности строительства этих судов связывали с поверьем среди моряков о магнитных скалах в Персидском заливе, которые притягивали железные части корабля. Как видим, Поло дает вполне рациональное объяснение. Венецианец Николо Конти, полтора столетия спустя оказавшийся в тех же местах, дает иное описание судов, совершавших плавание в Индию. Они были вместительнее итальянских, пятипарусные, на случай пробоины снабжены переборками, чтобы вода не могла далее распространяться. Часть исследователей считает, что Никитин отплыл из Ормуза на таком судне.

В чем же дело? В том, что за прошедшее время строительство судов усовершенствовалось? Однако, по описанию Абдарразака Самарканди, современника Конти, корабль, на котором он отплыл в Индию, мало чем отличался от описанных Марко Поло. Значит, верно мнение, высказанное вначале?

Приводимое выше описание содержится в первой части книги Марко Поло, посвященной Персии. В третьей части книги Поло приводится описание судов, строившихся в Индии. И оно, оказывается, весьма близко к рассказу Конти.

«Начнем сперва о судах, в которых купцы плавают из Индии и обратно туда,— рассказывает Марко Поло.— У них одна палуба, на ней более шестидесяти покоев, и в каждом одном купцу жить хорошо. Они с одним рулем и четырьмя мачтами; зачастую прибавляют еще две мачты... Сколочены они вот как: стены двойные, одна доска на другой и так кругом; внутри и снаружи законопачены; сколочены железными гвоздями»⁶. Когда идут на веслах, добавляет Поло, — у каждого весла по четыре морехода.

Значит, речь идет о различных типах судов, совершавших плавание через Аравийское море: тех, что строились на берегах Персидского залива, и тех, что строились в Индии. Никитин оба раза — при описании плавания в Индию и обратно — называет судно тава (от махратского «даба»). «А привозят все морем в тавах,— пишет Никитин,— Индей-ския земли корабдр!» (14).

Такие суда строили не только в Индии, но и на всем Аравийском побережье. В атласе городов мира XVI в. на раскрашенном от руки рисунке показано, как строят таву⁷.

Морские суда, называемые даба, строят и сейчас, причем так же, без железных гвоздей. Они, как и сотни лет назад, рассекают воды Аравийского моря.

В то время, когда А. Никитин плыл из Ормуза в Индию, на параллельных линиях водил суда знаток южных морей Ахмад ибн Маджид, знаменитый изложенными в стихах лоциями и тем, что привел корабли Васко да Гамы в Индию. Позднее Ахмад ибн Маджид, став живым свидетелем начала эры колониального захвата Индии, с горечью воскликнет: «Когда бы ведать мне, что от них будет!»⁸ Однако вернемся к Никитину.

Сколько стоил ему перевоз из Ормуза, путешественник не говорит, но об этом можно судить по корабельной плате, взятой до Ормуза при отплытии из Индии — два золотых «от своего головы». При первом плавании он должен был платить и за перевоз коня. Плавание было долгим, шесть недель, как пишет Никитин. Сорок дней, сорок ночей.

Никитин называет три крупных порта Индии: Камбей в области Гуджарат, Дабхол во владениях Бахманидов, Кожикод (Каликут) на территории империи Виджаянагар. Их он называет пристанищами «Индийскому морю всему». «А товар в нем,—пишет путешественник о Камбее,— все делают [ткани]: алачи да пестряди, да киндяки, да чинят краску ниль [индиго], да родится в нем лек [красящее вещество], да ахик [сердолик], да лон [соль]». В Дабхол, говорит путешественник, «съезжается вся поморья Индейская и Ефиопская». Сюда, по словам Никитина, «приводят кони из Мисюря [Египет], из Рабастани [Аравия], из Хоросани, из Туркустани, из Негостани [Ормуз]...» О Кожикод Никитин сообщает по расспросам: «А родится в нем перец, да зеньзебель [имбирь], да цвет да мошкат [мускатный орех], да калафур [цинаммон], да корица, да гвозники [гвоздика], да пряное коренье, да адряк [вид имбиря], да всякого коренья родится в нем много» (21).

Все перечисленные виды пряностей упоминаются также путешественниками XVI в. как предмет индийского экспорта в страны Ближнего Востока и Западной Европы.

По описанию русского путешественника, Дабхол выступает как порт для ввоза (в 1508 г. город был разрушен по приказу адмирала Альмейда), а Камбей и Кожикод — как порты, вывозящие продукты земли и промышленности Индии.

На Аравийском полуострове, недалеко друг от друга располагались порты Маскат и Калхат на оманском берегу и Аден, служивший морскими воротами к священным местам мусульман — Мекке и Медине. Отсюда корабли направлялись к западному побережью Индии. Из Калхата (при быстром произношении звучит как Галат) в Кожикод плыл с посольством Абдарраззак Самарканди. По его оценке, Кожикод имел торговое значение подобно Ормузу. Однако если из Ормуза корабли чаще шли на Камбей и Чаул, то из Кожикод — в аравийские порты Красного моря и Египет. Торговый путь через Аравийское море находился в руках мусульманского купечества.

Маршрут плавания Никитина и время пути между портами до сих пор вызывает разногласия, поскольку в своих записях путешественник приводит разные данные о морских путях Индийского океана. Согласно первому свидетельству, путь корабля, на котором находился Никитин, лежал от Ормуза до Маската, затем следуют: Дега (по-видимому, Дезат на персидском берегу, подчиненный медику Ормуза); Гуджарат, первая индийская область, увиденная Никитиным, где у полуострова Катхиявар известен порт Диу (Двипа); порт Камбей на берегу Камбейского залива, также в области Гуджарат, и, наконец, порт Чаул на Мала-барском побережье, откуда началось путешествие в глубь страны.

«И шли есмь морем до Мошката 10 дни,— пишет Никитин,— а от Мошката до Дегу 4 дни, от Дега Кузряту, а от Кузрята Конбаату... а от Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмь пошли в 7-ю неделю по велице дни, а шли в таве есми 6 недель морем до Чивилия» (35). Обратный путь морем был иным: от порта Дабхол, расположенного между Чаул-лом и Гоа, до берегов Эфиопии, «а оттудова же поидох 12 дни до Мошката, и в Мошкате же шестой великий день взял и поидох до Гурмуза 9 дни» (49).

Второй, приводимый Никитиным, вариант пути в Индию: «А от Гурмыза ити морем до Голат 10 дни, а от Кала-ты до Дегу 6 дни, а от Дега до Мошката, до Кучьзрята, до Комбата 4 дни, от Камбата до Чивеля 12 дни, а от Чивилия да Дабыля 6». Так выглядит путь в Троицком списке «Хожения» (20). Летописная редакция полнее передает это место: «А от Гурмыза ити морем до Галат 10 дни, а от Галаты до Дегу шесть дни, а от Дега до Мошката **6 дни, а от Мошката до Кучьзрята 10 дни, а от Кучьзрята до Камбата 4 дни**» (41) (подчеркнутое отсутствует в Троицкой редакции). Сопоставим оба маршрута.

Ормуз — Маскат	— 10 дней	Ормуз — Калхат	— 10 дней
Маскат — Дега	— 4 дня	Калхат — Дега	— 6 дней
Дега — Гуджарат		Дега — Маскат	— 6 дней
		Маскат — Гуджарат	— 10 дней
Гуджарат — Камбей		Гуджарат — Камбей	— 4 дня
Камбей — Чаул*		Камбей — Чаул	— 12 дней

Данные приведенных в «Хожении» маршрутов противоречат друг другу. В одном случае путь Ормуз — Маскат — Дега, в другом: Ормуз — Калхат — Дега — Маскат; в одном случае для пути от Маската до Дега указано 4 дня, в другом — 6 дней. «Следовательно,— писал И. П. Петрушевский,— неясно, заезжал ли Афанасий Никитин в Дегу, уже миновав Маскат, или, напротив, еще не доезжая Маската. По-видимому, здесь память изменила нашему путешественнику» (207).

Как видим, оба маршрута совпадают лишь частично для плавания вдоль индийских берегов. Во втором списке портов появляется Калхат, которого нет в первом маршруте. Создается впечатление, что из Дега корабль вместо того, чтобы следовать далее к Индии, повернул назад, к Маскату, и только после этого продолжил свой путь до полуострова Катхиявар и Камбейского залива. Такое расхождение никак нельзя объяснить ошибкой памяти. Слишком оно значительно. Да и находятся оба маршрута в различном контексте.

Как ни близко расположен Калхат от Маската (путь морем от Ормуза до Маската и до Калхата

* Количество дней, ушедшее на путь от Дега до Чаула, Афанасий Никитин не указывает.

совпадает по времени), путешественник не мог спутать два разных порта, тем более что, возвращаясь, он вновь побывал в Маскате. Кроме того, приводя во втором маршруте данные о пути от Дега до Калхата, Никитин тут же сообщает данные и о пути от Дега до Маската. Согласно второму маршруту, весь путь должен занять 48 дней, что противоречит указанной Никитиным продолжительности первого маршрута («6 недель морем»). Уже в силу этого маршруты, приводимые Никитиным, не могут рассматриваться как варианты одного и того же плавания.

Расхождение получает объяснение, если принять, что в первом случае Никитин дает маршрут своего собственного плавания в Индию, а во втором — так называемый маршрутник, где названы и те места, в которых путешественник не был, но сведения о которых он собрал. Продолжение текста, содержащего второй маршрут, прямо указывает на это. Первый морской маршрут заканчивается у порта Чаул, так как здесь Никитин высадился, чтобы продолжать путешествие по суше. Во втором маршруте поело Чаула следуют сведения о времени пути морем — до Дабхо-ла, Кожикоды, острова Цейлон, стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. При этом в первом случае, где речь идет о собственном плавании, изложение ведется от первого лица: «А из Гурмыза пошел есми... и шли есмя морем до Мошката..., а ис Чивилиа пошли есмя сухом» (35). Во втором же перечне портов содержится свод данных для других путешественников: «От Гурмыза итти морем... а от Силяна до Шибайта месяц ити» (41).

В результате отпадают спорные вопросы: где же побывал Никитин — в Маскате или Калхате, а также поворачивал его корабль назад или нет. Никитин побывал в Маскате дважды — на пути в Индию и обратно, а в Кал-хате не был. Выясняется также, что путь от Маската до Дега, требовавший обычно (см. маршрутник) шесть дней, был пройден кораблем Никитина за четыре дня. Второе плавание Никитина — из Индии — совпало с первым на участке Маскат—Ормуз, причем на этот раз то же расстояние было пройдено Никитиным за девять дней, на день меньше, чем в первый раз. Так что следует исправить карту путешествия Никитина, где Калхат обозначен как порт, в котором путешественник побывал, а Маскат — как порт, о котором он сообщает лишь по рассказам.

Исследователи, полагавшие, что перед ними два варианта одного маршрута, пытались установить время пути между портами, соединив оба маршрута. Для последней части плавания, от Гуджарата до Чаула, такой прием допустим ввиду совпадения маршрута, но как быть с началом пути?

И. П. Минаев полагал возможным внести две поправки: во-первых, для пути от Маската до Дега считать не четыре, а шесть дней, заменив данные первого маршрута данными второго, которые, как выясняется, носят справочный характер. Во-вторых, вместо «от Дега до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучьзрята 10 дни» Минаев предлагал читать «от Дега до Кучьзрята 10 дни», как более правдоподобный вариант, коль скоро Никитин меньший путь от Ормуза до Маската проделал за такой же период времени⁹. Тогда, рассуждал исследователь, цифры второго показания вполне будут согласованы с первым: от Ормуза Никитин плыл 10 дней до Маската, 6 дней до Дега, 10 дней до Гуджарата, 4 дня до Камбея и 12 дней до Чаула, всего 42 дня, или 6 недель. У И. И. Срезневского выходило на два дня меньше, так как по первому варианту он считал путь от Маската до Дега в 4 дня. В обоих случаях путь через Индийский океан от Ормуза до Гуджарата занял от 24 до 26 дней, что близко к данным Николо Контти, совершившего плавание по тому же маршруту.

Определяя год прибытия Никитина в Индию, И. И. Срезневский произвел подсчет дней между отплытием путешественника из Ормуза «в радуницу» и выходом его из Джуннара «на усень»¹⁰. Расчет был основан на том, что по календарю, принятому на Руси, «усень» отмечают 15 августа, а за четыре с половиной месяца до этого, если суммировать все указания Никитина на время, проведенное в пути и в Джуннаре, путешественник находился в Ормузе. Выходило, что пасху здесь он должен был встретить 2 апреля, а значит, был 1469 г. Исследователь считал, что в записках Никитина он нашел и подтверждение своей датировки. По его трактовке текста, 1 апреля второго года пребывания Никитина в Индии приходилось на воскресенье, что указывало на 1470 г. Однако Никитин не говорит, что 1 апреля было воскресенье. Он пишет, что отметил пасху в Бидаре 1 мая, «а заговел есми месяца априля 1 день», т. е. постился в течение апреля. О воскресенье (оно обозначалось словом «неделя» — день, свободный от работы, отсюда «понедельник») он говорит в другом месте: «Месяц март прошел, и яз месяц мяса не ял, заговел с бесермены в неделю» (20). Речь, по-видимому, идет о другом посте, начатом в марте, а не после того, как «месяц март прошел». Не сверившись с календарем, И. И. Срезневский допустил ошибку при определении дня отплытия: радуница приходится на девятый, а не на седьмой или восьмой день после пасхи. При общей же продолжительности плавания шесть недель, даже если допустить, что путешественник не задерживался ни на один день в пройденных по пути городах, он должен был либо выйти из Джуннара позже 15 августа, либо праздник отметил в Ормузе раньше. Иными словами, расчет даты подвижного праздника по празднику с постоянным днем в данном случае не позволяет установить срок пасхи, а следовательно, и искомый год.

И. И. Срезневский считал, что иная дата, кроме им рассчитанной, невозможна, ибо в 1468 и 1470 гг. пасха приходилась соответственно на 17 и 22 апреля. А если путешественник при описании пребывания в Индии употреблял даты привычного календаря для обозначения не конкретного дня, а месяца, на который праздник приходится? Так, указывая границы смены времен года в Индии, Никитин пишет: «Зима же у них стала с троицына дни... весна же у них стала с покрова» (36, 38). Никитин хотел сказать, что период дождей в год его прибытия в Индию начался в июне, а

следующий сезон — в октябре. Вряд ли новый сезон — сезон дождей — начался именно 1 октября, когда отмечают праздник покрова. Троица — праздник переходящий, отмечается на 50-й день после пасхи, но и здесь не имелся в виду конкретный день. Если путешественник отплыл из Ормуза «в радуницу», на девятый день пасхи и плавание продолжалось шесть недель, сезон дождей должен был бы начаться до того, как Никитин достиг Чаула, а это противоречит тексту записок.

Никитин несколько раз говорит, что местный праздник памяти шейха Ала-ад-дина приходится «на покров», но в одном месте уточняет: «Празднуют шиху Аладину и весне две недели по покрове, а празднуют 8 дни» (17). Значит, такого рода ссылки в записках Никитина не могут приниматься в качестве точных дат. Путешественник указывает на ближайший крупный праздник по принятому на Руси календарю.

Вернемся к вопросу об определении срока пасхи в Ормузе. Если Никитин вышел из Джуннара 15 августа, как следует из буквальной интерпретации текста, он не мог встретить пасху в Ормузе 2 апреля, он должен был ее встретить раньше, а более ранняя пасха в данном случае указывает и на более ранний год, что невозможно, учитывая допустимые хронологические рамки путешествия в целом. Если путешественник отметил праздник в 1469 г. 2 апреля, он должен был выйти из Джуннара позднее 15 августа, но тогда указание «на успенье» не может пониматься буквально. В 1471 г., самом позднем из допустимых, пасха приходилась на 14 апреля. В таком случае Никитин вышел из Джуннара также позже 15 августа, но в пределах месяца, на который приходится указанный им праздник. Таким образом, сведения о плавании Никитина сами по себе не позволяют определить год прибытия в Индию, но, в каком месяце он покинул Ормуз, они говорят вполне определенно. А это приоткрывает завесу, которая скрывала обстоятельства плавания.

Приближался сезон дождей, и тогда бури, наиболее сильные в этой части океана, обрушились бы на суда, поэтому надо было пересечь Аравийское море до конца навигации. Период муссонных ливней начался, когда путешественник был уже на суше: «ежедень и ночь 4 месяца, а всюда вода да грязь» (36). Судя по возможным срокам отплытия из Ормуза, корабль Никитина был одним из последних, успевших пройти до сезона дождей. Если плавание было совершено в 1469 г., то отправление из Ормуза приходится на 11 апреля, если в 1471 г. — на 23-е. В любом случае корабль Никитина мог достичь берегов Индии к началу июня, но во втором случае угроза попасть в муссонную бурю была большей.

Длительность плавания Никитина обращала на себя внимание, но причины оставались невыясненными. Корабль Абдарразака Самарканди прошел расстояние от Ормуза до Калхата за три дня в бурное время (у Никитина такой же путь до Маската занял 10 дней), а весь путь через Аравийское море от Калхата до Кожикоде — за 18 дней. Медленность плавания Никитина может быть объяснена не только маршрутом или мореходными качествами судна. Плавание происходило в апреле — мае, когда в связи с переходом от зимних муссонов к летним ветры в северной части Индийского океана неустойчивы и слабы (2—3 балла).

В этих условиях особенно грозной становилась еще одна опасность, подстерегавшая купеческие корабли. «А на море разбойников много», — записал Афанасий Никитин (37).

«Из области Мелибар, да еще из другой, что подле и зовется Гузуратом, — рассказывает Марко Поло, проходивший вдоль западных берегов Индии с юга, — каждый год более ста судов выходят другие суда захватывать да купцов грабить. Большие они разбойники на море; жен и детей берут с собой; все лето в плавании; купцам они много убытков делают. Иные из этих судов отделяются от других, плавают и там и сям, выжидают, да подсматривают купеческие суда... Соберутся словно отряд; один от другого станет милях в пяти; так и расставится судов до двадцати; миль на сто займут море, и как завидят судно с товарами, зажигают огни и подают друг другу знаки»¹². Описывая соседнее владение Конкан, расположенное к югу от Мала-бара, Марко Поло добавляет, что делается это все «по воле царя; у него с разбойниками уговор: всех захваченных лошадей должны они ему отдавать»¹².

К середине XV в. положение несколько изменилось: гуджаратский султанат выступал союзником государства Бахманидов, куда лежал путь Никитина. Центр корсарства переместился в Гоа. В распоряжении конканских раджей, находившихся в зависимости от империи Виджаянагар, было 300 судов, которые должны были перехватывать корабли, доставлявшие лошадей для бахманидской армии.

Тава «с коньми», на которой плыл Никитин, не попала в руки корсаров, хотя экипаж, от которого путешественник слышал о них, надо полагать, готовился к такой встрече. «Купцы знают разбойнические обычаи, — писал Марко Поло, — знают, что должны их повстречать; снаряжаются и изготовляются хорошо и не боятся повстречать разбойников; защищаются храбро и разбойникам вред наносят»¹³. Благополучное плавание Никитина могло быть и делом случая, как полагают комментаторы. Но, возможно, это объясняется политическими событиями на западном берегу Индии.

В 1469 г. бахманидские войска предприняли поход на юг, на крепость Келну, а затем — в область Конкан. В итоге, после второго сезона дождей, как описывает индийская хроника Мухаммеда Фериштэ, Гоа был занят и присоединен к владениям Бахманидов¹⁴. Город, расположенный на материке и острове, был захвачен комбинированным ударом с моря и суши и настолько неожиданно, что махараджа Виджаянагара Вирупакша II не успел прислать войска на помощь своему вассалу. Если Никитин отплыл из Ормуза весной 1469 г., военные действия еще не начинались, если — двумя годами позже, то корсарству, переживавшему расцвет во времена Марко Поло, был нанесен удар, свидетелем которого стал Афанасий Никитин.

СЕМЬ ВРАТ БИДАРА

Перед самым сезоном дождей Афанасий Никитин сошел с корабля в порту Чаул на Малабарском берегу, чтобы направиться в глубь страны. Низкий песчаный берег, стволы пальм, вогнутые от ветра, белая полоса океанского прибоя. «И тут есть Индейская страна,— пишет Никитин,— и люди ходят наги все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены...» (13).

Жители Малабара отличались темным цветом кожи, встречались переселенцы из Африки, говорили они на разных языках, исповедовали разные религии и стояли на разных ступенях общественного развития. «А мужи и жены все черны,— говорит Никитин, оказавшийся для окружающих первым европейцем, которого они когда-либо видели,— яз хожу куды, ино за мною людей много, дивятся белому человеку» (13). Четверть века спустя в Кожикоде также дивились внешнему облику Васко да Гамы и его спутников.

Население Малабара — это преимущественно марахти. Их язык принадлежит к группе индоевропейских языков, на которых говорят в Северной Индии. Часть побережья населяли малайяли, язык которых относится к особой, южной, дравидской семье языков. Мусульмане составляли едва ли десятую часть населения государства Бахманидов, но они представляли высшую администрацию, командный состав армии, городскую верхушку. Персидский язык, на котором говорило большинство пришлого мусульманского населения, служил официальным языком; на нем, видимо, и объяснялся Никитин по прибытии в Индию.

Чаул, как и расположенный южнее Дабхол, был завоеван в период образования Бахманидского государства. Однако вскоре после походов Ала-ад-дина I (1347—1358 гг.) вновь оказался в руках конканских раджей, зависимых от Виджаянагара. Незадолго до появления Никитина город снова вошел в состав бахманидских владений. В Чауле находился правитель округа. Никитин называет его князем, не уточняя, был ли это представитель наместника или вассал Мухаммеда III.

О торговле Чаула, расположенного в шести днях пути от Дабхола — главного порта Бахманидского государства, Никитин ничего не рассказывает. Из других источников известно, что это был по преимуществу порт ввоза, но в отличие от Дабхола — местного значения. Из Камбея сюда поступали гуджаратские ткани, а из Кожикоде, кроме пряностей, изумруды, кокосовые орехи, тростниковый сахар.

Местная знать была одета необычно даже для человека, повидавшего страны Ближнего Востока. Через плечо несшита ткань, такая же ткань — вокруг пояса и ног (инд. «фота» или «дохоти»). «А князь их,— пишет Никитин о встречах в Чауле,— фота на голове, а другая на бедрах; а бояре у них ходят — фота на плече, а другая на бедрах, а княгини ходят — фота на плечем обогнута, а другая на бедрах» (13—14). Такие одежды в свое время дали основание Марко Поло, возвращавшемуся с Дальнего Востока вдоль берегов Индии, бросить фразу, ставшую крылатой: «Во всей стране Маабар никто не умеет кроить и шить...»¹. В сезон дождей одежда знати менялась. «А князи и бояря,— пишет Никитин по прибытии в город Джуннар,— тогда въздевають на себя порткы, да сорочицу, да кавтан, да фота по плечем, да, другою ся опояшетъ, а третьего фотою главу обернуть» (15). Знать была окружена вооруженной охраной. «А слуги княжия и боярьския — фота на бедрах обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицамИ [копья], а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами», — замечает Никитин, уделяя особое внимание предметам вооружения (35).

Таким предстал перед русским путешественником ма-лабарский порт Чаул летом 1471 г. Намеревался ли Никитин начать путешествие по Индии из этого города или из самого крупного порта государства — Дабхола?

Путешественник отмечает, что в Джуннар, куда он попал позднее, поступало много верховых коней, привозимых морем. Но какими сухопутными дорогами они попадали в Джуннар, он не рассказывает. А перегонять их могли как из одного, так и из другого порта. Тысячи коней, ввозимых ежегодно для армии Бахманидов, поступали главным образом на конские ярмарки столичного города Бидара и Аланда. От Дабхола до Бидара, как указывает Никитин, был месяц пути, от Чаула через Джуннар — два месяца.

Из записок не видно, торговые ли соображения побудили Никитина направиться к северу, в Джуннар, или он собирался в Дабхол, но был вынужден в силу каких-то обстоятельств высадиться раньше. В Джуннаре можно было выгоднее, чем на ярмарке, продать дорогого жеребца в конюшни местного хана. Но, возможно, угроза муссонных ливней заставила судно Никитина зайти в Чаул, как более близкий порт. От Малабарского побережья путь Афанасия Никитина лежал к городу Бидару, столице Бахманидского государства.

Первый этап путешествия — из Чаула в Джуннар. Шел Никитин через Пали и Умри. Восемь дней до Пали, десять дней до Умри и шесть или семь до Джуннара. Расстояния путешественник указывает, пользуясь местной мерой длины кос (у Никитина ков); она варьируется в разных областях Индии, поэтому путешественник поясняет, что считал «в кове по 10 верст» (25). Путь от Чаула до Джуннара, по Никитину, составил 20 ков.

«А ис Чювиля сухом пошли есмя до Пали 8 дни, и то индейские города,— читаем в летописном тексте «Хожения за три моря», — а от Пали до Умри 10 дни, и то есть город индейский. А от Умри до Чюнеря 7 дни» (35). Но вот мы открыли Троицкий список «Хожения» и видим совсем иную картину: «Из Чювиля пошли есмя сухом до Пали 8 дни, до индейския горы; а от Пали до Умри 10 дни, то есть город индейский, а от Умри до Чюнейря 6 дней» (14). Итак, горы или города, шесть или

семь дней? Последнее само по себе не так уже и важно, но все-таки любопытно, почему в двух списках разные цифры.

На картах путешествия местоположение Пали и Умри определено весьма различно. На карте Самойлова Пали — севернее Камбея, а Умри — северо-восточнее Бидара². Выходит, путешественник менее чем за месяц должен был пересечь всю центральную часть Индостана. Кроме того, составитель карты заставил Никитина отправиться в Пали не из Чаула, а вопреки тексту прямо из Камбея. На некоторых других картах к «Хожению за три моря» оба города расположены между Чаулом и Джуннаром. В первом случае на карту нанесены одноименные или созвучные по названию пункты, во втором — это сделано вообще по догадке. В действительности Пали находится не к северо-востоку, а на юго-восток от Чаула.

Переводчик «Хожения» на английский язык М. М. Виельгорский считал, что Умри — это Умрат, в 40 милях к юго-востоку от Сурата³. Однако едва ли Никитину, следовавшему в Джуннар, понадобилось забираться так далеко на север. Предполагали, что Умри, — местечко Умра несколько севернее Пали⁴. Но такое решение также вызвало сомнение, ведь Никитину, чтобы достичь Умри, понадобилось целых десять дней. Город Умри, в котором побывал Никитин, разыскал Н. И. Воробьев в атласе А. Ильи-Город расположен на р. Сина, к северо-востоку от Пали, по другую сторону Западных Гат, примерно на широте Чаула. Определение географического положения Пали и Умри позволяет установить, какая из редакций «Хожения» верно излагает первый этап путешествия по Декану. Пали расположено как раз у Западных Гат, и, следовательно, верен текст Троицкого списка, сообщающий об индийских горах.

Чем объяснить разночтения в описании начала путешествия по Индии? Летописец, не поняв данного места, поправил автора. Путешественник поясняет относительно Умри: «то есть город индейский». Вероятно, это и навело летописца на мысль о поправке. Никитину же пояснение понадобилось, чтобы читатель не принял индийское название за созвучное русское слово (умри — умереть). Разночтение в списках «Хожения» числа дней, которые потребовались путешественнику, чтобы добраться от Пали до Умри, объясняется проще. Буква древнерусского алфавита 8 (зело), имевшая числовое значение 6, и буква 3 (земля), соответствовавшая цифре 7, очень похожи по начертанию.

Почти месяц шел Никитин, ведя коня. Перевалил через гребни Западных Гат. «Дошел есми до Чюнера бог дал по здорову все», — пишет он и добавляет о коне: «...а стал ми во сто рублей» (36). Теперь вся надежда была за хорошую цену продать привезенного из-за моря княжеского по своим статьям коня.

В Джуннаре Никитин стал на подворье. «Во Индейской земли гости ся, — пишет он о купцах, — ставят по подворьем» (36). Дома для путников носили в Индии название патха-сала, т. е. приют странника, или дхарма-сала, дом благочестия. Строили их частные лица и власти. Мусульмане и индуисты помещались отдельно. На каком же подворье жил приезжий русский купец?

На индусском. Мусульманские странноприимные дворы предоставляли кров и пищу бесплатно, по крайней мере на три дня. Никитин пишет, что платил по шетелю, т. е. медную монету, в день. «А ести варят на гости господарыни, — пишет он, — и постелю стелят господарыни, и спят с гост-ми» (36). При мусульманских странноприимных домах прислуживали путникам и готовили для них пищу рабы и рабыни. В таких подворьях (завийя) Никитин мог останавливаться и раньше, живя в Персии. Комментаторов смущали «господарыни». Может быть, путешественник возвел в правило лично с ним случившееся происшествие? Сравнивали странноприимные дома Бахманидского султаната с подобными заведениями Виджаянагара. Обслуживающий персонал состоял там на службе у градоначальника, а доходы шли на содержание полиции и армии. Однако это отнюдь не проясняло термина «господарыни». Между тем разгадка — в многозначности слова, услышанного Никитиным: по-персидски «моулат» означает и «рабыня» и «госпожа».

В Джуннаре Афанасия Никитина задержал сезон дождей. «А зимовали есмя, — пишет он, — в Ченере, жили есмя два месяца; ежедень и ночь 4 месяца всяда вода да грязь» (36). Наверное, путешественник немало повидал майских гроз да осенних ливней на Руси, запечатленных в народных песнях:

«Подымалась туча грозная
Со громами, с моленьями,
Со частыми со дождями,
Со крупными со градами.
С теремов верхи посрывало,
С молодец шляпы посрывало...»⁵.

То, что довелось пережить Афанасию Никитину в Индии, разительно отличалось от всего виденного им ранее.

«В себя океаны устами дневного светила
Всосало брюхатое небо и ливни родило.
И небо, исхлестано молний златыми бичами, Раскатами грома на боль отвечает ночами...
Павлин кричит в лесу от страсти пьяный.

Окрашены рудой темно-багряной,
Уносят молодые воды рьяно
Цветы кадамбы желтой, сарджи пряной.
Воинственные тучи грозовые
Блистают, словно кручи снеговые,
Как стяги — их зарницы огневые,
Как рев слонов — раскаты громовые.
Не скачут по дорогам колесницы:
Того и жди — увязнешь по ступицы!»

Таким предстает время дождей в древнеиндийском сказании о Раме⁷. Подчеркивая контраст, Афанасий Никитин обозначает начало периода дождей весенне-летним праздником на Руси, но сам сезон называет зимним: «зима же у них стала с троицына дни» (36). Действительно, стихия тропических ливней резко отлична как от других времен года в тех же краях, так и от русского ненастья. Она превращает лето, на которое приходится, как бы в свою противоположность. Почему сами местные жители практически делают год на два сезона: сухой период и пора дождей.

Русские путешественники эпохи средневековья не раз отмечали климатические особенности в иных землях. «А зима в персидской земле невелика,— пишет Федот Котов.— И о великом заговеньи и после того великим постом станут снега перепадывать. Ночью падет, а днем стает,⁸ а на горах снег болши падет, а по полям нет, и того по благовещеньев день. А земля не мержет...»⁸. Более заметное различие отметил Трифон Корабейников, побывавший на Ближнем Востоке. «А дождь в Иерусалиме приходит с семени дня,— пишет он,— с сентября месяца и до рождества... а зимою и летом дождя нет»⁹. Как видим, времена года остаются тут на своих привычных местах. Однако в книгах, переписывавшихся на Руси во времена Афанасия Никитина, встречаем и сравнение сезона дождей с зимой. Во всяком случае его приводит византийский купец Козьма Индикоплов¹⁰. Возможно, это говорит о знакомстве Никитина с «Топографией» Козьмы, совершившего в VI в. плавание в Индию.

Рассказывает Афанасий Никитин и о необычных сроках сельскохозяйственных работ в Южной Индии. «В те же дни,— пишет он о сезоне дождей,— у них орют [пашут] да сеют пшеницу, да тутурган [тюрк, «рис»], да ногут [перс, «нухуд»-горох], да все съятное» (14). Как и Козьма Индикоплов, русский путешественник говорит о том значении, которое в индийском хозяйстве имели быки. «В их земле родятся волы да буйволы,— записал Никитин,— на тех же ездят и товар возят, все делают» (36).

Два месяца провел Никитин в Джуннаре, но его пребывание было внезапно прервано. В Джуннар из дальних походов вернулся губернатор Асад-хан, один из самых близких лиц к фактическому правителю государства, везиру Махмуду Гавану. Согласно индийской хронике Фе-риштэ, губернатор выступил во главе джуннарского ополчения осаждать крепости и приморские города по южной границе с империей Виджаянагар.

«И тут есть Асат хан Чюнерьския индейский, а холоп меликътучяров, а держить, сказывают, седьм темь от меликътучара»,— пишет Никитин (14). Он подчеркивает, что губернатор был подчинен Махмуду Гавану, носившему титул мелик-ат-гуджар (князь купцов). «Хан же,—отмечает Никитин, видевший, как тот восседал на носилках,— ездит на людях, а слонов у него и коний много добрых» (14). О том, что Асад-хану подчинено 70-тысячное войско («седьм темь»), путешественник говорит осторожно: «сказывают».

Хан вернулся к управлению Джуннаром, и тут произошла его встреча с Никитиным, едва не обернувшаяся трагедией для русского путешественника. «А в том Чюнере хан у меня взял жерепца,— рассказывает Афанасий Никитин,— а уведал, что яз не бессерменин, русин, и он молвит: „И жерепца дам да тысячу золотых дам, а стань в веру нашу, в Махмет дени; а не станешь в веру нашу, в Махмет дени, и жерепца возму и тысячу золотых на главе твоей возму“. И срок учинил 4 дни...» (15).

Значит, хан предложил Никитину на выбор — перейти в ислам и получить награду, либо лишиться коня, который для Никитина составлял целое состояние, и заплатить огромный штраф.

По датировке И. И. Срезневского встреча произошла в августе 1469 г. Как свидетельствует местная хроника, Асад-хан находился в это время за пределами Джуннара. Он был под крепостью Келна, далеко на юге¹¹. Исследователь этого не знал. И. П. Минаев, знакомый с хроникой Фериштэ, которая сообщает об участии в походе Асад-хана Джуннарского, настолько верил в датировку своего предшественника, что не заметил противоречия. На одной странице он пишет об участии Асад-хана в походе на Келну в 1469 г., а на другой — о встрече его в то же самое время с Никитиным в Джуннаре¹². В действительности встреча произошла двумя годами позднее, в августе 1471 г.

Исследователи по-разному понимали завязку конфликта. Решил хан отнять коня и обратить Никитина в ислам, узнав, что он купец-христианин, или Никитин привел к хану коня на продажу, и тогда выяснилось, что купец не мусульманин? По Минаеву, хан отнимает коня, считая что Никитин мусульманин («отняв коня, узнал»). В таком случае это факт произвола феодала по отношению к купцу но мусульманское купечество в государстве Бахманидов было силой, с которой считались власти. Текст «Хожения» не позволяет однозначно ответить на поставленный вопрос-трактовка - когда хан узнал, тогда и заговорил об обращении в ислам - основана на том, что слова «а уведал» являются началом следующей фразы.

Составитель новой редакции «Хожения за три моря» в XVII в. не только удалил упоминание

чуждого термина (арабско-тюркское Мухаммед-дини — вера Мухаммедова, ислам), но и дал свою трактовку: взял, так как узнал. Летописец не испытывал сомнений относительно побуждений хананехрися. «...Хан взял у меня жеребца,— передает список Ундольского,— понеже бо сведал, что яз русин, и он мне говорил...» (56). В любом случае в основе лежит именно решение обратиться к приезжему в ислам. С этой целью конь взят и оставлен в залог.

Мрачные мысли обуревали Никитина. Даже когда угроза была уже устранена, он написал: «Ино, братие русстии християня, кто хошет пойти в Индейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да воскликнув Махмета да пойти в Гундустанскую землю» (37). Судя по поведению и другим высказываниям, сам Никитин веры изменять не намеревался. Он искал выход.

Иногда пишут, что предшественник Никитина — венецианец Николо Конти — вынужден был в Индии перейти в ислам. Следует уточнить — Конти принял ислам на обратном пути из Индии, в Аравии, пытаясь пройти через запретную для немусульман Мекку. И Никитин пишет: «А на Мякьку пойти, ино стати в веру бесерменьскую, зань же христиане не ходят на Мякьку веры деля, что ста-вять в веру» (25). Морской путь из Индии в Мекку и Медину лежал через порт Аден. Еще Марко Поло рассказывал:

«Везут из этой пристани в Индию много красивых да дорогих арабских скакунов, и большая купцам прибыль от этого товара»¹⁵. Вот эту-то торговлю и не хотело выпускать из своих рук местное купечество, тесно связанное с мусульманскими властями.

Купцы-христиане селились на побережье Индии еще в раннем средневековье. О них писал Козьма Индикоплов. Конти упоминает об общинах армян-несториан. Но Никитин, по всей вероятности, был одним из первых, кто проник во внутренние области Декана, чем и обратил на себя внимание бахманидских властей. Джуннарский хан использовал и угрозу, и притягательность награды. Переход в ислам и золото хана сразу ставили Никитина в привилегированное положение. Но в его глазах предложение Асад-хана означало потерю веры или долговое рабство. В обоих случаях — невозможность вернуться на Родину.

Спас случай и настойчивость путешественника. В Джун-нар приехал, как пишет Никитин, «хозяйочи Махмет хо-росанец» (15). Никитин обратился к нему, «чтобы ся о мне печаловал». В начале пути, в Дербенте, Никитин прибегнул к помощи властей, чтобы спасти своих спутников. Он обратился к ширванскому послу, с которым они следовали от Нижнего Новгорода, «чтобы ся печаловал о людях, что их поймали под Тархы кайтаки». Посол обратился к правителю области, а правитель — к ширваншаху. Так Никитин добился вмешательства Фаррух Ясара и в результате — освобождение товарищей, взятых после кораблекрушения в плен. Но тогда, в Дербенте, рядом был посол Ивана III. А здесь Никитин один. Захочет ли правитель области менять объявленное им решение? «И он,— пишет Никитин о «хоросащце» в Джуннаре,— ездил к хану в город да мене отпросил, чтобы мя в веру не поставили, да и жеребца моего у него взял» (15).

Исход дела говорит, что не конь был объектом интереса губернатора. В противном случае он не выпустил бы его из рук — конфисковал или купил бы после решения отпустить купца-русина с миром. Приезжий христианин имел право торговать, не будучи подданным государства, в течение года и только тогда должен был покинуть страну или принять ислам. Никитин же находился на территории государства Бахманидов не более трех месяцев. Полагают, что путешественник мог быть привлечен к суду за то, что ездил верхом на коне, что было запрещено немусульманам. Судя по расстоянию и времени в пути, Никитин до Джун-нара передвигался пешком, и сомнительно, чтобы он не знал о запрете, живя среди мусульман. Причины конфликта остаются пока загадкой, как и личность спасителя Афанасия Никитина.

Кем мог быть ходжа Махмет, человек, чье заступничество повлияло на приговор губернатора? Полагают, что купец, возможно, знакомый Никитина по Персии (это мотивирует его заступничество). Хорасанцами в Индии называли мусульман, выходцев из Персии и других стран. Хорасанцем ходжей Юсуфом называет себя в Индии и Никитин. Но, может быть, речь идет о другом «хоросанце» — крупнейшем сановнике бахманидского султана Махмуде Гаване? Это хорошо мотивирует исход суда. «По просьбе Афанасия, — писал К. И. Кунин о Махмуде, — он съездил к своему подчиненному Асад-хану в крепость (Никитин называет Асад-хана «холопом» Махмуд Гавана), и наместник Джунайра оставил Афанасия Никитина в покое»¹⁶. В таком случае здесь, в Джуннаре, состоялось знакомство Никитина с везиром Махмудом Гаваном.

Городская крепость Джунна'ра находилась на высокой скале. «Чюнер же град, — пишет Никитин, — есть на острове на каменном... а ходят на гору день, по единому человеку, дорога тесна» (14). Надо полагать, если первый министр султана приехал к губернатору, то он и остановился в его резиденции. Никитин же говорит о заступившемся за него хорасанце, что тот ездил «к хану в город». Если Никитин обратился к Махмуду Гавану на обратном пути, то опять-таки незачем было ездить в город: губернатор был бы рядом с министром, сопровождая его при отъезде. Помимо странности ситуации, есть еще одно препятствие для такого отождествления личности хорасанца. Никитин называет его, как и пророка Мухаммеда, Махметом, что означает любимый богом, тогда как имя министра — Махмуд, что значит любящий бога. Никитин называет Махмуда Гавана и ходжей, и хорасанцем, но в сочетании с титулом мелик-ат-гуджар.

В записках Никитина есть еще одно место, где сообщается о намерении обратиться к мусульманству. «Бесер-менин же мелик, тот мя много понуди в веру бесермень-скую стати», — пишет путешественник и так передает эту беседу: «Аз же ему рекох: „Господине! Ты намаз кыларсен менда намаз киларьмен, ты бешь намаз киларьсизь-менда 3 каларемьмень мень гарип асень

иньчай"; он же ми рече: „Истину ты не бесерменин кажешься, а хрестьянства не знаешь"» (23). Как видим, свою речь Никитин передает по-тюркски: «Ты совершаешь молитву, и я также совершаю; ты пять молитв читаешь, я три молитвы читаю; я чужеземец, а ты здешний». Речь мелика передана по-русски. Когда же и с кем состоялась эта беседа о вере, в которой христианин взывал к веротерпимости, а мусульманин упрекал собеседника в несоблюдении обрядов христианства?

Одни комментаторы полагают, что это новая попытка обратить в ислам, другие — что этот спор затеял еще рап Асад-хан. Конечно, то, что запись включена в рассказ о пребывании в Бидаре, еще не означает, что беседа там и состоялась. Это мог быть все тот же случай в Джуннаре, который Никитин вспоминает, когда вновь сетует на тру ность сохранить свою веру в чужой стране, если бы не ряд противоречий. Во-первых, беседа могла быть только до крутого решения, а не после: ходжа Мехмет ездил к хану один; Никитин его не сопровождал и вышел из Джуннара в Бидар, по собственному свидетельству, на следующий день. Во-вторых, Асад-хан Джуннарский нигде не назван меликом. Различен и характер двух переданных в записках разговоров. В первом случае — приказ, во втором — спор о вере.

И. П. Минаев заметил по поводу исхода суда, что, дескать, легко отделался путешественник: видно, хан не был таким уж непримиримым мусульманином. Разговор, приведенный в записи о Бидаре, как бы подтверждает такое мнение. Однако сам исследователь, исходя из контекста, считал, что речь идет о другой попытке заставить Никитина принять ислам. В один из титулов Махмуда Гавана входит «мелик», и это как бы свидетельствует, что второй разговор, хотя и с другим лицом, мог иметь место в Джуннаре: везир, в прошлом сам бывший купцом, вместо угрозы пытался убедить иноземца... Но присутствие Махмуда Гавана в Джуннаре в августе 1471 г. (как и в августе 1469 г.) придется исключить: согласно хронике Фериштэ, везир принимал участие в военных действиях на южной границе.

Возможно, речь идет о Малике Хасане Бахри, носившем титул низам-уль-мульк, сопернике Махмуда Гавана. Никитин упоминает его в рассказе о Бидаре в связи с возвращением войск из Ориссы, которыми он командовал. При таком толковании слова «ты — здешний» означают, что мелик — деканец и, следовательно, принадлежит к той группе правящей верхушки, которую составляли индийцы, принявшие ислам. Брахман по происхождению, Малик Хасан в отличие от Махмуда Гавана, перса, выросшего в Гиляне, был сам из обращенных мусульман.

Ходжа Мехмет, как и Асад-хан, принадлежит к другой группе, в то время наиболее влиятельной, которую составляли мусульмане-чужеземцы. Среди них были и сановники, и купцы. Но если ходжа Мехмет был купцом, что, кроме недоказанного знакомства, могло побудить заступиться за потенциального конкурента? Возможно, ответ лежит не в Джуннаре, а на берегах Каспийского моря, откуда родом был Асад-хан. Хорасанец ходжа Мехмет мог представить хану, что такое обращение повредило бы персидским купцам, имевшим дело с русскими купцами на Волжском пути.

Как бы то ни было, Никитин с успехом использовал неожиданно сложившуюся ситуацию. И если ходжа Мехмет был купцом, то сила, которая изменила решение губернатора, была силой местного купеческого капитала.

Путешественник немедленно покинул Джуннар, хотя период дождей еще не кончился. Те, кто полагал, что он вышел, когда просохли дороги, не обратили внимания на продолжительность периода дождей и на то, что путешественник вышел сразу же, как только было объявлено окончательное решение хана. «Весну держать 3 месяца, — пишет Никитин, обобщая свои впечатления о климате Индии, — а лето 3 месяца, а зиму 3 месяца, а осень 3 месяца» (17). Но в первый год пребывания путешественника в стране сезон дождей затянулся: «Ежедень и ночь 4 месяца», — замечал Никитин. Что он имел в виду именно данный год, а не передавал услышанные им по приезде рассказы, говорят слова: «Весна же у них стала с Покрова...». Следовательно, смена времени года произошла в октябре, как обычно, а не в сентябре.

Следующий этап путешествия — посещение столицы и близлежащих городов. По описанию Никитина, он побывал за это время в четырех городах. На картах путешествия находим только три: Бидар, Аланд и бывшую столицу Гулбаргу; определение же местоположения Кулонгира вызывает споры. Расходятся комментаторы и относительно порядка пройденных городов. По одним авторам маршрут Никитина после выхода из Джуннара: Бидар — Кулон-гир — Гулбарга — Бидар; по другим: Кулонгир — Гулбарга — Бидар. В первом случае получается, что он сразу пришел в столицу, во втором — попал в нее после посещения близлежащих городов. Для решения вопроса сопоставим данные обеих редакций «Хождения».

«А ис Чюнера есмя вышли, — говорится в Троицком списке, — к Бедерю, к большому их граду. А шли есмя месяц» (15). Уточним: говоря «к большому их граду», Никитин имеет в виду столицу султана, главный, а не просто большой город, как в переводе Н. С. Чаева. Такой эпитет употреблен еще только раз по отношению к столице соседнего государства Виджаянагар. Крупные города везде названы «великими». «А от Бедеря до Кулонкеря 5 дней, — продолжает Никитин, — а от Кулонгеря до Кельборгу 5 дни». Путешественник и здесь указывает на пройденное расстояние. Сопоставление расстояния с временем пути дает представление о скорости передвижения путешественника на отдельных участках его маршрута. Так, от Чаула до Джуннара в горной местности расстояние в 20 ковов Никитин преодолевает за 24 дня. От Джуннара же до Бидара он за месяц проходит вдвое большее расстояние.

Сообщая порядок посещения после Джуннара городов и время в пути, Никитин называет сперва Бидар, а затем другие пункты. К тому же в летописи сказано прямо: «Шли есмь месяц до Бедеря» (37). Слова Никитина, сохранившиеся в Троицком списке: «придох же в Бедерь о загowejне о филипове ис Кулонигеря» — относятся к его возвращению в столицу. Они следуют за упоминанием близлежащих городов и описанием ярмарки в Аланде, от Бидара 12 ковов. До столицы Никитин добрался из Джуннара к октябрю, побывал на ярмарке в Аланде в середине того же месяца и вернулся в Бидар в ноябре (Филиппов пост начинался 15 ноября). Указание на время исключает различные толкования, поэтому мнение, что Никитин двигался из Джуннара через Кулонгир и Гулбаргу в обход Бидара, принять нельзя. Итак, второй этап путешествия по Декану: Бидар — Кулонгир — Гулбарга — Аланд — Кулонгир — Бидар.

Столичный город Бидар — «Великая Бедерь», как передает Никитин индийское название города Маха Бидар, — поразил путешественника многолюдием населения и роскошью двора Мухаммеда III (1463—1482 гг.). «А град есть велик, — пишет Никитин, — а людей много велми» (17). Путешественник увидел выезды султана, возвращение поиска и выступление их в новый поход. Долгое время живя здесь, он близко познакомился с жизнью города и различных слоев населения. Это дало ему возможность описать особенности быта и обычаев индийцев.

Основную массу городского населения составляли мелкие торговцы, ремесленники и другой трудовой люд. В городах были расквартированы военные гарнизоны. В городе была сосредоточена и почти вся феодальная знать, чиновники, мусульманское и индуистское духовенство, купцы, ростовщики — словом, вся социальная верхушка феодального общества. Потребности феодального города не могли быть удовлетворены за счет сельской округи и местного ремесленного производства, что служило стимулом для развития торговли — внутренней и внешней. Характерно, что среди прочих титулов первый министр получал титул мелик-ат-гуджар, т. е. «князь (или старшина) купцов».

В административно-налоговых и военных целях государство было разделено на области — тарафы. Территория государства во время пребывания там Никитина делилась на четыре области: Бидар, Даулатабад, Гулбарга и Берар. Во главе каждой области стоял назначаемый султаном наместник — тарафдар, совмещающий военную и гражданскую власть.

Бахманидский султанат охватывал самый центр Деканского полуострова. При Мухаммеде III султанат граничил на севере с Гуджаратом и Мальвой, с Ориссой на востоке, государством Виджаянагар на юге. На рубеже 60—70-х годов XV в. государство Бахманидов расширило свою территорию, включив княжества Малабарского берега до порта Гоа, и территорию Телинганы, с устьями рек Кистны и Годавери, достигнув таким образом берегов Бенгальского залива. Свидетелем этих событий был Афанасий Никитин. Бидар стал столицей в 1429 г. До этого главным городом султаната была Гулбарга. Город и крепость были обнесены мощными стенами. На протяжении 4 км крепостных стен, окружавших цитадель, были размещены 37 массивных бастионов, многие из которых как раз перед приходом Никитина были приспособлены для использования пушек. Семь ворот вели в цитадель. Между цитаделью и городом были расположены друг за другом еще трое ворот. Первые служили прикрытием для вторых. Вторые ворота носили название Шарза Дарваза, третьи ворота — Гумбад Дарва-за. Последние, наиболее мощные, с куполом напоминали архитектуру Дели.

«В султанов же двор 7-ры ворота, — говорит Никитин, — а в воротах сидят по 100 сторожев да по 100 писцев кофаров; кто поидеть, ини записывают, а кто выйдет, ини записывают; а гарипов не пускают в град» (17). Дворцовая стража состояла из мусульман, должности же писцов занимали индусы из высшей касты брахманов. Никитин, отмечая это, употребляет здесь термин «кофар» (от арабск. «кафир») — неверный. Позднее, после сближения с местным населением, Никитин называет индусов индейны. Чужеземцы (гарипы) во внутреннюю крепость свободного доступа не имели. По ночам с факелами город объезжала стража, подчинявшаяся начальнику гарнизона (перс, «ку- тувал»). «Город же Бедерь, — пишет Никитин, — стерегут в нощи тысяча человек куваловых, а ездять на конех да в доспесех, да у всех по светычю» (17).

Большое впечатление произвел на Никитина дворец султана. «А двор же его чуден велми, все на вырезе да на золоте, и последний камень вырезан да золотом описан велми чудно; да во дворе у него суды разный» (17). Богато орнаментированная резьба по камню, покрывавшая всю стену, как ковром, была характерна для индийской архитектуры того времени. Сосуды, которые видел Никитин в султанском дворце, — это черненые медные изделия с инкрустацией. По месту производства они стали известны на всем Востоке под названием «бидри».

В черте городских стен находилась высокая сторожевая башня. Другая достопримечательность города — знаменитая медресе Махмуда Гавана — при Никитине только начала строиться. Окончена мечеть, согласно надписи, в 877 г. хиджры, т. е. не позднее мая 1473 г. Дату же закладки здания мы узнаем из хронограммы, сохраненной местной хроникой¹⁵. 876 год, указанный ею, закончился в июне 1472 г. Следовательно, произошло это во время празднеств по возвращении Махмуда Гавана из похода на Гоа, свидетелем которых был Никитин.

Многодневные празднества по случаю успешного окончания этой войны подробно описаны в придворных хрониках. Никитин дополняет их интересными деталями. Мы узнаем об особо торжественной встрече, устроенной Махмуду Гавану. «И султан послал 10 взырев стретити его за десять ковов, а в кове по 10 верст, а со всяким возырем по 10 тысяч рати своей да по 10 слонов в доспесех» (25). Как известно, чем знатнее были встречающие, чем многочисленнее сопровождавшие их войска и чем дальше от города происходила встреча, тем почетнее она считалась. Кроме триумфальной встречи, Никитин описывает и торжественное шествие по городу.

Путешественник не раз видел пышные выезды султана и его двора, к их описанию он возвращается в нескольких местах своих записок, но этот выезд особо привлек его внимание. Сжато, несколькими штрихами очертил Никитин картину богатого и пестрого шествия по улицам Бидара. «На баграм на бесермень-ской выехал султан на теферичь, ино с ним 20 възырев великих, да триста слонов наряженных в булатных в доспесех, да с горотки, да и городкы окованы, да в гороткех по 6 человек в доспесех, да с пушками, да с пищальми; а на великом слоне 12 человек» (24).

Перед султаном шел слуга с зонтом чхатра — символом царской власти, за ним — отряд воинов и огромный слон, никого не подпускавший к султану. «Да перед ним, — пишет Афанасий Никитин о Мухаммеде III, — скачет кофар пешь да играет теремьем, да за ним пеших много, да за ним благой [злой] слон идет, а весь в камке наряжен, да обиваеть люди, да чепь у него велика железна во рте, да обиваеть кони и люди, чтобы кто на султана не наступил блиско» (24). Одежда Мухаммеда III усыпана рубинами, на головном уборе — огромный алмаз, сам султан в богатом вооружении. «Да на султани, — рассказывает Никитин, — ковтан весь сажен яхонты, да на шапке чичак ол-маз великы, да сагадак золот со яхонты, да 3 сабли на нем золотом окованы, да седло золото» (24). В процессии вели верховых коней в богатом убранстве, музыканты ехали на верблюдах и шли пешими, султана окружала свита, жены, танцовщицы. «Да коней простых (т. е. без всадников.— Л. С.) тысяча в снастех золотых, да верблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцев 300, да ковры 300» (24).

За султаном следовал его брат, на золоченых носилках, под бархатным балдахином с золотым навершием, украшенным драгоценными камнями. Носилки несли пешие слуги. «А брат султанов, — говорит Никитин, — тот сидит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитеи, да маковица золота со яхонты, да несут его 20 человек» (24).

Наконец, следовал первый министр, завоеватель княжеств Конкана и Гоа. Как и брат султана, Махмуд Гаван восседал на золоченых носилках, только балдахин над ним был шелковый. Везли его четыре коня. «А махтум, — пишет Никитин, — сидит на кровати на золотой, да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех, в снастех золотых...» И снова вели боевых коней, всюду были певцы и плясуны, а вокруг шла стража. «Да около людей его много множество, — продолжает Никитин, — да пред ним певцы, да плясцев много, да все с голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да сулицами, да с копия, да с луки с прямыми с великими, да кони все в доспесех, да сагадакы на них» (24).

Вправе ли мы утверждать, что в этой праздничной процессии участвовал Махмуд Гаван и перед нами описание его триумфа после взятия Гоа? Комментаторы во мнениях расходятся.

Дело в том, что в летописном тексте читается имя «Махмут», а в Троицкой редакции «Хожения за три моря» написано «махтум», что означает «господин», «государь». В таком случае, не идет ли речь о бахманидском султани Мухаммеде III? Подобную трактовку перевода (84) отражает и одна из иллюстраций к изданию «Хожения»¹⁶. Во главе процессии мы видим молодого султана со скрещенными ногами, в парадных носилках, в которых по четырем углам впряжены четыре коня, за ним теснятся слоны и кони, на которых восседают везиры ... Однако сопоставление с текстом показывает, что Мухаммед III должен был бы одновременно находиться и во главе и в конце процессии: в одном обличий он расположился на носилках, в другом — под ним «седло золото».

В легендах о Кришне этот пастуший бог обладает волшебным даром — силой иллюзии создавать «дубли». Созданные Кришной двойники его друзей-пастухов, которые оказались замурованными в пещере, спокойно возвращаются вместе со стадом в деревню, и никто не замечает подмены. В другом сказании он множит свое собственное воплощение, так что каждая из его подружек-пастушек, ведя хоровод в ночь полнолуния, танцует с самим Кришной. Однако Никитин рассказывает не легенды о Кришне, а то, что видел собственными глазами. Так что в данном случае невозможно отождествление «махтума» с султаном Мухаммедом III.

Откуда же в таком случае появление в Троицком списке «Хожения» титула махдум? Случайная перестановка букв переписчиком? Нет, оказывается, текст искажен в летописной, а не Троицкой редакции. Хроника Али Таба Табаи, не привлекавшаяся комментаторами «Хожения», сообщает, что среди прочих наград в связи со взятием Гоа Махмуд Гаван получил еще один почетный титул, а именно титул махдум". Значит, это переписчик летописи переставил буквы, чтобы получить имя, ему знакомое.

Установив личность махдума, попробуем определить время события, пользуясь календарными данными Никитина. Важность результата нетрудно оценить. Если это удастся, мы получим уникальную возможность узнать — и при том независимо от других источников — по крайней мере одну абсолютную дату, содержащуюся в записках путешественника. Кроме того, мы сможем проверить даты индийских хроник, которые расходятся между собой при описании событий, свидетелем которых стал Афанасий Никитин.

При описании пребывания в Индии Никитин не раз упоминает один из главных праздников ислама — курбан байрам, точное число дней до или после этого праздника. Путешественник называет его также по-тюркски «улуг байрам», т. е. большой праздник, в отличие от малого байрама, следующего за постом, приходившимся на девятый месяц лунной хиджры. Живя среди мусульман, Никитин не имел затруднений в определении срока праздника. Однако указания путешественника противоречивы. Курбан байрам, свидетелем которого он стал в столице Бидар, начался «в среду месяца маа» (22—23). Войска же Махмуда Гавана, согласно Никитину, пришли в Бидар на курбан байрам, «а по-русскому на петров день» (25). Петров день — праздник непереходящий — отмечался 29 июня.

Давая при издании в 1853 г. Троицкого списка «Хожения» перевод текста на восточных языках, А. К. Казембек заметил, что байрам приходится на последний день последнего месяца мусульманского календаря. «По словам нашего путешественника, — писал исследователь, — этот праздник состоялся 29 июня»¹⁸. Но ни профессор Казембек, ни другой востоковед академик Х. Д. Френ, комментировавший текст записок Никитина, содержащийся в Софийской II летописи, не связывали с датой этого переходящего мусульманского праздника определение года путешествия. По датировке И. И. Срезневского, шел 1470 год. Повторив справку Казембека о сроке курбан байрама, И. П. Минаев отнес свидетельство Никитина к следующему году. Войска Махмуда Гавана, по Минаеву, вернулись из Гоа в июне 1471 г.

Позвольте, скажет читатель, это невозможно! Любая дата, отмечаемая по лунному календарю арабской хиджры, не может два раза подряд приходиться на один и тот же день. Лунный год короче солнечного, и даты лунной хиджры из года в год попадают на другие числа и месяцы европейского календаря. Если курбан байрам состоялся 29 июня, то это могло быть только в определенном году.

В пределах 1470 г. последний месяц мусульманского года, месяц зу-ль-хиджжа, приходится на 874 г. хиджры¹⁹. Данный год лунной хиджры не високосный, следовательно, в последнем месяце 29, как обычно, а не 30 дней. Последней день этого года приходится на 29 июня. Значит, все-таки июнь, а не май? Между тем Никитин явно придавал особое значение этой дате, написал, что был май, описал положение трех созвездий, которые он наблюдал в это время, отметил, что луна стояла полная три дня. Это единственный случай в записках Никитина. Кто же прав?

А. К. Казембек ошибся. Курбан байрам празднуется четыре дня, начиная с десятого числа месяца зу-ль-хиджжа. Кроме того, исследователь не вычислял срок праздника, а просто ссылку Никитина («петров день») перевел на дату по юлианскому календарю. Поэтому и написал, что, «по словам нашего путешественника», было 29 июня, а то, что Никитин указывает, что встретил курбан байрам в мае, вообще не привлекло внимания.

Выше говорилось об условности у Никитина сопоставления мусульманских праздников с церковными праздниками Руси. Это относится и к переходящим датам, связанным с пасхой, и к непереходящим, таким, как покров или петров день. «По приметам гадаю», говорит путешественник о сроке пасхи, рассчитывая, что он бывает ранее «бе-серьменьского багрима за 9-ть день ли за 10 дни. А со мною нет ничево, никакая книги, а книги есмя взяли с собою с Руси; ино коли мя пограбили, ини их взяли, и яз позабыл веры хрестьяньския всея и праздников хрести-аньских ... не ведаю» (20). А ведь праздники ислама, отмечаемые в странах, где путешественник провел столько лет, подвижны в большей степени, чем пасха: они «обходят» весь год.

Указать правильное соотношение переходящих праздников мусульманского и православного календарей путешественник мог, только зная действительные сроки наступления их в данном году.

В 1470 г., когда Никитин, по Срезневскому, должен был быть в Бидаре, курбан байрам приходился на 10—13 июня, а в следующем, когда путешественнику надлежало находиться в Гулбарге, на 30 мая — 2 июня. Указание на петров день как будто подходит к 1470 г., но противоречит указанию на «среду месяца мая», а также данным индийских хроник о походе на Келну и Гоа: война еще только началась.

Если Никитин отметил месяц и день недели первого дня курбан байрама, то можно определить год, поскольку праздник отмечают по лунной хиджре. Но такая интерпретация свидетельства путешественника противоречит как календарным данным, так и точному смыслу текста. 10 июня 1470 г. было воскресенье, 30 мая 1471 г. — четверг. В 1469 г. курбан байрам начался в среду, но тогда был июнь, и в этом году Никитин еще не мог быть в Бидаре. При датировке И. И. Срезневского он должен был там в 1470 г., но и тогда праздник приходился на июнь. А если Никитин прибыл в Индию не в тот год, который считали, и разница больше, чем один год? Вычислим, когда будет следующий курбан байрам. 19 мая, во вторник, а в 1473 г. — 8 мая, в субботу. Повторение такого сочетания, чтобы начало данного праздника приходилось на среду в мае, возможно лишь на большом временном отрезке. Предшествующая дата — 18 мая 1407 г.; на протяжении следующих 100 лет праздник несколько раз приходится на май, но ни разу на среду в мае.

Путешественник употребляет названия различных дней недели, а также слово «среда» как день поста. Но в данном случае он имел в виду не середину недели, считая с воскресенья, а середину месяца. Перевод Н. С. Чаева говорит о среде как дне недели (82). Перевод сделан с Троицкого списка «Хожения», и связанная с ним редакция XVII в. как бы подтверждает правильность перевода, поскольку там не только опущено признание о том, что путешественник встретил пасху не в положенный срок, но и в разбираемой фразе месяц опущен, и просто сказано «в среду» (62).

Между тем летописный текст «Хожения за три моря» более полно и точно передает это место: «Месяца маиа 1 день велик день взял есми в Бедере в бесерменском в Гундустане; а бесермена баграм взяли в среду месяца; а заговел есми месяца априля 1 день» (43). Приведенные выше расчеты показывают, что истолкование выражения «в среду месяца маа» как в среду в мае не может быть принято.

В таком случае отмеченный Никитиным день байрама приходится на 19 мая 1472 г. Несмотря на отсутствие числа и дня недели, дата отвечает признакам, зафиксированным путешественником. Следовательно, Никитин выехал из Твери в 1468 г. и в Индии находился в 1471—1474 гг. Согласуется ли это с летописной статьей и событиями, отразившимися в описании путешествия?

Летописная статья, как оказалось, допускает различные толкования относительно того, когда посольство Ивана III выехало из Москвы в Шемаху. Датировка «за год», конечно,

приблизительная, но в любом случае не противоречит тому, что Василий Папин отправился в Закавказье не в 1466 г., а в 1468 г., однако не позднее, так как в походе, состоявшемся через год после возвращения, был убит.

Высказывалась догадка, что рукопись Никитина сперва была привезена в Тверь, а затем сторонники Ивана III переслали ее с оказией в Москву²⁰. Это могло бы объяснить двухлетний перерыв между обнаружением рукописи летописцем в Москве и предполагаемой датой смерти путешественника. Можно было бы предположить также, что по прибытии в Кафу Никитин был задержан, поскольку генуэзские власти в связи с ложным обвинением конфисковали товары русских купцов. Необходимость в догадках отпадает, если Никитин приехал в Кафу осенью 1474 г., а в 1475 г. рукопись или ее копия была уже в руках московского летописца.

Записки Афанасия Никитина уже Карамзиным были признаны как редкий и ценный источник по истории Индии, и интерес к ним растет. Они прочно вошли в советскую и индийскую историографию. Свидетельства русского путешественника использованы как в истории государства Бахманидов, так и в истории Гоа и государства Виджаянагар.

Однако точно установить время пребывания Никитина в Индии не удалось, и в зарубежной историографии существуют различные на этот счет датировки.

В хронологии по истории Индии Д. С. Триведа годом приезда Никитина в Бидар считал 1392-й по индийскому календарю Шака, т. е. 1470 г. П. М. Кемп указывает 1469 г., т. е. датировку И. И. Срезневского. К. А. Нилаканта Шаст-ри пребывание Никитина в Индии относит к 1470—1474 гг.²¹ Между тем русский путешественник провел в стране лишь около трех лет. Английский исследователь средневековой истории Декана, знакомый с хроникой Фе-риштэ и записками Афанасия Никитина, признал задачу установить время приезда последнего в Индию крайне трудной и едва ли разрешимой. Русский путешественник, писал он, побывал в стране где-то в период между 1468 и 1474 гг.²²

В Индии Никитин стал очевидцем столкновения двух крупнейших в то время держав субконтинента. Находясь на территории одного из них — государства Бахманидов, — путешественник описывает несколько войн, которые вели войска Мухаммеда III, одного из последних представителей династии. Эти события описал Мухаммед Касим Фе-риштэ, индо-мусульманский историк, живший на рубеже XVI—XVII вв. в Биджапуре и писавший на персидском языке. История Фериштэ основана на придворных хрониках, составленных его предшественниками — современниками описываемых событий. Один из них — мулла Абдул Керим Синдхи, состоявший на службе Махмуда Гавана, фактического правителя государства в конце 50-х — начале 80-х годов XV в. Фериштэ датирует события по годам хиджры, а также приводит традиционную местную датировку относительно сезона дождей. Никитин называет мусульманские праздники. Так что при всем разнообразии приводимые в обоих источниках указания позволяют датировать исторические события на уровне лет и времени года, а иногда — месяцев и дней.

По рассказу Фериштэ, в конце 1460-х — начале 1470-х годов две войны были направлены против державы Виджаянагар и две — против другого индусского государства — Ориссы. Первая война была завершена в 1469—1472 гг. завоеванием приморской области Келны и Гоа, находившейся в зависимости от махараджи Виджаянагара. Никитин пишет, что осада одной крепости (речь идет о Келне) продолжалась два года и войска торжественно вернулись в столицу на курбан байрам. Войсками командовал везир ходжа Махмуд Гаван. Называя его боярином, путешественник пишет, что ведет он войны с индусами «20 лет есть, то его побьють, то он побивает их многожды» (14, 17), и замечает, имея в виду Сангамешвар и Гоа: «... два города взял индейския, что розбивали по морю Индейскому» (25).

Сличая записки Никитина и хронику Фериштэ, И. П. Минаев натолкнулся на явное расхождение в датах. Для И. И. Срезневского, незнакомого с хроникой Фериштэ, проблемы не существовало, его датировка была «автономна» от истории Индии. И. П. Минаеву же предстояло «увязать» оба источника. Прочтя в хронике, что Махмуд Гана и вернулся в столицу после трехлетнего отсутствия, исследователь рассчитал, что война, начатая в 1469 г., должна была окончиться в 1472 г. Так как, по Срезневскому, Никитин уже в начале этого года покинул Индию, то первое возникшее противоречие было разрешено следующим образом.

И. П. Минаев не сомневался, что русский путешественник был свидетелем всех описываемых им событий. Если прав Никитин, рассуждал исследователь, то неправ Фе-риштэ. Выходило, что война продолжалась не три, а два года, или три, но начата была на год раньше, чем отметил придворный хронист. Поэтому И. П. Минаев высказался за то, чтобы временем взятия Гоа и возвращения войск считать июнь 1471 г. Высказывалось и противоположное мнение: путешественник не мог иметь в виду взятие Гоа, расположенного южнее Дабхола, поскольку это произошло после того, как он покинул Индию²³, и свидетельство тому его собственные слова: «Дабыль же есть пристанище в Гундустани последнее бесерменьству» (20). Как же было на самом деле? Во-первых, следуя логике И. П. Минаева, датировать возвращение войск в Бидар необходимо 1470 г., так как, если там находился Никитин, это должно было состояться через год после его приезда в Индию, а не в 1471 г., когда он должен был быть уже в Гулбарге. Поглощенный опровержением хроники Фериштэ, И. П. Минаев перестал следить за тем, где находился Никитин. Во-вторых, слова Никитина о Дабхале не дают основания утверждать, что в то время, когда путешественник был в Индии, Гоа еще не был присоединен. В перечне портов западного побережья Индии им описаны наиболее значительные: Камбей в Гуджарате, Дабхол у Бахманидов, Ко-жикод у владетеля Виджаянагара, которые он

характеризует как порты «Индийскому морю всему». О Чауле как порте Никитин не рассказывает, хотя отсюда началось его путешествие в глубь страны. Порт Диу, не шедший тогда в сравнение с Камбеем, Никитин не называет, упоминая лишь область Гуджарат как первую на индийской земле, которую он посетил.

Присоединение Гоа хроника Фериштэ датирует 876 г. хиджры (1471—1472 гг.) после сезона дождей, после чего Махмуд Гаван занимался укреплением Гоа. По переписке Махмуда Гавана мы можем уточнить дату события: город был взят в феврале 1472 г.²⁴ Так что триумф Махмуда Га-вапа, который описали Фериштэ и Никитин, происходил на глазах последнего.

Сопоставимые данные хроники Фериштэ и записок Никитина о войнах на Декане можно представить в следующем виде²⁵:

	Фериштэ	Никитин	
875 г. х.	Сдача Келны мелик-ат-туджжару Махмуду Гавану (после сезона дождей)	«Меликтучар два города взял индейския, что розбивали по морю Инджейскому...»	1470/71 г.
876 г. х.	Взятие Гоа (после сезона дождей)		1471/72 .
	Триумф Махмуда Гавана при возвращении в Бидар	«Меликтучар пришел с ратию своею к Бедерю на курбант багрям...»	1472 г. 19 мая
876- 877 г. х.	Войсками низам-уль-мулька Малика Хасана, Абдуллы Адиль- хана и Фатхуллы Дарья-хана взяты Кондапалли, Раджамандри, Варангал	«Мызамльык да Мек-хан да Фаратхан . . . взяли 3 города вели-кьи, а с ними . . . камени всякого дорогого много множество»	1471 г. – 1472 гг, не позднее августа
877 г. х.	Выступление войск из Видара	«Меликтучар выехал воевати индеян . . . на память шиха Ила-дина»	1472 г., октябрь
877 г. х.	Взятие Белгаона (2 тыс. убитых при штурме)	«Град же взял . . . силою а рати его изгыбло 5 тысяч»	1473 г., не позднее мая

Фрагмент записок Никитина о взятии трех крупных городов И. П. Минаев был склонен отнести к войне за Келну и Гоа. Между тем завоевание трех важных крепостей — Раджамандри, Кондапалли, Варангал — произошло во время военных действий в Телингане в 1471—1472 гг. Овладев устьями рек Годавари и Кистны, государство Бахманидов вышло к восточному берегу Деканского полуострова, заняв территорию от моря до моря. В этой войне Махмуд Гаван не участвовал, поручив начальство Мелику Хасану. Его-то вместе с двумя другими полководцами и называет Никитин, сообщая о трех завоеванных городах. Как и Фериштэ, Никитин рассказывает об огромных богатствах, особенно драгоценных камнях, вывезенных победителями. И. П. Минаев же считал, что об этих событиях Никитин ничего не говорит.

Есть ли, однако, в записках Никитина подтверждение тому, что он находился в Бидаре в 1472 г., а не двумя годами раньше, кроме свидетельства о курбан байраме в середине мая? Да, есть. Такое подтверждение находим в описании путешественником еще одной войны на Декане. Ибо Никитин мог знать о событиях, предшествовавших его приезду, но не мог рассказать о том, чего еще не произошло.

«Меликтучар, — описывает Никитин начало нового похода, — выехал воевати индеян с ратию своею из града Бедеря на память шиха Иладина ... а рати с ним вышло 50 тысячи; а султан послал рати своей 50 тысяч да 3 с ним возыри пошли, а с ними 30 тысяч да 100 слонов о ними пошло 3 городки да в доспесех, а на всяком слоне по 4 человеки с пищалми. Меликтучар пошел воевати Чюнедара великое княжение Индейское» (26). Итак, бах-манидское войско выступило на завоевание соседней империи Виджаянагар. Начальствовал над войском Махмуд Гаван. Праздник памяти шейха Алладина, как свидетельствует Никитин, отмечали в середине октября. О неприятельском войске сказано: «А у Бинедарьскаго князя 300 слонов да сто тысяч рати своей, а коней 50 тысяч у него» (26). Из этого противопоставления видно численное превосходство войска Виджаянагара — 150 тысяч воинов и 300 боевых слонов против 100 слонов и 130 тысяч воинов. Произошло ли между ними столкновение, из записок Никитина не сразу ясно. И только рассказ об итогах войны позволяет представить полную картину.

«А индейской же султан кадам, — пишет Никитин о махарадже Виджаянагара Вирупакше II, последнем из династии Сангам, — велми силен, и рати у него много, а сидит в горе в Биченегире» (27). О войске Вирупакши II путешественник уже рассказал, теперь следует описание крепости. «А град же его велми велик, около его три ровы, да сквозе его река течеть; а со одну стороны женьгель злой [джунгли], и з другую сторону пришел дол, чюдна места велми и угодна на все...» (27). Город Виджаянагар лежал на холмах, разделенных рекой Тунгабахдра. Общая протяженность городских укреплений простиралась с запада на восток примерно на 10 км. По описанию Абдар-раззака Самарканди, Виджаянагар — «город побед» — был окружен семью крепостными стенами. За первой стеной располагались предместья с садами и возделанными полями. Линии стен разделяли торговые и ремесленные кварталы, крытые базары, дворец градоначальника. В середине города находилась

цитадель с царским дворцом, защищенная последней стеной. Эта часть города имела в ширину 2, в длину 3,5 км. На подступах к городу, перед внешней стеной, были врыты огромные, в рост человека, камни. Таков был город, который мусульмане называли Биджа-нагар.

«На одну же сторону прийти некуда, — описывает Никитин положение осаждавших, — сквозе град дорога, а града взяти некуда, пришла гора велика да деберь зла...», т. е. те самые густые заросли джунглей, о которых путешественник уже упоминал. «Под городом же стояла рать месяц, — продолжает Никитин, — и люди померли с без-^{*}водия да голов много велми изгыбло с голоду да с безво-доцы; а на воду смотреть, а взять некуда» (27—28). Значит, войско, опустошив окрестности, не смогло пробиться к реке, протекавшей через город. «...А большего града не взял», — заканчивает Никитин рассказ об осаде Виджаянагара войсками, которые привел Махмуд Гаван.

Оценивая итоги действий бахманидской армии, Никитин писал: «И война ся им не удала, один город взяли индейской, а людей много изгыбло, и казны много истеря-ли» (27). Какой же город имел в виду Никитин? На этот вопрос позволяют ответить индийские хроники. Это крепость Белгаон, раджа который был в зависимости от Виджаянагара. Главным героем осады и штурма Белгаона придворные хроники сделали юного султана. Рассказ русского путешественника подчеркивает роль Махмуда Гавана, командовавшего войсками. «Град же взял индей-скы, — пишет Никитин, — меликъчан ходя, а взял его силою, день и ночь бил ся с городом 20 дни, рать ни пила, ни яла, под городом стояла с пушками, а рати изгыбло 5 тысяч люду доброго» (28). Рассказывает Никитин и о военной добыче, и о расправе, учиненной над мирным населением войском Махмуда Гавана. «И город взял, ины высекли 20 тысяч поголовия мужескаго и женьскаго, а 20 тысяч полону взял и великого, и малого, а продавали полону голову по 10 тенек, а иную по 5 тенек, а робята по 2 тенки, а казны же не было ничево ...»

Переходя к описанию этого похода на южного соседа, Минаев отметил, что Афанасий Никитин стал очевидцем одного из важнейших событий в истории государства Бах-манидов и занес правдивые известия об этом в свои записки. Похода на Виджаянагар, о котором пишет Никитин, нет в хронике Фериштэ. Это дало основание И. П. Минаеву утверждать, и вполне справедливо, что записки Никитина более полно передают события войны. Однако ученый по-своему объясняет противоречие менаду биджа-пурской хроникой и записками русского очевидца. Описание безводицы, данное Никитиным, по мнению исследователя, напоминает описание Фериштэ, но последний говорит только о городе Белгаон, да и засуха, о которой он пишет, наступила позже, после окончания войны. В то же время описание Никитиным новой войны, как резонно заметил И. П. Минаев, нельзя отнести к действиям на границе Ориссы. Путешественник называет другого царя, против которого двинулось войско, а также другое направление движения войск. По Срезневскому, осаждавшие столицу не овладели лишь «главной крепостью», т. е. цитаделью, где находился махараджа. И. П. Минаев же решил, что знаменитая индусская столица, несмотря на умолчание об этом хроники Фериштэ, была на этот раз взята. Исследователь, однако, проявил невнимание к тексту источника, на который он опирался. По рассказу Никитина, войска Махмуда Гавана взяли город, т. е. Белгаон, после месячной осады и штурма, но столицы — «болшаго града» — не взяли. Мы видели, что такое выражение употреблено Никитиным еще только по отношению к Бидару как столице: «вышли ... к Бедерю, к большому (главному). — Л. С.) их граду».

Действительно, Фериштэ повествует об осаде и штурме Белгаона, раджа которого по воле владетеля Виджаянагара решил отвоевать Гоа, о том, как порохомыми взрывами были пробиты три бреши, как раджа Белгаона сдался в плен, явившись в лагерь к шаху под видом гонца и т. д. О походе на столицу государства Виджаянагар хроника молчит. Если бы поход был успешным, как полагал И. П. Минаев, хронист вряд ли бы не сообщил об этом; умолчание понятно, если поход закончился неудачей.

Высоко оценив труд И. И. Срезневского, И. П. Минаев указал на ряд ошибок исследователя в том, что касается Индии, но, приняв его датировку, оспорил хроника Фериштэ. Между тем при правильной датировке путешествия Никитина исчезают и другие противоречия, которые связаны с определением времени пребывания путешественника в Индии. Отмечая противоречие между известиями о времени взятия Гоа, И. П. Минаев писал, что их трудно примирить за неимением других современных данных. Оказывается, такие данные скрывались в самих записках путешественника.

Подтверждение свидетельств русского очевидца в той части, где его рассказ расходится с Фериштэ, находим в хронике «Бурхан-и маасир», опубликованной после смерти И. П. Минаева. Ее автор — Али ибн Азизулла Таба Табаи, современник Фериштэ. Так же, как и Никитин, он называет цель последнего похода, сообщая о совете у шаха, на котором Махмуд Гаван объявил, что присоединит не только Белгаон, но и все государство Виджаянагар²⁶.

Еще один хронологический признак скрывается за сообщением Никитина о непомерной дороговизне жизни, которое содержится в самом конце рассказа Никитина о пребывании в султанате Бахманидов. Не одна война была тому причиной. Вместо сезона дождей в 1473 г. пришла засуха. Страшный голод, известный под названием «бид-жапурского», на два года поразил центральные районы Декана.

Таким образом, записки Никитина дополняют и уточняют индийские источники, а хроники Индии подтверждают свидетельства русского путешественника о событиях во время пребывания в стране в 1471—1474 гг.

Почти не прекращающаяся изнурительная война принесла неисчислимые бедствия народам

Южной Индии, свидетельства чему мы находим и в записках Никитина. Феодалные убоицы привели вскоре к распаду государства Бахманидов на отдельные владения, и враждующие державы не смогли оказать сопротивления европейским колонизаторам, путь которым открыл Васко да Гама. Так что русский путешественник застал расцвет и начало заката Деканской империи.

Таково было положение в стране, когда Афанасий Никитин предпринял свое последнее путешествие по Индии. Время, на которое оно приходится, и, за немногими исключениями, маршрут мы можем определить довольно точно.

Столицу Бахманидов русский путешественник покинул в апреле 1473 г. По его собственным словам, он вышел из Бидара «за месяц до улу баграма бесерменьского» (27). Если раньше по дате этого переходящего праздника мы установили год, то теперь можно проделать обратную операцию: зная год, назвать дату «большого байрама», за месяц до которого Афанасий Никитин направился в Гулбаргу. В 1473 г. он падает на 8—11 мая.

Самый праздник русский путешественник провел в Гулбарге, отметив, явно не в срок, пасху. Здесь он окончательно принял решение о сроках своего возвращения на Родину: «в пятый же велик день взмыслих ся на Русь» (48). Две недели спустя после курбан байрама, т. е. в конце мая, город встречал войска Мухаммеда III, возвращавшиеся из-под Белгаона. «Султан пришел да меликътучар с ратию своею 15 (день. — Л. С.) по уле багряме, а в Кел-бергу», — пишет Никитин (27, 28). Здесь путешественник узнал истинные подробности о военных действиях и их исходе: война, объявленная победоносной, оказалась неудачной.

Гулбарга (на языке маратхи «Кульбарга»), где Афанасий Никитин провел около двух месяцев, была первой столицей Бахманидского султаната. Его укрепления с хо-рошо сохранившимися стенами были окружены широким рвом. Одной из наиболее значительных ранних построек города является мечеть, построенная в 1366—1367 гг. в стиле, неизвестном в других местах Индии. Среди других памятников выделяется гробница Феруз-шаха (1420 г.) с двумя примыкающими куполами. Это одно из последних сооружений до перенесения столицы в Бидар.

Последний период пребывания русского путешественника в стране (около семи месяцев) совпадает со временем от начала войны до получения известий о ее результатах. Поэтому И. П. Минаев, связанный датировкой И. И. Срезневского, предположил, что А. Никитин вышел из Бидара вместе с войсками Махмуда Гавана, и дальнейшие события развивались параллельно. О цели похода, полагают ученые, Никитин узнал, не выезжая из столицы, о результатах же услышал в дороге. Но предположение это основано на ложной посылке. Путешественник сам рассказывает, что войска Махмуда Гавана выступили осенью. Вслед за тем, в начале следующего года, из города двинулся с главными силами султан. Никитин же покинул Бидар весной, примерно семь месяцев спустя после начала войны. Таким образом, чтобы избежать противоречия, Минаев отодвинул на целый год назад начало войны, а события следующего года ограничил шестью месяцами с небольшим, иначе ему пришлось бы превратить путешественника в Кассандру. В действительности, противоречия нет по той причине, что Никитин покинул Индию позже, чем считалось.

Рассказ Никитина о жизни в Бидаре и Гулбарге позволяет устранить еще одно расхождение между местными хрониками. При возвращении из похода на Белгаон умерла сопровождавшая султана мать, знаменитая Мах-дума Джехан, ставшая регентшей после смерти своего мужа Хумайюн-шаха (1461 г.). Султанша благоволила визиру Махмуду Гавану, помогла ему избавиться от соперника и сосредоточить фактическое управление государством в своих руках. В отличие от Ферихтэ хроника Таба Табаи говорит о более ранней смерти регентши, около 1470 г. Между тем, Никитин видел ее не раз в 1471—1472 гг. во время различных торжеств. «Султан выежжаеть на потеху, — рассказывает Никитин, — в четверг да во вторник, да три с ним возыры выежжають; а брат выежжаеть султанов в понедельник, с матерью да с сестрою; а жоньк 2 тысячи выежжаеть на конех да кроватех на золотых, да коней перед нею простых сто в снастех золотых, да пеших с нею много велми, да два возыря, да 10 възыреней, да 50 слонов ...» (26).

Поскольку в Гулбарге Никитин в последний раз видел Мухаммеда III и происходило это в 1473 г., то путешественник правильно пишет, что султану 20 лет (18). При датировке И. И. Срезневского выходило, что Никитин явно ошибался.

Теперь, когда война окончилась, Афанасий Никитин смог отправиться в междуречье р. Кистны и ее правого притока Тунгабхадры, в пограничную область Райчур. За алмазные копи этого дуаба (араб, «две воды») не раз велись кровопролитные войны с государством Виджаянагар. Здесь путешественник провел почти полгода. Он называет город Каллур, в котором жил, но вполне вероятно, что побывал он и в Райчуру, городе, носящем то же имя, что и сама область. В Каллуре он знакомится с работой ал-изников. После этого Афанасий Никитин возвращается в Гулбаргу, второй раз посещает Аланд и двигается в сторону западного побережья, к порту Дабхол. «И тут же бых, — пишет Никитин о Каллуре, — пять месяц, а оттуду же поидох Калики, ту же базар велми велик; а оттуду поидох Конаберга; а от Канаберга поидох к шиху Аладину, а от шиха Аладина поидох ко Амендрие; и от и Камендрия к Нарясу; и от Кинаряса к Сури; а от Сури поидох к Дабыли, пристанище Индийскаго моря» (48—49). Названия трех городов, упомянутых Никитиным между Аландом и Дабхолом, искажены, и установить их местоположение до сих пор не удалось. Впрочем, предположение, что «Сури» — возможно, Сурат, следует исключить, последний расположен слишком далеко к северу. Мимо него корабль Никитина прошел в самом начале путешествия, на пути из Камбея в Чаул.

На картах путешествия Никитина различают посещенные им города и те, которые он описал по рассказам. Споры вызывал вопрос, к какой группе отнести Кожикоду (Каликут португальцев), Виджаянагар и Райчуру. На карте Самойлова Никитин из района Бидара совершает путешествие в Кожикоду и обратно, что не исключалось и позднейшими комментаторами (239). Основанием для этого послужила трактовка названия «Калики», употребленного Никитиным. Однако, если бы Никитин из Каллура направился в Кожикоду (у Никитина Колекот), он должен был дважды пересечь южную часть Декана, и в описании его пути появились бы города государства Виджаянагар, главным портом которого являлся Кожикоду. Между тем, после «Калики» Никитин сразу называет уже знакомые Гулбаргу и Аланд. Следовательно, сведения о Кожикоду собраны по рассказам. В результате другой трактовки названия «Калики» на некоторых картах путешествия Никитина появилась славившаяся алмазными копиями Гол-конда (239). Однако у Никитина описаны лишь копи Райчуру; о Калике же говорится, что там «базар велми велик» (48). На самом же деле Никитин имел в виду Коилконду, лежавшую на пути к Гулбарге из Каллура.

Установление хронологической канвы дает дополнительные данные для уточнения маршрута. На последний, самый спорный этап путешествия, от Бидара до Дабхола, приходится около 9 месяцев. Более месяца провел Афанасий Никитин в Гулбарге, пять — в Каллуре. На путь от Гулбарги до Дабхола могло уйти около 30 дней («ходят слухом месяц»). Остается полтора-два месяца. Сюда входит пребывание в Коилконде и время в пути от Гулбарги до Каллура и обратно. За это время требовалось покрыть расстояние примерно в 400 км. На путешествие в Кожикоду (25—30 дней морем от Дабхола, по данным Никитина), как и в Сурад, времени не остается.

А неприступный Виджаянагар? Никитин так образно передает внешний вид города-крепости, что некоторые исследователи высказали уверенность, что русский путешественник побывал здесь. Между тем, описание внутренней части города, производившей такое сильное впечатление на всех путешественников, отсутствует, да и свидетелем осады, им описанной, Никитин не был: он находился в это время в Бидаре. Что касается Райчуру, то описание Никитина имеет в виду не только область («в Рачюре же родится алмаз»), но и одноименный город, который, как пишет путешественник, «от Бедеря 30 ковов». Райчуру настолько близко расположен к Каллуру, где Никитин провел несколько месяцев, что с большой долей вероятности можно полагать, что сведения об алмазах, ценах на них и условиях аренды копей получены из первых рук. Вполне возможно, что в это время путешественник посетил окрестности Виджаянагара и своими глазами видел «дол чюдна места велми».

В порт Дабхол, о котором он был столь наслышан, Никитин пришел в начале 1474 г. Время это устанавливается не только на основе суммирования отдельных переходов. Путешественник пишет, что покинул Индию во время мусульманского поста, за три месяца до пасхи, которую отметил в Маскате (49). Такое соотношение подвижных дат двух различных календарей наблюдается в 1474 г., когда пост рамазан начался 20 января, а паеха приходилась на 10 апреля. Период между этими датами в 1472 г., который считался временем отъезда путешественника, не превышает полутора месяцев. Таким образом, как исторические, так и календарные данные «Хожения за три моря» говорят о пребывании Афанасия Никитина в Индии в 1471—1474 гг.

В январе 1474 г. с началом благоприятной поры для перехода Аравийского моря с востока тава, на которой находился русский путешественник, вышла из порта Дабхол.

ТРЕТЬЕ МОРЕ - ЧЕРНОЕ

Теперь одна мысль владела Афанасием Никитиным — донести до родной земли то, что увидел и узнал в далекой Индии. «Устремихся умом поитти на Русь», — пишет он. Возвращался Никитин уже в другое время года, и маршрут его второго плавания через Индийский океан изменился. Сперва ничего не предвещало перемен. Корабль, на котором вышел Никитин в море из порта Дабхол, направлялся к Ормузу, откуда путешественник более трех лет назад отплыл в Индию. «И сговорих о налоне корабленем,— пишет Никитин о плате за проезд,— а от своєю головы 2 золотых до Гурмыза града дати» (28).

Прошло 10, 20, 30 дней... Пора бы уже появиться берегам Аравии, но стройная тава по-прежнему скользила по пустынному океану. Во время первого плавания переход от Ормуза до Чаула занял более месяца, но тогда корабль по крайней мере несколько раз заходил в промежуточные порты. Обратное плавание через океан пришлось на январь — март, т. е. на период зимних муссонов. Перемена направления ветров и течений привела к тому, что корабль снесло к югу. Более месяца Никитин находился в открытом море. «Идох же в таве по морю месяц,— записал он,— а не видах ничего. На другой же месяц увидех горы Ефиопския» (28).

Вместо Персидского залива корабль очутился на подходах к Красному морю. Это было совершенной неожиданностью для Никитина и его спутников. Поднялась паника. Если на корабле не ошиблись в определении местности, то было чего опасаться. В течение столетий сюда, к Адену, шли груженые товарами корабли. Плыли сюда и паломники в Мекку и Медину. Но не менее известны были эти места из-за пиратов, действовавших у берегов «ладоносной Барбарии» *. Так что понятно отчаяние спутников Никитина, будь то мусульмане или индусы. Впрочем, и европейцу в этих местах грозила не одна лишь опасность потерять товар, но и быть насильственно обращенным в ислам. Мы помним, что Никитин особо отметил это обстоятельство, поясняя, почему нельзя ему было воспользоваться путем «на Мякку». Описывая ужас, охвативший его спутников, Никитин приводит их

восклицания, а затем дает русский перевод. «Ту же людие вси,— пишет Никитин,— воскричаша „олло переводигер, олло конькар, бизим баши мунда насипь больмышты“, а по-русски языком молвят: „Боже осподарю, боже, боже, боже вышний, царю небесный, zde нам судил еси погибнути“».

В одном из более ранних «Хожений» русского паломника, пережившего нападение пиратов в Средиземном море, ярко нарисована картина абордажа. «И среди пути найде на нас корабль. котанский, разбойници злии,— рассказывает Зосима, возвращавшийся в Константинополь из „святых мест“ в 1420 г.,— и разбита корабль пушками, акы дивии зверие и разсекоша нашего корабельника на части и ввергоша его в море и взяша яже во нашем корабле. Меня же, убогого, ударили копейным ратовищем в грудь и глагол-още ми: „Калуере, поне духата кърса“, еже зовется „деньга золотая“»². «Едином сукманце остави-ша,— продолжает паломник,— а сами скачуще по кораблю, яко дивии зверие, блистающиеся копии своими, и мечи, и саблями, и топоры широкими. Паки [потом] взыдоша на корабль своей, отыдоша в море»³.

Впрочем, Никитину и его спутникам удалось благополучно высадиться на берег: «И в той же земле Ефиопской бых пять дни, божиею благодатию зло ся не учинилось, много раздаша брънцу [от персидского «бириндж» — рис], да перцу, да хлебы ефиопаи, ини судна не пограбили» (49). Какую сторону Африканского Рога имел в виду русский путешественник? Из текста это не совсем ясно. Обычно на картах предположительный путь Никитина показан со стороны океана, до восточного берега Сомали. В книге К. И. Купина, изданной под редакцией Э. М. Мурзаева, путь корабля прочерчен севернее — к африканскому побережью Аденского залива. Есть и третье решение. В тексте «Хожения» сказано: от места высадки до Маската Никитин плыл 12 дней, что невозможно, если высадка произошла значительно южнее. Следовательно, имеется в виду более северная точка — восточно-аравийское, а не африканское побережье. Поэтому в «Очерках по истории географических открытий» И. П. Магидович относит место высадки к району островов Куриа-Муриа⁴. Но аравийская гипотеза расходится с другими данными. Во-первых, она предполагает несколько ошибок Никитина: относительно страны, к берегам которой они пристали, а также этнической и религиозной принадлежности ее жителей. Между тем, Никитин Аравию называет Арабьстаном и Орапской землей, но, характеризуя значение индийского порта Дабхол, пишет, что сюда «съезжается вся поморья Индийская и Ефиопская». Во-вторых, гипотеза не учитывает общей продолжительности плавания: оно длилось около трех месяцев. Следовательно, переход от места высадки до Маската мог продолжаться более 12 дней. Дело, вероятно, не в ошибке Никитина и его спутников, а в неточной передаче при переписке буквенного обозначения числа дней плавания на этом участке путешествия. Как мы видели в предыдущей главе, цифровые расшифровки времени в пути от Умри до Джуннара, а также расстояния от Бидара до Гулбарги в разных списках «Хожения» различны. Нам еще предстоит встретиться с таким расхождением и в настоящей главе. Так что наиболее вероятным представляется вариант пути, указанный в книге К. И. Купина.

В аравийский порт Маскат русский путешественник попадает вторично, но отмечает лишь, что встретил здесь (с начала путешествия) день шестой пасхи. Корабль, на котором находился Никитин, очевидно, не задержался в порту, спеша к Ормузу. Здесь путешественник проводит почти три недели: «в Гурмызе бых 20 дни» (29).

Второе путешествие по Персии — с юга на север — Афанасий Никитин совершает значительно быстрее и несколько изменив прежний маршрут.

После Ормуза Никитин сразу называет город Лар, однако вряд ли он смог миновать Старый Ормуз (через который следовал в первый раз), расположенный как раз напротив острова Джераун. Скорее всего он поехал в Лар по знакомой дороге. Из Лара, где Никитин провел три дня, он направляется к Йезду, но на этот раз — западной дорогой, через Шираз.

Долина Ширази, окруженная горами, славилась виноградниками и садами. Местность Шиб-Бавван, обильно орошаемую и утопающую в садах на протяжении трех фар-сангов, т. е. почти 20 км, персидские и арабские современники сравнивали лишь с садами Самарканда, Дамаска и Бавильруда вблизи Тебриза. В долине возделывали также пшеницу и хлопок. Суммируя впечатления от пребывания под знойным персидским небом, Афанасий Никитин пишет: «В Шириязи, да в Езди, в Кашини варно [жарко], да ветер бывает» (24).

Наряду с Тебризом и Гератом Шираз был в то время одним из крупнейших центров Передней Азии. По словам Иосафата Барбаро, венецианского посла, приехавшего в Персию в одно время с Никитиным, Шираз с предместьями занимал около 20 миль в окружности. Проживало в нем около 200 тыс. человек. Город лежал на пересечении караванных путей. Почти вся торговля Персии и Средней Азии с Индией велась в XV в. через Шираз и Ормуз.

Никитин впервые попадает в Шираз, но проводит здесь всего неделю. Теперь у него большая часть времени уходит на передвижение. «Из Лари поидох к Шириязи 12 дни,— сообщает Никитин,— а в Шириязе бых 7 дни. А из Шириязе поидох к Вергу [Аберкух] 15 дни, а в Велер-гу бых 10 дни. А из Вергу поидох к Езди 9 дни, а в Езди бых 8 дни» (49).

Следуя большим западным путем, Никитин из хорошо знакомого ему Йезда направляется к Кашану, на этот раз не через Наин, а через Исфакан. «История Исфакана», составленная в 1329 г., повествует о 44 городских кварталах, сотнях мечетей и многочисленных базарах. Но на рубеже XIV—XV вв. на город дважды обрушивалась волна нашествия. Войска Тимура разрушили город при подавлении восстания 1387 г., а в 1452 г. его опустошили войска Джаханшаха Кара-Коюнлу. Посетивший Исфакан вскоре после Никитина Иосафат Барбаро пишет, что окружность города с предместьями составляла около 10 миль, однако осталось здесь не более 50 тыс. жителей.

Какое впечатление произвел на современников разгром Исфахана, видно из следующих строк, принадлежащих великому среднеазиатскому поэту Алишеру Навои, потрясенному горестями Хорасана. Он сравнивает судьбу города с брошенными руинами Рея:

«Не говори: это страна! Это страшное обиталище свирепости.

Ад появился, когда исчез рай.

Кто начнет ее рассматривать,

Вспомнит Исфахан и Рей»⁵.

Афанасий Никитин видел оба этих страшных памятника войны.

В Исфахане Никитин не провел и недели. «А из Езди поидох к Спагани 5 дни,— занес он в свои записки,— а в Спагани 6 дни. А ис Спагани поидох Кашани, а в Кашани бых 5 дни» (29).

В первый раз в Кашане Никитин провел месяц, теперь — всего несколько дней. И здесь окончательно определяется для нас направление маршрута его второго путешествия через Персию. Он расстается с возможностью вернуться прежним путем через Мазендеран и поворачивает на Тебриз.

К тогдашней столице Персии Афанасий Никитин следует обычным путем через Кум, Саву и Султанию. Ни времени в пути, ни длительности остановок на этом участке Никитин не называет. «А ис Кошани поидох к Куму,— записал он,— а ис Кума поидох в Саву. А ис Савы поидох в Султанию. А ис Султании поидох до Теръвиза» (29). Вероятно, останавливался он ненадолго, а пути не только через Малую Азию, но и через Северную Персию были знакомы на Руси.

От побережья Персидского залива до Султании считалось 60 дней пути; при этом от Исфахана до Кашана — пять дней, от Кашана до Кума — два, до Савы — еще два, от Савы до Султании — девять-десять, а от Султании до Тебриза — еще пять-шесть дней. За вычетом остановок Никитин прошел этот путь примерно за два месяца, т. е. двигался с обычной скоростью каравана. Сопоставляя эти данные с первым путешествием, мы можем сделать вывод, что теперь у Никитина не было необходимости, передвигаясь из города в город, неспешно торговать, чтобы заработать на дальнейший путь. Тогда он вел, вероятно, розничную торговлю, скорее всего тканями, судя по городам, которые он посетил. Теперь он либо имел некоторую сумму денег, вывезенную из Индии, либо располагал товаром, который можно было быстро распродать. Полагают, что Никитин торговал драгоценными камнями, сведения о которых сохранили его записки. Но это были, вероятнее всего, «перец да краска», которые были столь дешевы по ту сторону океана и которые так ценились в Персии. Во всяком случае, рассказывая о товарах, находившихся с ним при возвращении из Индии, Никитин прямо упоминает о пряностях.

В середине XV в. Тебриз, густонаселенный город, лежал на пересечении важных караванных путей. Сюда поступали лучшие ткани, изготовленные в городах Персии, жемчуг Персидского залива, шелк-сырец из Гиляна и Закавказья, шерстяные ткани Алеппо и Бруссы, западноевропейские ткани, краски и пряности Индии. Но еще более знаменит город был мастерами-ремесленниками, изготовлявшими ткани из шелка, шерсти и хлопка, шали, ковры, сафьян, изделия из серебра и меди, ювелирные, а также оружие.

Расцвет Тебриза, начавшийся с конца XIII в., отмечали Ибн Батута, Марко Поло и Одорик из Порденоне.

«Много там и других городов и городищ,— говорится в „Книге“ Марко Поло,— но Торис самый лучший в целой области»⁶. Венецианский путешественник отмечает пестроту населения: тут и персы, и армяне, и грузины, мусульмане, и несториане и яковиты. «Народ в Торисе торговый,— пишет Марко Поло,— и занимается ремеслами; выделяются тут очень дорогие, золотые и шелковые ткани. Торис на хорошем месте: сюда свозят товары из Индии, из Бодака [Багдада], Мосула, Кремзора [Гармсир] и из многих других мест; сюда за чужеземными товарами сходятся латинские купцы. Покупаются тут также драгоценные камни, и много их здесь. Вот где большую прибыль наживают купцы, что приходят сюда»⁷.

У Марко Поло немало ярких описаний мест, сделанных им по рассказам. Был ли он сам в Тебризе? Некоторые комментаторы сомневаются в этом, полагая, что он спустился к Басре и оттуда морем достиг порта Ормуз. Но сомнения эти напрасны. Во-первых, путешественник описывает путь по Персии с севера на юг. Во-вторых, он передает при этом и личные впечатления. Так, он прямо пишет, что расспрашивал «многих жителей» в городе Саве, лежащем на пути из Тебриза на юг. Так что приведенное выше описание Тебриза — свидетельство очевидца.

Во времена Никитина на фоне запустения многих городов особенно резко бросалось в глаза строительство, развернувшееся в столице. При Джеханшахе, разорившем Исфахан и Султанию, в Тебризе воздвигнута великолепная Синяя мечеть. При Узуне Хасане, как раз во время путешествия Афанасия Никитина, в Тебризе строились медресе Насрийэ и огромный крытый рынок Кайсарийэ.

Не застав шаха в Тебризе, Никитин направляется в его ставку. «А ис Тервиза,— говорится в Трипцком списке „Хожения“,— поидох в орду Асанбе, в-ърде же бых 10 дни...» (29).

Обычай кочевать по стране Узун Хасан сохранил и после того, как стал правителем Персии. Выезды на место зимнего или летнего кочевья совершались в окружении двора и войска, и довольно подробно описаны венецианскими послами Барбаро и Контарини. Летом 1475 г. Узун Хасан принимал посла Ивана III в ставке, находившейся в 25 милях от Тебриза. Шахский лагерь, когда туда попал Никитин, находился, вероятно, в тех же местах.

О внешнем облике Узун Хасана дают представление несколько зарисовок, которые принадлежат перу Контарини и Барбаро. «Худой и высокий», замечает Контарини, добавляя, что характер у него очень живой и выражение лица все время меняется. «Когда в гневе он переходил границы, то становился даже опасен. Но,— тут же извиняет посол державную особу,— при всем том он был весьма приятным человеком»⁸. Барбаро рассказывает, как шах демонстрировал свои сокровища. Особенно ему запомнился один рубин (он называет его «балас»), огромный, с мелкой вязью арабских букв по краю. На просьбу шаха приблизительно оценить его стоимость венецианец, желая польстить владельцу, ответил: «Если бы я назвал его цену» а балас имел бы голос, то он, вероятно, спросил бы меня, встречал ли я действительно подобный ему камень; я был бы вынужден ответить отрицательно. Поэтому я полагаю, что его нельзя оценить золотом. Может быть, он стоит целого города...»⁹. Венецианский посол не раз описывает такие «пиршества для глаз», которые устраивал в его присутствии Узун Хасан.

Никитин тоже знает толк в драгоценностях, не зря он полгода провел у самых истоков «производства» бриллиантов, в районе алмазных копей Райчуру. По его записям мы можем проследить путь драгоценного камня в сокровищницу султана. Из разных краев к столице везут воины выюки с награбленными сапфирами, рубинами и алмазами. Великий везир скупает добычу (26). Слова Афанасия Никитина о богатстве «бояр и князей» бахманидского султана и бедности сельского люда невольно напеминают написанные в те же годы стихи друга Алишера Навои Абдур-рахмана Джамии, обращенные к власти имущим:

«Твоего сокола сокольничьи, изловчившись,
Кормят цыплятами, отнятыми у нищих старух.
Твой конь всякий день
Ест солому и ячмень из торбы бедняков, собирающих
колосья.
Уши твоих рабынь украшены золотом,
Которое собрали нищие твоего города, моля
о подавании»¹⁰.

Десять дней провел Никитин в ставке шаха Персии. С караваном ли пришел сюда путешественник или отделился от него в Тебризе, султанские согладатаи заметили русского купца в шахском лагере. И когда Никитин добрался до трабзонского порта, чтобы покинуть пределы Османской империи, его задержали, ища каких-либо документов, связывавших его с Узун Хасаном. Так что хотел этого Афанасий Никитин или нет, он оказался вовлеченным в круг внешнеполитических дел.

Многое переменилось с тех пор, как Афанасий Никитин в первый раз побывал в Персии. После успешного для Узун Хасана окончания войн против Джаханшаха и Абу Сайда открылись военные действия против турецкого султана Мухаммеда II. В этой войне Узун Хасан выступал союзником Венеции и караманских беев, владения которых занимали юго-восточную часть Малой Азии. Население Карамана (или Киликии, как называли тогда эту область) восстало против султанского наместника. Турецкий великий везир Рум Мехмед-паша был разбит восставшими и отступил. Мухаммед II назначил на его место Исхак-пашу и направил его в Караман. Это было в 1470 г., когда Никитин еще находился в Персии. Османские войска заняли главный город Карамана — Леренде. Караманские правители Пир Ахмед-бей и его брат Касим-бей обратились за помощью к Узуну Хасану. Готовясь к решительному столкновению с Османской империей, Узун Хасан направил послов в Венецию, на Родос и Кипр, а в Караман послал отряд под начальством Зейнель-бея. Венеция, втянутая в длительную войну с Османской империей (военные действия начались в 1463 г., мир был заключен лишь в 1479 г.), ухватила за предоставившуюся возможность приобрести союзника. Дожд и его советники решили отправить ответное посольство. Выбор пал на Ка-тарина Дзено, крупного купца, который к тому же приходился родственником жене Узун Хасана Феодоре, дочери одного из последних правителей Трапезундской империи. Империя прекратила свое существование в 1461 г., будучи присоединенной к владениям Мухаммеда II, но в Венеции Узун Хасан по-прежнему считали сторонником интересов европейских держав. Обстановка была самой благоприятной для заключения союза. Узун Хасан, которому была обещана помощь венецианского флота, начал военные действия. Эскадры должны были действовать как у берегов Карамана, так и в направлении Константинополя. Узун Хасан двинул войска во владения султана Мухаммед! 11 когда Афанасий Никитин был в Индии, следовательно, его рассказ основан лишь на том, что ему пришлось услышать по возвращении в Персию. «А на турскаго,— пишет Никитин о вторжении Узун Хасана,— послал рати двора своего 40 тысяч, ини Савасть взяли, а Тохат взяли да пожгли, Амасию взяли и много пограбили сел да пошли на Караманского воюючи» (49).

Турецкие хронисты и персидская хроника Хасан-бека Румлу¹¹ сообщают много подробностей, родословные действующих лиц, отдельные даты, но цельную картину войны по ним составить очень трудно. Более того, не ясны многие даты, а также последовательность движения войск. В результате зарубежные исследователи, использовавшие разные версии, по-разному изображали и ход войны. В частности, военные события, о которых идет речь в рассказе Афанасия Никитина, в одних работах отнесены к 1471 г., в других — к 1472 г.

Между тем, мы имеем возможность проследить действия обеих сторон по запискам иностранных наблюдателей¹². Один из них, Катарина Дзено, посол Венеции, находился при Узуне Хасане. Другой — итальянец Джованни Анджолелло, попавший в плен и обращенный в рабство, — находился в это время в армии Мухаммеда II. Мемуары Анджолелло, перешедшего затем к Узуну Хасану, составлены по возвращении в Италию. Катарина Дзено вернулся раньше и сразу же опубликовал свои записки. Однако это издание 100 лет спустя оказалось такой редкостью, что Д. Рамузио при составлении свода описаний путешествий, к которому и доныне прибегают ученые, не смог добыть экземпляр и создал собственную компиляцию по донесениям Дзено венецианскому сенату.

Весной 1472 г. Узун Хасан устроил смотр своим войскам в г. Битлисе. По турецким данным, здесь собралось 100-тысячное войско. На самом деле, как свидетельствует Катарина Дзено, собственно войско насчитывало 40 тыс., а 60 тыс. составляла прислуга. После смотра войска двинулись через пограничный город Эрзинджан и сожгли его. Высланный вперед отряд в 20 тыс. под командованием Омар-бея повернул на Токат — главный перевалочный пункт большого торгового пути на Константинополь. Омар-бей захватил город и сжег его. Наместник Карамана, сын султана Мустафа бежал из Коньи в Кутахью, где находился наместник Анатолии Дауд-паша. Тем временем Омар-бей выделил половину войска под командование Юсуф-мирзы. Этот 10-тысячный отряд был направлен на Караман в помощь изгнанным правителям Пир Ахмеду и Касим-бею. Однако они не продвинулись дальше Бейшехира. Здесь, близ Коньи, в августе 1472 г. отряд был разбит войсками Мустафы. Юсуф-мирзу взяли в плен, Пир Ахмед бежал к Узуну Хасану, а Касим-бей укрылся в г. Силифке. Наступила зима с обильными в этом году снегами. Об этих событиях и идет речь в записках А. Никитина.

Когда же путешественник о них узнал? Был ли он здесь в то время или услышал обо всем этом некоторое время спустя? При старой датировке Никитин должен был появиться в ставке Узун Хасана непосредственно во время описанных им событий. Однако Никитин не совсем верно описывает ход военных действий. Так, он правильно приводит численность войск Узун Хасана (40 тыс.), однако движение их передано не точно. Войска шли на Токат не через Сивас, как у Никитина, а с севера, в обход, мимо Амасьп. О взятии Сиваса, о чем пишет Никитин, данных нет. Значит, его сведения основаны на слухах, которые распространялись в Тебризе и его окрестностях уже после окончания военных действий.

Как же развивались события дальше и каково было состояние отношений между воюющими сторонами к тому времени, когда Афанасий Никитин действительно появился в лагере Узун Хасана?

В марте 1473 г. армия Мухаммеда II, переправившись на малоазийский берег в районе Галлиполи, двинулась на Токат. По пути к султану присоединились войска его сыновей: Баязида, наместника Амасьи (при нем впоследствии были установлены русско-турецкие дипломатические отношения), и Мустафы, наместника Карамана. Навстречу им из Тебриза к границам своих владений выступил Узун Хасан с 70-тысячной армией.

Выступление войск из Константинополя некоторые историки Турции датируют 878 г. хиджры, который начался в мае 1473 г. Но это не верно. Решающие сражения произошли летом 1473 г. в другом конце Малой Азии. Следовательно, армия Мухаммеда II должна была выступить в поход раньше, в 877 г. хиджры. Кроме того, современник прямо указывает, что султан выехал в месяц шевваль. Этот месяц в 877 г. хиджры приходится на март 1473 г. В следующем году мусульманского календаря он приходился на февраль 1474 г., т. е. после описываемых событий. Этим и определяется начало новой кампании.

Авангард османских войск под начальством Махал Оглу Али-бея взял Токат и сжег город. Главные силы заняли Сивас и продвинулись, не встречая неприятеля, до пограничного Эрзинджана. Жители бежали еще до подхода войск. Анджолелло рассказывает, что лишь один армянин-священник не захотел покинуть опустевший город. Он остался сидеть на пороге храма с книгой в руках. Старик был убит и город подожжен.

Первое сражение произошло в верховьях Евфрата 27 июля 1473 г. и закончилось в пользу Узун Хасана. Османские войска потеряли около 15 тыс. человек, а наместник Румелии Хас Мурад-паша при отступлении утонул в водах Евфрата. Главные силы султана двинулись к северу, к Байбурту и Трабзону. Второе, решающее столкновение двух армий произошло 11 августа 1473 г. при Отлукбели, на полпути между Эрзинджаном и Эрзерумом. Армия Узун Хасана потерпела полное поражение. Конница, не выдержав артиллерийского огня, повернула с поля боя. Около 10 тыс. было убито. Мухаммед II распорядился немедленно разослать победные реляции не только наместникам областей, но и восточным соседям Узун Хасана. Несмотря на одержанную победу, султан поспешно вернулся в Константинополь ввиду угрозы со стороны венецианского флота. Воспользовавшись этим, Пир Ахмед присоединился к брату. Только в 1474 г. Караман был снова занят султанскими войсками.

Мира между Мухаммедом II и Узун Хасаном заключено не было (он был подписан лишь после смерти последнего в январе 1478 г.). Используя это обстоятельство, Венеция прилагала отчаянные усилия, чтобы создать антиосманскую коалицию, которая включала бы и Персию.

Новый венецианский посол Иосафат Барбаро, направленный на смену Катарина Дзено, достиг

двора Узуна Хасана в апреле 1474 г., незадолго до появления здесь Афанасия Никитина. Барбаро пришел раненый, в изодранной одежде, но с верительными грамотами сената Венецианской республики.

Более года назад Барбаро вышел из Венеции с эскадрой из четырех судов: двух военных и двух торговых галер, на которые были погружены шесть стенобитных бомбард, 500 длинноствольных пушек (спингард), порох и ценные подарки шаху. В апреле 1473 г. суда прошли к о. Кипр. Отсюда венецианский дипломат осуществлял связь с Пьетро Мочениго, командующим военным флотом республики. Венецианские корабли готовились нанести удар войскам Мухаммеда II, ожидая выступления Узуна Хасана в Малой Азии. Это выступление и должен был ускорить Иосафат Барбаро.

Лето 1473 г. сбilo все планы венецианцев. Находясь на Кипре, Барбаро узнал о поражении Узуна Хасана. Тем не менее он двинулся обходными путями в Тебриз, куда и прибыл, ограбленный, без свиты и без пушек, но с грамотами, которые сохранил на груди. Весь облик Барбаро как бы символизировал собой состояние персидско-венецианских отношений: речи дипломата — вот все, что в этот момент правители Венеции могли предложить Узуну Хасану, добиваясь возобновления военных действий против Мухаммеда II. Целей, ради которых прислал его сюда сенат, он так и не добился. Не добились этого и другие представители сената Паоло Оньибен и Амброджо Контарини. Оньибен был послан в Персию сразу после получения от Катарино Дзено известия о поражении Узуна Хасана и отбыл еще до приезда Барбаро. Выхавший тремя месяцами позже Контарини встретил Паоло на его обратном пути в Кафе. Сроки пребывания венецианских миссий, по выражению советской исследовательницы Е. Ч. Скржинской, наплывали один на другой¹³.

Вскоре после приезда Барбаро к Узуну Хасану сюда прибыло посольство из Индии. Едва ли не одновременно в ставке шаха Персии появляется и Афанасий Никитин.

Иосафат Барбаро рассказывает, что послов из Индии было двое, но не называет их имен и не сообщает, какое из государств Индии они представляли: Делийское, Бах-манидское или Виджаянагар. Барбаро, впрочем, добавляет, что послы представляли мусульманского государя. Это сужает круг поисков. Мусульманские правители были лишь в двух первых султанатах, но до самого последнего времени не удавалось выяснить загадку индийского посольства.

Из переписки Махмуда Гавана стало известно, что еще за два года до описываемых событий, в связи со взятием Гоа, он обратился к правителю Гиляна с просьбой, чтобы Узун Хасан принял дипломатическую миссию бахманидского султана. Была обнаружена грамота, выданная шахскому купцу Хаджи Шихабдину Лутфулла Тюрку на право торговать в портах и провинциях Бахманидского государства. Документ датирован 881 г. хиджры, т.е. 1476—1477 гг. Были выяснены имена двух послов, которые приезжали в Персию из Бидара в период между появлением письма Махмуда Гавана и выдачей грамоты шахскому купцу: Шамсуддин Мухаммед Ширвани и Манлам Мухаммед Ахмед Кунджи¹⁴. Надо полагать, что свидетелем их прибытия в 1474 г. и стал Иосафат Барбаро.

Барбаро сообщает также о дарах, доставленных индийским посольством: тюки с пряностями, драгоценные камни, сандаловое дерево, тончайшие ткани, фарфоровые изделия и редкие животные, среди которых два слона и жираф. Как же попало сюда африканское животное? Так называемый сетчатый жираф распространен в районе между Кенией и Сомали. Козьма Индикоплов, видевший жирафа при дворе негуса Эфиопии, именуется животное вер-блюдо-пардус, передавая этим необычность его фигуры и окраски. Название это (сателгеорак1) закрепилось в науке за другим видом — жирафом обыкновенным, пятна на шкуре которого расположены довольно далеко друг от друга. О множестве жирафов в этих местах писал и Марко Поло. Очевидно, индийскому посольству пришлось побывать у побережья Восточной Африки, примерно в тех же местах, что и Никитину на пути из Индии.

Появление при дворе Узуна Хасана бахманидских послов и русского путешественника настолько близко по времени, что предположение, не присоединился ли Никитин к этому посольству, весьма заманчиво. Впрочем, каких-либо упоминаний о посольстве в записках Никитина нет.

Гораздо важнее другое. Теперь мы знаем, что во времена Никитина были сделаны попытки установить не только торговые, но и дипломатические отношения между Бах-манидским государством и Персией. И происходило это в тот же период, когда русские посольства появились в Шемахе и Тебризе. Значит, мысли Афанасия Никитина о налаживании торговых связей между Индией и Россией через Персию и Кавказ были не так уж далеки от возможного.

Придет время, и поедут этими путями государевы гонцы в Индию с грамотами и товарами: казанский купец Никита Сыроежин да астраханский житель Василий Тушканов, а за ними московские торговые люди¹⁵.

Очувтившись в окрестностях Тебриза, Афанасий Никитин мог вернуться на Родину несколькими путями: либо караванными дорогами через Закавказье, а затем вновь до Каспию и Волге, либо через Малую Азию и Черное море.

Говоря о времени пребывания в ставке Узуна Хасана, Никитин замечает: «В орде же бых 10 дни, ано пути нет никуды» (49). Поскольку через 10 дней Никитин уже выбрал путь к Черному морю, речь идет, очевидно, о препятствиях на путях через Кавказ. И это понятно: между Шемахой и владениями Узуна Хасана лежала территория, подвластная сефевидским шейхам Ардебилля. Эти шейхи настолько теснили Фарруха Ясара, что владетель Шемахи вынужден был заключить специальный договор о поддержке с преемником Узуна Хасана. В начале путешествия Никитину также не пришлось воспользоваться караванными путями из Шемахи в Персию, но тогда основной причиной было

вторжение тимуридских войск. В одном из мест записок Никитин восхищается богатствами «Гурзынской земли». Не известно, бывал ли он там раньше, но во время своего знаменитого путешествия был неподалеку от Грузии дважды: когда пришел в Ширван и на обратном пути через Южный Азербайджан.

Что касается путей в сторону Черного моря, то по старой датировке получалось, что, идя из Тебриза в Трабзон, Никитин попал в самый разгар военных действий между Персией и Османской империей. Однако в таком случае срок в 10 дней ничего не менял: война в этом районе продолжалась до осени 1473 г. Год же спустя, когда Никитин действительно очутился в этих местах, пути через Малую Азию были вновь свободны для караванов. Это и предопределило выбор маршрута. Путешественник направился к Трабзону.

На пути из Тебриза в Трабзон он пересек Армянское нагорье, шел через Эрзинджан, расположенный на р. Карасу, в четырех днях пути к западу от Эрзерума. Город издавна был транзитным центром. «Самый отменный город»¹⁶, — писал Марко Поло, выделяя его из городов Великой Армении. Славился город изготовлением шерстяных тканей. Ездивший к Тимуру в Самарканд кастильский посол Руй Гонсалес Клавихо писал об Эрзинджане: «Город очень населен, в нем много красивых улиц, переулков, обстроенных лавками, он очень богат и ведет обширную торговлю. В нем много прекрасных мечетей и много источников, и живет в нем много христиан — армян и греков»¹⁷. Эти картины остались в прошлом. Считалось, что русский путешественник вошел в процветающий город. Но в 1472—1473 гг., как мы видели, Эрзинджан был разрушен обеими воюющими сторонами. Глазам Никитина предстали обугленные развалины.

«И яз,— пишет Никитин,— из орды пошел ко Арцычану, а от Орцычана пошел есми в Трепизон» (49).

Осенью 1474 г. Афанасий Никитин подошел к черноморскому побережью Малой Азии. «Приидох до третьяго моря Чермнаго, а парсийским языком дория Стимбольскаа» (50). Марко Поло и современники Никитина называли Черное море Великим. Русские памятники знают это название наряду с другими: Русское и Понтское (Понт Эвксинский у греков). Никитин употребляет выражение, которым пользовались арабские и персидские географы его времени, — море (по-персидски «дарья») Стамбульское. Оно встречается и у европейского путешественника Клавихо, побывавшего здесь в начале XV в. Переписчикам «Хожения», видимо, более импонировало библейское Черное море, хотя под ним подразумевалось только море, отделяющее Аравию от Африки.

Еще недавно Трабзон был крупнейшим портом в восточной части Черного моря, центром основанной крестоносцами Трапезундской империи. Правившая здесь династия Комнинов поддерживала союзные отношения с родом Ак-Коюнлу, который боролся за овладение Персией.

Когда над Трапезундской империей нависла угроза завоевания, Узун Хасан послал к Мухаммеду II свою мать, Сара хатун, женщину, известную выдающимися дипломатическими способностями, с предложением посредничества. Однако отговорить султана от похода не удалось, и, теснимый с суши и моря, Давид сдал в 1461 г. Трабзон Мухаммеду II. Узун Хасан, занятый борьбой с Джехан-шахом, не смог оказать военной помощи последнему из Комнинов.

В Трабзон русский путешественник пришел, по его словам, «на покров», т. е. к началу октября. Едва не погибнув во время осенних штормов на Черном море, он добрался наконец до генуэзской Кафы. Однако прежде ему пришлось пережить еще одно испытание.

Султанские власти в Трабзоне, сочтя русского купца за агента Узуна Хасана, задержали его. Су-баши, начальник городской полиции, узнав, что русский купец побывал в ставке персидского шаха, наложил арест на его имущество и распорядился доставить его наместнику султана — бейлербею в ранге паши. «А в Трапизоне ми же шубашь да паша много зла учиниша,— пишет Никитин,— хлам мой весь к себе взнесли в город на гору, да обыскали все — что мелочь добренкая, ини выграбили все, а обыски-вают грамот, что есми пришел из орды Асанбега» (50).

Трабзон в то время разделялся на три района: нижний город у моря, где останавливались местные и иностранные купцы; средний город с церковью Богородицы Златоглавой, обращенной в мечеть после присоединения города к Османской империи, и верхний город, на горе, с цитаделью, носившей прежде название акрополя. Цитадель, где помещался бывший дворец Комнинов, служил резиденцией бейлербея. Большая часть города находилась*в запустении.

Подозрительность султанских властей и розыск грамот объясняется продолжавшимся состоянием войны между султаном и Узуном Хасаном. Тем более что Трапезундская империя, с которой последний поддерживал такие тесные связи, была завоевана немногим более 10 лет назад. Насколько напряженной была обстановка в 1474 г., говорит поведение венецианского посла Контарини. Прибыв тайно в нейтральную Кафу, он не решился плыть не только в Трабзон, но и в любой другой пункт Черноморского побережья, контролируемый султанскими властями. Когда Контарини прибыл в Вати (Батуми), брат капитана, прийдя на судно и услышав, что «мы собирались в Тину [Атина], подтвердил, что если бы мы туда пошли, то все были бы захвачены в рабство; он знал точно, что в том месте находился турецкий су-баши с конницей, объезжавший по своему обыкновению область»¹⁸.

Хорошо еще, что военные действия не возобновлялись со времени поражения Узуна Хасана, а то не сносить бы Никитину головы! Однако и в этих обстоятельствах дорогой ценой освободился он из рук паши и его приспешников. Он лишился почти всего имущества. Кстати, эпизод об ограблении описан в Троицкой редакции «Хожения», и мы так и не узнали бы о нем, если бы эту фразу не сохранила летописная редакция.

У Никитина хватило денег заплатить лишь за место на корабле. На съестные припасы ему

пришлось занять с обязательством отдать долг по прибытии в Кафу. Никитин пишет: «На корабль приидох и сговорил о налоне дати золотой от своеа главы до Кафы, а золотой есми взял на харчь, а дати в Кафе» (50). Некоторые комментаторы видели в слове «харчь», употребленном Никитиным, искаженное арабское «хардж», что значит расход, а также налог. Они предполагали, что, кроме платы за переезд — «налон корабельный», — путешественник уплатил еще и какую-то пошлину (89, 249). В действительности речь идет о плате за пищу на корабле, что подтверждается употреблением слова в этом именно смысле в предыдущем тексте («по полутретья алтына на харчу идет на день»). В Кафе всегда можно было встретить русского купца или занять денег с отдачей в Москве. Отсюда можно было и отправиться на Русь с караваном.

Черное море встретило Никитина непогодой. Сперва все складывалось благополучно, и с попутным ветром корабль, па котором находился путешественник, дошел до мыса Чам («до Вонады»), лежащего между Трабзоном и Синопом. И здесь-то начались бедствия. Казалось, все ветры дули в лицо путешественнику. Буря погнала корабль обратно почти до самого Трабзона, неподалеку от которого, в Платане, корабль оказался запертым в гавани. Дважды на протяжении двух недель корабельщики пытались вывести суда в открытое море, но всякий раз их встречал резкий северный ветер.

«Идох же по морю ветром пять дни, — пишет Никитин, — и доидох до Вонады и ту нас стретил великий ветр полунощ и възврати нас к Трипизону; и стояли есмя в Платане 15 дни, ветру велику и злу бывшу. Ис Платаны есмя пошли на море двожды, и ветер нас встречаеть злы, ' не дасть нам по морю ходити...» (29).

В летописной редакции «Хожения» написано, что до Вонады корабль шел 10 дней, тогда как в Троицкой — пять. Буквенные обозначения цифр 5 (ѿ) и 10 (i) весьма близки по начертанию. Выше приведен текст Троицкой редакции, где число дней передано словом. Наконец, еще одна попытка оказалась успешной, и Никитин пересек Черное — третье на его пути — море, достигнув южных берегов Крыма. Не раз, верно, вспоминались слова много испытавшего Даниила Заточника: «Не море топит корабли, но ветры».

Достигнув Крыма, корабль оказался, однако, весьма далеко от места назначения: не в Кафе, а почти на другом конце крымского побережья — в Балаклаве. Еще на несколько дней корабль задержался, отставаясь в безопасной бухте Гурзуфа. «И море же преидох, — пишет Никитин, — да занесе нас сых Балыкаее, а отудова Тькъръзо-фу, и ту стояли есмя 5 дни ... приидох к Кафе за 9 дни до филипова заговейна» (29—30). В Кафе Никитин мог вполне точно справиться о праздниках календаря, принятого на Руси, и, таким образом, указанное им число — 5 ноября.

Балаклава, которую генуэзцы называли Чембало, была отделена от остальных владений Генуи территорией княжества Феодоро (Манкуп). Кроме Горзониума (Гурзуф), генуэзцам принадлежали в Крыму Пертенис (Пертепит), к востоку от Аю-Дага, Алустон (Алушта), Ялита (Ялта) и Солдайя (Сурож). Мимо всех них и проплыл с запада на восток Афанасий Никитин. Он едва ли не последним наблюдал эти генуэзские владения в Северном Причерноморье накануне их падения. Остатки стен крепостей, которые видел путешественник, кое-где сохранились до наших дней.

Генуэзские колонии на Черном море переживали тяжелые времена. Воспользовавшись борьбой Византии с крестоносцами, Генуя, войдя в соглашение с императором, получила черноморские колонии Венецианской республики. Однако после занятия Константинополя войсками Мухаммеда II и падения Византийской империи положение этих колоний стало весьма трудным. Султанские власти чинили препятствия торговым судам, следующим через проливы, требовали повышенные пошлины, а то и вовсе не пропускали корабли. Банк Сан-Джорджио, крупнейший в Генуе, к которому перешло управление черноморскими колониями, пытался наладить движение караванами по суше. Однако это не могло компенсировать утрату свободного морского пути.

Кафу раздирали социальные противоречия. Недовольство вылилось в открытое восстание городских низов, бастовали экипажи генуэзских галей. Усилилась борьба партий гвельфов и гибеллинов. Первые из них представляли в Кафе интересы знати, вторые — купцов и плебса. «Смерть аристократам! Да здравствует народ!» — кричали на улицах Кафы. По донесениям консулов в Геную, росло число горожан, которые оскорбительно отзывались о генуэзских властях. Не следует забывать также, что генуэзцы составляли не более 2 тыс. человек из 70 тыс. разноплеменного населения приморской Кафы. После восстания было преобразовано городское управление. Но незначительные реформы мало что изменили на деле.

В то же время осложнились отношения с Крымским ханством и другими соседними владениями в Крыму. Генуэзские власти пытались вмешиваться в дворцовую борьбу за крымский престол, поддерживая то одного, то другого претендента, а тем временем один из них, Эминех-бей, вошел в сношения с султаном. Ханский престол он покупал ценой установления вассальной зависимости от Османской империи. Участь колоний была решена. Они переходили к Мухаммеду II.

Необдуманные действия властей Кафы привели к конфликту с Иваном III. Когда крупный караван, принадлежавший богатым горожанам Генуи, по пути в Крым был ограблен кочевниками, кафинский консул решил возместить их потери за счет русских купцов. Бездоказательно заявив, что ограбление совершили подданные Ивана III, он распорядился арестовать русских купцов, находившихся в Кафе, а их товары конфисковать.

Иван III немедленно потребовал освобождения московских купцов, а также возвращения товаров, оцениваемых в 2 тыс. руб. Русская сторона, как заявили посланцы великого князя, никак не ответственна за нападение кочевников на генуэзский караван. Кафинские власти ответили отказом, но

до окончательного решения дела в Генуе сумму, полученную от распродажи конфискованных товаров, консул велел положить на хранение в качестве залога.

Если бы Афанасий Никитин появился в Кафе осенью 1472 г., его положение было бы безвыходным. Караваны не ходили на Русь. Сношения с Москвой были прерваны. Спустя два года положение изменилось.

В 1474 г. Иван III поручил послу Никите Беклемишеву, отправленному к Менгли Гирею для переговоров о союзе, заняться также и кафинским делом. Документы этого посольства, упомянутого на страницах летописи, открывают приказную книгу, содержащую переписку с Крымом.

Дьяк Никита Беклемишев, выполнявший и прежде дипломатические поручения, выехал из Москвы в марте 1474 г. вместе с послом Менгли Гирея, возвращавшимся в Крым¹⁹. Беклемишев должен был добиваться у кафинско-го консула удовлетворения претензий русских купцов, используя при этом влиятельного местного купца Кокоса.

Последний не раз оказывал Ивану III различные услуги дипломатического и торгового характера: через него были начаты переговоры с Менгли Гиреем, а также о браке дочери манкупского князя, одного из крымских владетелей со старшим сыном великого князя. Но кафинские власти' не получив решительного ответа из Генуи, продолжали отстаивать интересы собственников каравана.

В ноябре 1474 г. в сопровождении крымского посла Девлет-мурзы Беклемишев вернулся в Москву²⁰. В это время Афанасий Никитин сошел с корабля на пристань Кафы.

Кафа продолжала поддерживать сношения с обеими воюющими сторонами - Османской империей и Венецией. В мае здесь побывал Амброджо Контарини, но венецианский дипломат, следовавший в Персию, не много рассказывает о городе: посланец светлейшей синьории остановился в консульском доме тайно, как и его предшественник Паоло Онйбен, с которым они тут и встретились.

Вскоре кафинским властям стало известно о сговоре Эминех-бея с султаном и о подготовке вторжения султанских войск. Вести о готовящейся «армаде» всполошили весь город. С великим беспокойством сообщали власти об этом в Геную в первые месяцы нового, 1475 г. Если верить тому, что сообщалось сеньорам-протекторам банка, Кафе удалось вынудить Эминех-бея бежать. Однако «козни Генуи лукавой», как назвал Пушкин политику по отношению к Крымскому ханству, не принесли успеха. Менгли Гирей на которого пытались опереться власти Кафы, был в результате дворцового переворота свергнут и заточен в темницу в Манкупе. Султанский флот под началом великого везира Гедик Ахмед-паши, поддержанный с суши Эминех-беем, в июне 1475 г. овладел Кафой, а затем и остальными генуэзскими колониями Северного Причерноморья. Задержись Никитин в Кафе до лета, его тетради могли бы и сгореть в кафинском пожаре.

Власти Генуи, обеспокоенные судьбой колоний на Черном море, категорически потребовали наконец восстановления отношений с Москвой. В письме протекторов банка Сан-Джорджи консулу Кафы указывалось, что не время ссориться с соседом и вероятным союзником в борьбе против нависшей угрозы со стороны внешних врагов. В Генуе опасались также сближения Венеции с Иваном III и восстановления ее влияния в Причерноморье.

Появление в Кафе Афанасия Никитина и приказ из Генуи — русских купцов освободить, а имущество вернуть — совпадают по времени. То, что было невероятным в 1472 г., стало реальностью два года спустя. И мы можем теперь назвать имена тех гостей великого князя, с которыми Никитин, надо полагать, совершил последнее свое путешествие из Крыма и которые, по-видимому, вручили в Москве дьяку Ивана III Василию Мамыреву заветные индийские тетради. Это — Григорий, или Гридя Жук, как называет его грамота Ивана III, и Степан Васильев сын Дмитриев. Имя последнего более четверти века не сходит со страниц московской дипломатической переписки. Мы встречаем Степана Дмитриева в Кафе, Литве и Малой Азии то как гостя, то в качестве головы купеческого каравана²¹. Он упомянут в требованиях Ивана III вернуть товар, конфискованный в Кафе в 1472 г. — «когда Степан-ку пограбили». Спустя 10 лет Степан оказывается в Литве после возвращения из торговой поездки в Малую Азию. На его руках куны великого князя. Значит, Иван III доверил ему закупки для своего двора. Через несколько лет Иван III пишет Менгли Гирею, восстановленному на ханском престоле, что на Усть-Осколе пограблены купцы, шедшие из Крыма; во главе каравана стоял Степан Дмитриев.

В 1498 г., возвратившись из новой поездки в Малую Азию, он выступает в Кафе при споре из-за имущества между русскими купцами. По дипломатическим документам, в Крыму и малоазийском «Заморье» Степан Васильевич побывал трижды, но поездок за 25 лет могло быть и больше: особенность этого источника в том, что он фиксирует движение купца лишь при ситуациях, требующих вмешательства властей.

Русские купцы ходили в Кафу разными путями. Пути эти прослеживаются по летописям, дипломатической переписке с Крымом и Польско-Литовским королевством, «хождениям» духовных лиц и паломников.

Московские купцы в эти годы обычно пользовались Доном или шли «по суху», степью через Дикое поле, однако эти пути придется исключить, раз Никитин шел со стороны Смоленска. Остаются пути: по Днепру на Черкассы и Киев и, наконец, через Дунайские земли в сторону Минска.

В «Хожении» есть место, где упоминаются Валашская и Подольская земли. Говоря об «обилии всем» этих земель, Никитин называет их после упоминания «Турской земли» и перед тем, как назвать Русскую землю. Это дало основание предполагать, что здесь скрывается указание на путь следования из Кафы. Дополнительным аргументом в пользу этого варианта пути, хотя и более

дальнего, служило то, что переход падает на зимнее время и караван не пошел бы необжитыми местами к Черкассам. Однако указанное место помещено Никитиным среди записей о пребывании в Индии, при перечислении многих географических пунктов, как тех, которые Никитин посетил, так и тех, где он не был (25). Кроме того, ничто не указывает на то, что путешественник покинул Кафу зимой. Следовательно, наиболее вероятным остается путь по Днепру через Киев.

27 марта 1475 г. из Москвы в Крым выехал боярин Алексей Старков. Посольство сопровождал приехавший с Беклемишевым Девлет-мурза. Документы книги «Крымских дел» не сообщают, чем закончилась миссия Старкова. Из турецких же источников мы уже знаем, что Менгли Гирей еще до лета был свергнут, а «на петров день», как лаконически сообщает летопись, «турский салтан Маамет Кафу взял...»²².

Гости, с которыми Афанасий Никитин вышел из Кафы, покинули город скорее всего весной 1475 г. Во всяком случае в начале года на Москве еще не знали об этом: в наказе Старкову повторено требование о купцах в Кафе, фигурировавшее в инструкциях Никите Беклемишеву. Так — что зиму 1474—1475 гг. Никитин, по всей видимости, провел в Кафе, имея возможность заняться своими записями. Купчина гостинной сотни Семен Мартынов Маленький, отправленный «с товарищи» в Индию в XVII в., умер на обратном пути, в Шемахе. Он был первым русским, побывавшим в Дели с официальными грамотами и «государски-ми товарами». Возвращался на двух кораблях. Один корабль с товаром был захвачен пиратами; товарами с другого корабля «расторговались» в пути. В Приказ большой казны спутники Семена привезли две грамоты в парчовых мешочках за красными печатями: «одна ответная государю от шаха персидского о бытности их в Персии и об отпуске в Индию, а другая, по приказу индийского шаха данная наместником шаховым купчине Маленькому об освобождении его от платежа пошлин, как с продажных, так и с покупных им в Индии товаров, и о безостановочном везде пропуске его»²³.

Спутники Афанасия Никитина привезли в Москву тетради — рассказ об Индии и «хождении» за три моря.

Путь последнего странствия Афанасия Никитина нам в точности не известен, как и то, какую смерть он принял. Но знаем, что уже Смоленск был недалеко.

Впереди лежала родная земля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История нам не оставила портрета Афанасия Никитина — судьба, достаточно обычная для незнатных людей средневековья. Кстати, когда в 1477 г. книга Марко Поло сошла с печатного станка, на фронтисписе был изображен просто типичный горожанин. Да и на Руси каждый список «Топографии» Козьмы Индикоплова миниатюристы снабжали портретом «плователя в Индию», сделанным по воображению: у одного получался глубокий старик, у другого — полный сил мужчина средних лет. Что же касается Афанасия Никитина — до нас не дошло даже и такого портрета. И все же герой нашего повествования — вполне реальный, обладающий индивидуальностью черт человек, об интересах, симпатиях и взглядах которого можно отчетливо судить по «Хождению за три моря», живой, остро мыслящий и горячо чувствующий. Читателю записок Никитина передаются его гнев и боль, когда он повествует о бедствиях войны, роскоши «бояр» и князей, нищете сельского люда, паломниках, обираемых храмами. Вместе с ним мы проникаемся симпатиями к трудовому люду Индии.

Через записки Афанасия Никитина могучим лейтмотивом проходит его любовь к Родине. Он не забывает ее ни на день, и, возвращаясь из далеких странствий через Каспийское, Аравийское и Черное моря, он восклицает: «Нет страны, подобной Русской земле!».

Шесть лет путешествовал Афанасий Никитин по Востоку, прошел многие земли, повидал десятки городов и сотни деревень: малабарский берег Индии, алмазные копи Райчуру, храм Шивы на берегах Кистны, караван-сарай Баку, Маската, Исфохана, трапезундский порт, гемузскую Кафу.

Караванные и морские маршруты, перечни товаров, время в пути, климатические особенности — все это нашло отражение в записках Афанасия Никитина. Есть и сведения, основанные на местных поверьях.

Не одной лишь наблюдательности путешественника обязаны мы появлению записей о быте и обычаях народов Индии. Это стало возможным также благодаря тому, что Никитин «познался со многими индейцами... и они же не учили ся от мене крыти ни о чем, ни о естве, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех» (17—18).

Выдающееся произведение Древней Руси, записки Афанасия Никитина о путешествии за три моря обретают с каждым этапом изучения новую жизнь, позволяя глубже проникнуть в биографию путешественника и гуманиста эпохи великих географических открытий, лучше оценить значение памятника, стоящего у истоков русско-индийской дружбы.

«При колонизаторах,—говорил советскому писателю Борису Полевому индийский писатель Ходжа Ахмад Аб-бас, — во всех наших университетах юношеству внушали, что Индию открыл для Европы и европейцев Васко да Гама. Он якобы первым описал Индию. Но это же историческая

ложь, ваш соотечественник был у нас на тридцать лет раньше. Ваш соотечественник был коммерсант, он открывал дорогу дружбы, он писал как сын великого народа о другом великом народе, Афанасий Никитин относился к народу Индии не только с интересом, но с уважением. Этим проникнута книга...»¹,

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817, т. VI, с. 344.
- ² ДРВ. 2-е изд. М., 1791, ч. XVI, с. 231-232.
- ³ Чтения ОИДР, 1871, кн. 1, с. 17.
- ⁴ Там же, с. 32. Сказание о Троянской войне стало известно на Руси в XII в. по переводу «Хроники» Малалы.
- ⁵ Турье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л.: Наука, 1976, с. 237.
- ⁶ Хождение за три моря Афанасия Никитина. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 32 (Литературные памятники). (Далее: страницы по этому изданию указаны в тексте); ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 303.
- ⁷ ГПБ, Рукоп. отд. Р.1У,144, л. 441—442. В летописи: «дория Хвалитьскаа», «дория Стебольскаа». Испр. по Троицкому списку, факсимильное изд. в кн.: Никитин Афанасий. Хождение за три моря. М.: Географгиз, 1960.
- ⁸ Срезневский И. И. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. СПб., 1857, с. 19—20.
- ⁹ О Василии Мамыреве см.: Кучкин В. И. Судьба «Хоже-ния за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности.—ВИ, 1969, № 5; Веселовский С. В. Приказные дьяки и подьячие X—XVII вв. М.: Наука, 1975, с. 316.
- ¹⁰ О списке Суханова название вынесено на поле; в списке Уидольского — в конце текста. См.: ГПБ, Рукоп. • отд., РХУП.П, л. 402. На необходимость привлечения списка Суханова обратил внимание А. А. Зимин, опубликовавший также сохранившиеся фрагменты одного из списков «Хо-жения» XV века. См.: Зимин А. А. Новые списки «Хоже-ния Афанасия Никитина».—Труды ОДРЛ, 1957, т. 13, с. 437-439.
- ¹¹ ПСРЛ, т. VI, с. 345.

За год до Казанского похода

- ¹ ПСРЛ, т. 25, с. 299-302; 1-е издание <Ы ТепеИ пелГАЗле 1470—1474: ВосителЦ сауаЫ йаИ'АгсЫюу а! Егат т Уепе-га/ РийИ. рег Е. Согпел. V^еп-па, 1856.
- ² Там же, с. 282. ³ Там же, с. 283.
- ⁴ ПСРЛ, т. 25, с. 301, 303. Документы посольства см.: Сб. РИО. СПб., 1884, т. 41, с. 6-9.
- ⁵ Барбаро и Контарини о России. Л.: Наука, 1971, с. 211, 213 (далее: Барбаро и Контарини).
- ⁶ Там же, с. 215—216.
- ⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. 8, с. 153.
- ⁸ ПСРЛ, т. 25, с. 279—280.
- ⁹ Там же, с. 281
- ¹⁰ ПСРЛ, т. XIX, с. 224-225,
- ¹¹ Там же, с. 225.
- ¹² Устюжский летописный свод, М.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 88.
- ¹³ Барбаро и Контарини, с. 158.
- ¹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 153.
- ¹⁵ Барбаро и Контарини, с. 220. См. также с. 157.
- ¹⁶ Там же, с. 217, 221.
- ¹⁷ Матх К. 8есгел ДрIотаИс Ыз-логу о? Ые еl§B(сепI;п сегНигу. Бопйоп, 1899, р. 81.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 416.
- ²⁰ ДЛГ. М.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 203-206. ²¹ ПСРЛ, т. 25, с. 281.
- ²² Там же, т. VIII, с. 155.
- ²³ ПРП. М.: Госюриздат, 1955, вып. 3, с. 346.
- ²⁴ Опись царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М.: Изд-во вост. лит., 1960, с. 99.
- ²⁵ ПСРЛ, т. VI, с. 125.
- ²⁶ ПС. СПб., 1884, т. 2, вып. 3.
- ²⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866 (далее: Герберштейн), с. 87.
- ²⁸ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 279-283.
- ²⁹ Герберштейн, с. 150.
- ³⁰ Спаский И. Г. Русская монетная система. 4-е изд. Л.: Аврора, 1970, с. 96.
- ³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.
- ³² Естественнонаучные представления Древней Руси. М.: Наука, 1978.
- ³³ Лихачев Д. С. Великое наследие. М.: Современник, 1975, с. 6-7, 242-250.
- ³⁴ Труды и летописи ОИДР. М., 1837, ч. VII, с. 121. По Малиновскому, Афанасий Никитин провел в Индии 5 лет, между тем летописец обозначил чис ло лет буквой Д, что соответ* ствует цифре 4, поскольку вторая буква русского алфавита не имела числового значения.
- ³⁵ Летописец русской. СПб., 1792, ч. III, с. 44; ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 302—313. Первое издание архивного списка «Хоже-ния»; Строев П. М. Софийский временник. М., 1821, ч. II.
- ³⁶ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М.г Изд-во АН СССР, 1963.
- ³⁷ ПСРЛ, т. 25, с. 282.

Первое море — Каспийское

- ¹ Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836, т. 1, с. 194.
- ² Герберштейн, с. 112.
- ³ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935, с. 43.

- ⁴ ПРП, вып. 3, с. 171—172.
- ⁵ ААЭ, т. III, № 180.
- ⁶ ПРП. М.: Госюриздат, 1957, вып. 6, с. 47.
- ⁷ *Герберштейн*, с. 89—90.
- ⁸ *Кунин К. И.* Путешествие Афанасия Никитина. М.: Гео-графиздат, 1947, с. 10.
- ⁹ Сб. РИО. СПб., 1884, т. 41, с. 313.
- ¹⁰ Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией (далее: Памятники). СПб., 1890, т. 1, с. 368, 370.
- ¹¹ Хожение купца Федота Кото-ва в Персию. М.: Изд-во вост. лит., 1958, с. 30 (далее: Котов).
- ¹² Книга Большому чертежу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 143.
- ¹³ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. СПб., 1884, с. 303.
- ¹⁴ *Заходер-В. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1967, т. 2, с. 166-172.
- ¹⁵ "Барбаро и Контарини, с. 157, 220," Котов, с. 31—32.
- ¹⁷ Сб. РИО, т. 41, с. 322, 405.
- ¹⁸ Памятники, т. 1, с. 452.
- ¹⁹ Котов, с. 34.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Барбаро и Контарини, с. 216.
- ²² Котов, с. 34.
- ²³ ПРП. М.: Госюриздат, 1952, вып. 1, с. 114. « ПРП, вып. 3, с. 355. » Сб. РИО, т. 41, с. 155, 162, 235.
- ²⁶ Котов, с. 35.
- ²⁷ Там же, с. 36.

Второе море — Индийское

- ¹ Путевые заметки Абдурразза-ка Самарканди о его поездке в Индию. Ташкент, 1960. Перс, текст и пер. на совр. узб. яз.
- ² Книга Марко Поло. М.: Гео-графиз, 1956, с. 68, 211 (далее: Марко Поло).
- ³ Там же, с. 184.
- ⁴ Там же, с. 68.
- ⁵ Там же.
- ⁸ Там же, с. 168.
- ⁷ *Civitates orbis terrarum*. Amsterdam, 1572, lib. 1, N 54.
- ⁸ *Шумовский Т. А.* Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
- ⁹ *Минаев И. П.* Старая Индия: Заметки на хождение за три моря Афанасия Никитина. СПб., 1881, с. 15—17.
- ¹⁰ *Срезневский И. И.* Хождение за три моря..., с. 36—38.
- ¹¹ *Марко Поло*, с. 197.
- ¹² Там же, с. 198—199.
- ¹³ Там же, с. 197.
- ¹⁴ *Firishta Muhammad Kasim ibn Hindu Shah*. History of the rise of Muhammadan power in India. 3-th ed. Transl. from the original Persian. Calcutta, 1958, vol. II, part 1, p. 120—121 (далее: Firishhta).

Семь врат Бидара

- ¹ *Марко Поло*, с. 183.
- ² *Самойлов В.* Хождение за три моря.— Наша страна, 1938, № 9, с. 35. Ср.: *Осинов А. М.* и др. Афанасий Никитин и его время. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1956.
- ³ *Major R. H.* India in the fifteenth century being a collection of narratives and voyages to India. London, 1857.
- ⁴ *Минаев И. П.* Старая Индия, с. 30.
- ⁵ *Ильин А.* Подробный атлас всех частей света. СПб., 1882; *Воробьев Н. И.* Хождение за три моря.— Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та, 1938, вып. 1, с. 112-113.
- ⁶ Исторические песни. Л.: Сов. писатель, 1951, с. 73.
- ⁷ Махабхарата. Рамайана. М.: Изд-во Худож. лит., 1974, с. 454-456.
- ⁸ Котов, с. 54.
- ⁹ Чтение ОИДР, 1871, кн. 1, с. 55.
- ¹⁰ Книга, глаголемая Козьмы Индикоплова. СПб., 1886, сл. 2.
- ¹¹ *Firishhta*, p. 120.
- ¹¹ *Firishhta*, p. 120.
- ¹² *Минаев И. П.* Старая Индия, с. 34, 94.
- ¹³ *Марко Поло*, с. 208.
- ¹⁴ *Кунин К. И.* Путешествие Афанасия Никитина, с. 29—30.
- ¹⁵ *King J. S.* The history of the Bahmani dynasty founded on the Burhan-i Maasir (flanee: Burhan-i Maasir) . London, 1900, p. 103.
- ¹⁶ Никитин Афанасий. Хождение за три моря. М.: Географиз, 1960.
- ¹⁷ *Burhan-i Maasir*, p. 103, p. 103
- ¹⁸ ПСРЛ, т. VI, с. 357.
- ¹⁹ *Цибульский В. В.* Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронистические таблицы и пояснения. М.: Наука, 1964, с. 78-79.
- ²⁰ Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 80. (Литературные памятники).
- ²¹ *Nilakanta Sastri H. A.* A history of South India. Oxford, 1955, p. 32, 251; *Kemp P. M.* Bharat-Rus. Delhi, 1958, p. 11, 14-15; *Trivedi D. S.* Indian chronology. Bombay, 1959, p. 45; *Bhat-tacharya S. A.* A dictionary of Indian history. Calcutta, 1967, p. 96.
- ²² *Sewell R.* A forgotten emper (Vijayanagar). London, 1900, p. 103—106. См. также: *Edwards M. A.* A history of India. Bombay, 1961, p. 118

- ²³ *Fonseca L. N.* An historical and archeological sketch of the Goa. Bombay, 1878, p. 127—129.
²⁴ *Sherwani H. K.* History of medieval Deccan. Hyderabad, 1973, vol. 1, p. 188.
²⁵ *Firishia*, p. 120—126; Хожение за три моря Афанасия Никитина. 2-е изд., с. 25—28.
²⁶ *Burhan-i Maasir*, p. 106.

Третье море — Черное

- ¹ *Марко Поло*, с. 201.
² «Хожение» Зосимы (1420 г) — ЧОИДР, 1871, кн. 1, с. 30.
³ Там же.
⁴ *Магидович И. П.* Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1967
⁵ Цит. по кн.: *Вертельс Е. Э.* Навои. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 123..
⁶ *Марко Поло*, с. 60
⁷ Там же
⁸ Барбаро и Контарини, с. 92
⁹ Там же, с. 70-71
¹⁰ Цит. по кн.: *Вертельс Е. Э.* Навои, с. 15.
¹¹ *Абидова М. А.* К истории внешней политики Ак-Коюнлу (война с Турцией 1472— 1473 гг.) .-Тр. САГУ. Нов. сер., 1959, вып. 151, с. 47—53.
¹² A narrative of Italian travels in Persia in the 15th and 16th centuries. London, 1873; *Hammer I.* Histoire de l'Empire Ottoman. Paris, 1836, t. 3, p. 160— 168.
¹³ Барбаро и Контарини, с. 80.
¹⁴ *Aubin J.* Les relations diploma-tiques entre les Aq-qoyunlyet les Bahmanides.— In: Iran and Islam /C. E. Bosworth (Ed.). Edinburgh, 1971, p. 11— 15.
¹⁵ Русско-индийские отношения в XVII в. М.: Изд-во вост. лит., 1958, с. 49—55.
¹⁶ *Марко Поло*, с. 56.
¹⁷ *Клавиево Р. Г.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. СПб., 1881, с. 138.
¹⁸ Барбаро и Контарини, с. 214.
¹⁹ Сб. РИО, т. 41, с. 8.
²⁰ Там же; ПСРЛ, т. VI, с. 32.
²¹ Сб. РИО, т. 41, с. 8-9, 235, 297; т. 35, с. 11—12. Биография этого видного купца-суроужанина наводит на мысль: не его ли отец «гость Василий» оставил записки о своих странствиях на Ближнем Востоке в 1460-е годы?
²² ПСРЛ, т. VI, с. 32; т. VIII, с. 181.
²³ Труды и летописи ОИДР, 1837, ч. VII. Текст грамот: Русско-индийские отношения в XVII в., с. 365—370.

Заключение

- ¹ Правда, 1960, 10 февр

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. - В кн.: Бартольд В. В. Соч. М., 1977, т. 9.
Ильин М. А. Афанасий Никитин. - В кн.: Люди русской науки. М.; Л., 1948, т. 1.
 История Индии в средние века. М., 1968.
Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817, т. VI.
Кунин К. И. Путешествие Афанасия Никитина. М., 1947.
Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 г. М., 1971.
Минаев И. П. Старая Индия: Заметки на хождение за три моря Афанасия Никитина. СПб., 1881.
Осипов А. М., Александров В. А., Гольберг Н. М. Афанасий Никитин и его время. 2-е изд. М., 1956.
 Очерки истории русской культуры. М., 1977, ч. 2.
Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. М., 1954.
Срезневский И. И. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466-1472 гг. СПб., 1857.
Соловьев С. М. История России. М., 1963, кн. 3.
Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1963, т. 4.
Bhattacharya S. A. A dictionary of Indian history. Calcutta, 1967.
Kemp P. U. Bharat-Rus. Delhi, 1958.
Nilakanta Sastri K. A. A history of South India. Oxford, 1955.
Prasad tshwari. L'Inde du VII-e au XVI-e siecle. Paris, 1930.
Sewell R. A forgotten empire (Vijayanagar). London, 1900.
Sherwani H. K. History of medieval Deccan. Hyderabad, 1973—1974, v. I-II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией Академии наук
 ВИ — Вопросы истории
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
 ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика
 ОДРЛ — Отдел древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
 ОИДР — Общество истории и древностей российских
 ПРП — Памятники русского права

ПС — Палестинский сборник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИО — Русское историческое общество
САГУ - Среднеазиатский государственный университет

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдарраззак Самарканда 30, 66, 68, 73, 102
Абдаррашид ал-Бакуви 56
Абдул Керим Синдхи 99
Абдулла Адиль-хан Саваи 101
Абдуррахмаи Джами 116
Абу-Саид 28, 52, 58, 117
Абул Касим Абдаллах Кашани 60
Айбек 14
Ала-ад-дин 72, 101—102
Ала-ад-дин I Бахмани 76
Александр 33—34
Александр Невский 23
Али ибн Азизулла Таба Табаи 94, 105, 107
Али Реза 60
Алишер Навои 113, 116
Альмейда 63
Анджолелло Джованни 118, 120
Андрей Васильевич 12
Асад-хан Гиляни 82—88
Афанасий Никитин 3—7, 16, 20, 23-42, 44-133
Ахмед-хан 8—10, 14—15, 17, 40, 42
- Барбаро Иосафат 13, 50, 60—61, 112-113, 115—116, 120-122
Басенков Никифор 9
Баязид II 15, 35, 118
Беззубцев К. А. 11—12, 18
Беклемишев Никита 9, 128—129, 131
Бережков Н. Г. 27, 135
Борис Александрович 17, 29—30, 32
Борис Владимирович 31
Борис Константинович 37
Бороздин Борис Захарьич 28-29, 31
Бороздин Семен Захарьич 31
Булаг-бек 50, 57
- Василий II 21, 29, 31—32
Василий III 24, 37
Васко да Гама 3, 28, 67, 75, 105, 133
Верейский В. М. 12
Верейский С. Р. 11
Виельгорский М. М. 79
Вирупакша II 75, 102
Воробьев Н. И. 79
- Гедик Ахмед-паша 129
Геннадий Кожя 28—29
Герберштейн С. 22, 29, 32, 36—37
Геронтий 4, 24
Глеб Владимирович 31
Гридя Жук 130
- Давид 124
Даниил Заточник 126
Даниил Черный 23
Дауд-паша 118
Девлет-мурза 129, 131
Дженкинсон А. 41, 48
Джеханшах Кара-Коюнлу 28, 52, 113, 115, 117
Дзено Катарино 117—118, 120—121
Дмитрий Донской 23, 32
Дмитрий Константинович 37
Дмитрий Шемяка 29, 31
- Едигей 32
Ермолин В. Д. 6
- Зейнель-бей 117
Зосима 4, 111

Ибн ал-Биби 19
Ибн Батута 43, 114
Ибн Маджид 3, 67
Ибрагим 10—13
Иван Андреевич Можайский 31
Иван III 7-19, 21, 24-40, 45, 51, 86, 98, 115, 128—130
Иван IV 24, 43
Иван Сараев, 35
Ильин А. 79
Исхак-паша 117

Казембек А. К. 95—96
Казимир IV 8—9, 14, 16
Калидаса 4
Кампеше А. 29
Кара Кючук 9
Карамзин Н. М. 3, 26, 98
Каеим 10
Касим-бей 117, 119
Касим-султан 13—14, 44—45
Кассандра 106
Кемп П. М. 98
Клавиho Р. Г. 60, 123—124
Ключевский В. О. 35
Козьма Индикоплов 3, 65, 81—82, 85, 122, 132
Кокос 128
Колумб 3
Контарини Амброджо 9, 13, 40, 49—50, 115—116, 121, 125, 129
Конти Николо 66, 71, 85
Копьл 40
Корабейников Трифон 4, 81
Котов Федот 41, 43—44, 49, 56, 81
Кришна 94
Кубанский И. С. 40
Кунин К. И. 38, 86, 111—112
Кутузов А. С. 40

Лазарев Дмитрий 9
Ленин В. И. 13, 22
Лихачев Д. С. 23
Львов Н. А. 27

Магидович И. П. 111, 137
Макарий 31
Малик Хасан 88, 101
Малиновский А. Ф. 26
Мамай 14, 32
Мамырeв Василий 4—6, 130
Манлам Мухаммед Ахмед Кунджи 122
Марко Поло 3, 65—66, 74—76, 85, 114-115, 122—124, 132
Марко Россо 10, 51
Маркс К. 10, 15
Мартынов Семен 131
Махал оглу Али-бей 120
Махдума Джахан 107
Махмуд Гаван 83, 86—88, 92—95, 99—107, 121
Менгли Гирей 8-10, 14, 128-131
Минаев И. П. 71, 84, 88, 95, 99—106
Михаил Борисович 7, 28—29, 35
Михаил Киселев 35
Мочениго Пьетро 121
Мурзаев Э. М. 111
Муртаза 9
Мустафа 118—119
Мухаммед 60, 85, 87
Мухаммед (Мехмед) II 14, 117—121, 124, 127—128, 131
Мухаммед III Бахмани 76, 90—94, 99, 106-107
Мухаммед Ядигар 52

Новиков Н. И. 4

Оболенский Нагой П. В. 11, 18
Оболенский Стрига И. В. 10

Одорик из Порденоне 114
Олеарий А. 47
Омар-бей 118
Омар ибн Саду 60
Онъибен Паоло 121, 129

Папин Василий 4, 25, 27—28, 35—36, 42, 44, 48—52, 98
Патрикеев И. Ю. 12
Петрушевский И. П. 69
Пир Ахмед-бей 117, 119—120
Плещеев Андрей 42
Полевой Б. 133
Пушкин А. С. 129

Рама 81
Рамузио Д. Б. 118
Родион Кожух 4, 7
Рум Мехмед-паша 117
Руно И. Д. 11—12
Рублев А. 23
Ряполовский Ф. С. 11

Самойлов В. 77, 108
Скржинская Е. Ч. 121
Соловьев С. М. 26
Спасский И. Г. 22
Срезневский И. И. 5, 25—28, 71—73, 84, 95-99, 104-107
Степан Васильевич Дмитриев 130
Строев П. М. 26
Старков А. И. 10, 131
Суханов Арсений 6
Съроежин Никита 122

Тавернье Ж. Б. 3
Тальзин Никифор 42
Тахтамыш 32
Тимур 19, 43, 59—60, 63, 113, 123
Триведа Д. 98
Тривизан Д. Б. 8—9
Толбузин Семен 9
Тушканов Василий 122

Узбек 42
Узун Хасан Ак-Коюнлу 28, 42, 51-52, 58, 115—125
Улугбек 30
Ундольский В. М. 85, 134

Фаррух Ясар 27—28, 42, 48—52, 56, 58, 86, 123
Фатхулла Дарья-хан 101
Федор Хрипун см. Ряполовский Ф. С.
Феодора 117
Феофан Грек 37
Фериштэ 75, 83, 88, 99—101, 104—105, 107
Фируз-шах Бахмани 106
Френ Х. Д. 95

Хаджи Гирей 8
Хаджи Шихабалдин Лутфулла Тюрк 121
Халил-бек 50—51
Хамдаллах Казвини 48, 59
Хасан-бек 28, 35—38, 40, 44-51
Хасан-бек см. Узун Хасан
Хасан-бек Румлу 118
Хас Мурад-паша 120
Ходжа Ахмад Аббас 133
Ходжа Мехмед 86—89
Холмский Д. Д. 12
Хумайюн-шах 107
Хусейн 60

Чаев Н. С. 24, 89, 97

Шамсуддин Мухаммед Ширвани 122
Шастри Нилаканта 98
Шахрух 30, 63
Шива 132
Ших Ахмед-хан 15
Шлиман Г. 4

Эминех-бей 127—129
Энгельс Ф. 16

Юрий Васильевич 4, 7, 10, 12—13, 18, 25-27
Юсуф-мирза 118—119

Ярославский Д. В. 11

Aubin J. 137
Bhattacharaya S.A. 137—138
Bosworth C.E. 137
Cornet E. 134
Edwards M. A. 137
Firishta см. Ферриштэ
Fonseca I. N. 137
Hammer I. 137
Kemp P. M. см. Кемп П. М.
King J.S. 136
Major K. H. 136
Sastri Nilakanta см. Шастри Н.
Sewell R. 137-138
Sherwani H. K. 137-138
Triveda D.S. см. Триведа Д.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аберкух 113
Аден 68, 85, 110
Аденский залив 111
Азербайджан 43, 52, 55, 57, 123
Азов 22, 39—40, 43—44
Алеппо 114
Аланд 77, 89—90, 107—108
Алушта 127
Амасья 118—119
Амоль 58—59
Амендрие 107

Анатолия 118
Англия 3
Апшеронский п-ов 56
Аравия 20, 62—65, 67, 85, 110—111, 124
Аравийское море 3, 67, 73, 109, 132
Ардебиль 57—58, 123
Армения 52
Армянское нагорье 123
Астрахань 13, 22, 38, 40—48, 51
Атина 125
Африка 111, 122, 124
Ахтуба 42, 44

Бавильруд 112
Багдад 63, 115
Байбурт 120
Баку 48, 52, 55-58, 61, 64, 132
Балаклава 126—127
Балканы 6
Баскунчак 42
Басра 115
Батуми 125
Бахрейнские острова 63—64
Бейшехир 119
Белгаон 101, 103—107
Белоозеро 32
Бенгалия 63
Бенгальский зал. 91
Берар 91
Берекезан 38
Бидар 61, 72, 77, 88—92, 95, 97, 100-102, 106-109, 112
Биджапур 99
Битлис 118
Богун 45
Брусса 114
Бузан 44
Бухара 59, 61

Валашская земля 130
Варангал 101
Великий Устюг 18, 32—33
Венгрия 14—15
Венеция 8—10, 44, 117, 120—121, 129

Верамин 60
Виджаянагар 63, 67, 74—75, 80, 83,89, 91, 98—109
Владимир 10, 23
Волга 9—14, 29—31, 37—38, 44—49, 56, 123
Вологда 18, 32—33
Вонада 126
Вятка 11, 16, 18, 32

Гармсир 115
101, 104, 121
Голконда 108
Голландия 3
Грузия 123
Гуджарат 67—71, 74, 91, 100
Гулбарга (Кульбарга) 89—91, 100, 106-108, 112
Гурзуф 127

Дабхол 67-69, 76-77, 100, 107-111
Дания 15
Дальний Восток 70, 76
Дамаск 112
Даулатабад 91
Двинская земля 16, 32
Девичьи горы 14
Дега (Дезат) 68 Дели 91, 131
Декан 79, 85, 90—91, 98,101, 105
Демавенд 58—59
Дербент 25, 28, 43, 46, 48—54, 57,86
Джераун 63, 112
Джидда 64
Джуннар 62, 71—73, 76—80, 82—90,112
Дйу (Двина) 68, 100
Дмитров 31
Днепр 130—131
Дон 14, 39—40, 130

Европа 3, 8, 21, 41-42, 48, 56 Египет 6, 20, 43, 63, 65, 67—68 Евфрат 120

Заволочье 15
Закавказье 28, 51, 53, 98, Ш, 123
Западные Гаты 79
Звенич 12

Ивангород 37
Индия 3—7, 26—27, 43, 52—53, 58, 60—86, 97-99, 104-117,121-122, 131-133
Индийский океан 5, 57—58, 63, 67, 74, 99, 109
Ирак 43, 60, 63
Ирыхов 11
Исфahan 57, 60, 113—115, 132
Италия 118
Йезд 58, 60—63, 112-113

Кавказ 123
Казанка 108
Казань 4,10-12,18,22,25-27,38-42
Кайен 61
Каллур 107—109
Калхат 68—70, 73
Калязин 31
Кама 12
Камбей 67—69, 71, 76—79, 100, 108
Камбейский зал. 68—69
Караман 117—118, 120
Карасу 123
Каспийское море 5, 44, 48—49, 52, 55, 57, 59, 88, 123, 132
Катхиявар 68—69
Кафа (Феодосия) 20, 39—40, 44, 55, 98, 124—132
Кашан 58—60, 62, 113—114
Келна 74, 84, 96, 99, 101
Кения 122
Кербела 60
Керман 62—63
Киев 9, 130—131
Кипр 117, 120—121
Кистна 91, 101, 107, 132
Китай 63
Кичменга 11
Клязьма 38
Кожикоде (Каликут) 67-03, 70, 73, 75-76, 100, 108

Коилконда 108
Кондапалли 101
Конкан 74, 93 Константинополь 20, 57, 111, 117—118, 120
Копья 118—119
Коровнич 11
Кострома, г. 16, 19, 31—35, 54
Кострома, р. 32
Красное море (Кульзум) 48, 63, 68, 110
Красный Яр 44
Крым 8—10, 19—20, 22, 30, 39—41, 44, 47, 55, 126, 128—131
Кулонгир 89—90
Кум 113—114
Куриа-Муриа 111
Кутахья 118
Кьрк-иер 9

Лар 58, 62-63

Ларистан 63

Лорепде 117

Литва 30, 130

Мазендеран 48, 52, 56—59, 113

Малабар 63, 68, 74—75, 77, 91

Малая Азия 20, 115, 117, 119, 123—124, 130

Мальва 91

Манкуп 129

Маскат 63, 68, 109, 111—112, 132

Медина 68, 85, 110

Мекка 68, 85, 110

Мещерский городок (Касимов) 10

Мидия 59

Минск 130

Молдавия 15

Москва 4, 7—12, 15—25, 28—32, 37, 40, 45, 55, 98, 126, 128, 131—132

Мосул 115

Муганская степь 52, 58

Муром 11

Мушская равнина 52

Наин 58, 60—62, ИЗ

Нарова 37

Наряс 107

Нижний Новгород 11, 16, 19, 25, 31-38, 42, 45, 54, 86

Новгород 14—16, 19, 21, 30

Ока 14, 38

Опольщина 15

Орисса 88, 91, 99

Ормуз (Новый Ормуз) 5, 51, 56, 62—73, 110, 112

Остров купцов (Гостиный о.) 92

Отлукбели 120

Пали 77—79

Передняя Азия 59, 112

Перекоп 39

Пермская земля 15, 16, 41

Пермь 32

Персия 3, 6, 9, 13, 19—20, 37, 40—43, 47, 51, 54—66, 80, 86, 112-121

Персидский залив 58, 63, 66, 110, 114

Пертениг 127

Печора 32

Печорская земля 32

Поволжье 15, 22, 40, 42

Подольская земля 130

Раджамандри 101

Райчуру 107—109, 116, 132

Рей 58—60

Рига 19

Родос 117

Ростов 23

Румелия 120

Русь 5, 8—10, 14—15, 19—24, 30-31, 35, 44, 47, 51-53, 59-62, 71, 73, 80-81, 85, 96, 106, 109, 126-133

Рязанская земля 15

Сарай Берне 14, 19, 22, 25, 4261, 63-64, 112

Старая Русса 15

Старый Ормуз 58, 63, 112

Султанья (Сольтание) 113—115

Сури 107—108

Сураг 79, 108

Сурож 19, 44, 127, 116, 122

Тарки 48-51

Таром 58, 62-63

Тверца 29

Тверь 16-23, 28-30, 42, 52, 54, 60, 97-98

Тебриз 8, 10, 20, 28, 43, 57, 112-116, 122

Тегеран 59

Телингана 91, 101

Тихая сосна 14

Токкат 118-120

Трабзон 120, 123-125

Троя 4

Тунгабхадра 102, 107

Туркестан 68

Турция 6, 15, 20, 57, 119, 131

Тьмака 30

Углич 22, 31, 33

Угра 14—15

Умра 79

Умрат 79

Умри 77, 79, 112

Услан 38

Усть-Воронеж 39

Усть-Оскол 130

Фарс 62

Холопий городок 22, 32

Хорасан 52, 62, 64, 68

Цейлон 70

Чагатайская земля 61

Чам 126

Чапакур 58—59, 61

Чаул 68-71, 75-79, 90, 100, 108, 110

Черемисская земля 10

Черкасы 131

Черное море 4, 5, 44—45, 123

Шабран 57

Шексна 32

Шелонь 16

Шемаха 8, 25, 27—28, 31, 43—44, 51-52, 55-58, 98, 122-123, 131

Шиб-Бавван 112

Шираз 20, 52, 62, 112

Эльбурс 59

Эльтон 42

Эрзерум 20, 120, 123

Эрзинджан 118, 120, 123—124

Эфиопия 67, 69, 122

Ялта 127

Ярославль 16, 19, 33

Ярославская земля 15, 33

